

Сын Орла

Виктор О'Коннелл

Виктор О'Коннелл

Сын Орла

«Издательские решения»

О'Коннелл В.

Сын Орла / В. О'Коннелл — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-938230-6

Руперт — единственный сын английского лорда и испанской графини, предки которых обогатились, эксплуатируя индейцев Америки. В 1982 году, будучи студентом Оксфорда, он встречает индейского старейшину, прибывшего в Англию, чтобы потребовать соблюдения договора, который королева Виктория заключила с индейцами канадских прерий в 1876 году. Столкнувшись с шантажом и убийством, юноша всерьез задумывается над моральной стороной своих наследственных привилегий и пытается взять в руки собственную судьбу.

ISBN 978-5-44-938230-6

© О'Коннелл В.
© Издательские решения

Содержание

Об авторе	6
Предисловие автора	7
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ,	8
Глава 1	8
Глава 2	72
Глава 3	112
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Сын Орла

Виктор О'Коннелл

Переводчик Александр Семенцов

Дизайнер обложки FormattingExperts.com

© Виктор О'Коннелл, 2019

© Александр Семенцов, перевод, 2019

© FormattingExperts.com, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4493-8230-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Об авторе

Виктор О'Коннелл родился в Англии; получил степень доктора философии в Оксфордском университете. Область его научных исследований – антропологические аспекты построения нации в постколониальном обществе.

В 1964—1966 годах д-р О'Коннелл участвовал в программе развития системы образования индейских племен в Гайане, Южная Америка, затем долгое время жил в Канаде, работая преподавателем университета и советником в индейских организациях и общинах.

В 1981—1982 годах Виктор О'Коннелл являлся официальным представителем нескольких сотен индейских вождей, развернувших в Британии политическую кампанию по защите прав коренных жителей Канады перед Британской Коронай, парламентом и судами.

«Сын Орла» – это художественный вымысел, основанный на фактах. Автор принимал непосредственное участие в исторических событиях, на фоне которых разворачивается действие романа.

Вы можете подробнее ознакомиться с творчеством Виктора О'Коннелла на сайте: <https://victoroconnell.wixsite.com/syn-orla>.

Предисловие автора

Для обозначения коренных народов Америки я использую термины, которыми мои вымышленные герои пользовались бы в тех обстоятельствах и в те исторические периоды, которые описаны в романе. Это не означает, что лично я отдаю предпочтение этим терминам. В XV веке, когда Христофор Колумб открыл Америку, их называли «los Indios» или «индейцами», потому что Колумб полагал, что приплыл в Азию, точнее – в Индию. С тех пор было изобретено много разных названий. В настоящее время в Канаде многие коренные народы предпочитают называть себя: (1) Первыми народами, (2) Инуитами и (3) Метисами. Термин «коренные народы» используется в Конституции Канады.

Я выражаю признательность Соломону Ратту из Саскачеванского Университета Первых народов (First Nations University) за безвозмездную помощь при составлении слов и выражений на языке кри.

Виктор Маннион О'Коннелл
2017 год

* * *

В память о моей матери
Бриджет Маннион.

Посвящается
Ноэлю Северину Иверсону, доктору философии,
в благодарность за неизменную поддержку.

Особая благодарность
Александру Николаевичу Семенцову —
дотошному и вдохновляющему редактору.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ, в которой раскрываются четыре мировоззрения

Глава 1 ПОЛЕТ ОРЛА

Ранним мартовским утром 1982 года рейс авиакомпании «Эйр Канада» прибывал в Лондон точно по расписанию. Гул двигателей понизился на полтона, и авиалайнер начал плавно снижаться над Северным морем. Со времени вылета из Альберты прошло почти девять часов, и большинство пассажиров были слишком измотаны перелетом, чтобы заметить незначительные изменения в движении воздушного судна. Единственным человеком в салоне, пребывавшим в бодром расположении духа, был индеец восьмидесяти двух лет по имени Чистый Голос. Он все еще испытывал благоговейный восторг, который охватил его в первые секунды полета.

Накануне вечером Боинг 767 с ревом оторвался от взлетной полосы сияющего огнями нового аэропорта Калгари. Аэропорт был расположен у западного края Великих равнин, где сто лет тому назад дед Чистого Голоса, Ловкий Охотник, охотился на бизонов. Развернувшись хвостом к солнцу, садившемуся за Скалистые горы, лайнер взял курс на северо-восток и медленно поплыл над каньонами Бэдлендс, где из неглубоких «могил» проступали на поверхность бесплодной земли побелевшие от времени кости динозавров. В сгущавшихся сумерках самолет пересек границу Саскачевана и продолжал набирать высоту над запорошенными снегом холмами, замерзшими озерами и заледенелыми болотами северной Манитобы.

Вдоль южных окраин Альберты, Саскачевана и Манитобы – трех равнинных провинций Канады – протянулась через весь континент – от Тихого до Атлантического океана – полоса огней. Сеть больших и малых городов, отмеченных пятнами света, простиралась до границы с Соединенными Штатами Америки, которую Ловкий Охотник называл «Магической Линией».

К северу от этого узкого урбанизированного коридора плотность населения Канады резко снижалась. Ночью огромные Северные территории были погружены во тьму совсем как в доисторические времена. Случайные редкие огоньки внизу будили воображение Чистого Голоса. Они представлялись ему то одинокими лагерными кострами индейских охотников, то отражением лунного света в воздетых к небу глазах волка.

Эти бескрайние равнины Чистый Голос знал, как свои пять пальцев. За последние шестьдесят пять лет он исходил и изъездил их вдоль и поперек – пешком, верхом, на автобусах и поездах. И все эти годы он оставался верен главному делу своей жизни – снова и снова напоминал индейским народам о тех правах, которые давал им международный договор с Великобританией.

Иногда Чистый Голос путешествовал за пределы равнин – на восточное побережье Канады, где жили народы, говорившие на языке ирокезов; или на запад, где за Скалистыми горами обитали племена атапасков. Местная католическая церковь сурово осуждала его и грозила отлучением и вечным проклятием. Провинциальная и муниципальная полиция неизменно цеплялась к нему, проявляя необычайную бдительность, когда дело касалось индейцев. За ним неусыпно следили индейские агенты федерального правительства¹, которые пользова-

¹ Индейский агент – чиновник, назначавшийся правительством Канады для управления индейской резервацией. (Здесь и далее примечания переводчика.)

лись почти неограниченной властью над индейцами. Иногда против него выступал и его собственный народ.

Королевская канадская конная полиция то и дело арестовывала Чистого Голоса и силой возвращала домой – в резервацию Бизоний Ручей, расположенную в северной части провинции Саскачеван. Обычно ему вменялось в вину путешествие без разрешения правительства или незаконное проведение собраний. В том и другом случае речь шла о нарушении статей *Индийского акта*, изданного Канадским парламентом под эгидой Британской короны. Власти давно навесили на Чистого Голоса ярлык «возмутителя спокойствия». В качестве наказания штраф, налагаемый при аресте, вычитался из положенной ему суммы в пять долларов, которую правительство ежегодно выплачивало индейцам по договору между Великобританией и коренными народами Канады. Когда Чистому Голосу исполнилось двадцать лет и жители Бизоньего Ручья избрали его вождем общины, власти объявили выборы недействительными, ссылаясь все на тот же *Индийский акт*.

В 1982 году власти по-прежнему считали Чистого Голоса возмутителем спокойствия, но, учитывая его преклонный возраст и набирающее силу политическое движение индейских народов, они уже неохотно связывались с ним.

– Могу я взглянуть на ваш паспорт? – вежливо обратился к Чистому Голосу сотрудник «Эйр Канада» в Калгари.

– Договор номер шесть, – отвечал тот с грубоватым акцентом человека, который увереннее изъясняется на родном языке кри, чем на английском. Судя по тону, он нисколько не сомневался, что упоминание договора равнозначно предъявлению паспорта. После минутного раздумья служащий авиалинии решил переадресовать этот скользкий вопрос федеральным властям. Через несколько минут у стойки паспортного контроля появился сотрудник иммиграционной службы в сопровождении офицера Королевской канадской конной полиции. Они вдвоем принялись объяснять Чистому Голосу, что для вылета в Британию ему необходим паспорт.

– Я много раз ездил к народам сиу, дакота и навахо в Монтану и Вайоминг. И мне не нужен был паспорт, – отвечал индеец.

– Ах да, – вспомнил сотрудник иммиграционной службы. – Вы, вероятно, имеете в виду договор Джона Джея – от 1794 года, кажется. Он, действительно, разрешает коренным жителям пересекать границу Канады и США в обоих направлениях без паспорта.

– А у меня – договор с Великобританией. – Чистый Голос порылся в сумке и вытащил помятое и выцветшее удостоверение, на котором значилось его имя. Из удостоверения следовало, что он является потомком людей, подписавших Договор №6 с королевой Викторией в 1876 году.

Сотрудник иммиграционной службы вздохнул. Он уже не раз обжигал пальцы на этом деле. Если сейчас он воспрепятствует вылету старого индейца из Канады, то в ответ может подняться волна протеста со стороны назойливых индейских политических организаций. Все это было чревато неприятностями, и сотрудник не испытывал ни малейшего желания впутываться в эту историю.

– Хорошо, я разрешу вам вылететь из Канады. Но я не ручаюсь, что Лондон позволит вам въехать в Англию без канадского паспорта. Они могут отправить вас назад следующим рейсом, так что вы путешествуете на свой страх и риск.

– По крайней мере, они не арестовали тебя на этот раз, – прошептала дочь Чистого Голоса, провозжая отца на посадку.

Дочь «возмутителя спокойствия», Дождевое Облако, была женщиной-шаманом – толковательницей снов и видений из племени кри. Через несколько часов после взлета Чистый Голос все еще чувствовал тепло ее благословения. Стрелки его биологических часов только-только перевалили за полночь, но в той стороне, откуда приближалась Британия, горизонт уже радостно переливался пастельными цветами утренней зари. Старый индеец был сильно впе-

чатлен тем, как быстро вечер в Калгари превратился в субарктическую ночь, а затем – в шотландское утро. Казалось, это был вызов естественному порядку вещей. Но однажды он уже наблюдал эту невероятную смену дня и ночи. Она происходила во время его Поиска Видения – традиционного обряда, который Чистый Голос совершил, когда ему было шестнадцать лет.

В видении, которое он получил тогда, его душа, *ахта-к*, сидела между крыльями *микисива* – орла, форму которого принял его дух-покровитель – *павакан*². Точно так же как Боинг 767, орел в его видении летел на восток – в ночь; луна и звезды двигались по своим космическим путям быстрее, чем им положено, и солнце взошло рано, так же как сейчас. На следующий день юноша рассказал о своем видении шаману общины, Маленькому Барсуку. Тот подтвердил, что видение было пророческим. В нем говорилось о важном путешествии за горизонт, которое Чистый Голос проделает, чтобы выполнить миссию, возложенную на него духом-покровителем. Миссия состояла в том, чтобы почтить Договор предков и вернуть домой украденных детей Договора.

* * *

Прямая спина, широкая грудь и крутые плечи свидетельствовали о недюжинной силе, которой всегда отличался Чистый Голос. Серый двубортный костюм скрывал небольшое брюшко. Этот костюм подарил ему один из сыновей девять лет тому назад, заказав его по каталогу посылторга фирмы Eaton. Лацканы пиджака блестели, выдавая, как много раз жена Чистого Голоса, Луиза, утюжила их через оберточную бумагу. В отличие от костюма темно-синяя рубашка с узорами из степных роз выглядела очень живописно. Вместо галстука на шее у Чистого Голоса висел шнурок из сыромятной кожи с серебряной застежкой, в которую было вставлено небольшое орлиное перо. Сейчас это перо лежало у него на груди.

Если бы Чистый Голос следовал обычаю своего народа, то отрастил бы длинные волосы, как это делали очень молодые и очень старые индейцы кри. Раньше его задевали колкие замечания по поводу короткой стрижки, которая, якобы, говорила о его уступках «путям белого человека». Правда была намного сложнее и драматичнее. В апреле 1912 года, когда Чистому Голосу исполнилось двенадцать лет и его приняли в индейскую школу-интернат, белый человек остриг ему волосы против его воли. Это унижение мальчик так и не смог забыть.

В те далекие годы Чистый Голос и его брат Пловец поднимались с постели с утренней зарей. Пловец был на два года младше, поэтому на Чистом Голосе лежала обязанность присматривать за ним. Зимой, прежде чем открыть двери хижины и выйти на морозный утренний воздух, от которого перехватывало дыхание, он должен был убедиться, что младший брат тепло одет и хорошо укутан. Чистый Голос застегивал деревянные пуговицы на овчинном полушубке и поправлял вязаную шапку, так чтобы уши Пловца были закрыты, а волосы, заплетенные в длинные косы, свободно свисали вдоль плеч.

После этого мальчики мчались наперегонки в загон для овец, чтобы выяснить, не родились ли за ночь новые ягнята. Первый, кто находил новорожденного ягненка, имел право дать ему имя.

Загон для овец был расположен в лощине – менее чем в ста ярдах от хижины. Он был сколочен из грубо обтесанных досок и предназначался для защиты от койотов, лис, рысей и одичавших собак, водившихся в этой местности, а также от волков, которые иногда забредали сюда ночами. Изгородь не могла защитить овец от сильных и умных черных медведей, но те, как правило, держались подальше от людей – в дальних лесах – и не отваживались выбираться на открытые пастбища. Наибольшую опасность для ягнят представляли зимние морозы и холодный ветер, который неожиданно поднимался ночами во время весенних заморозков.

² *ahca-k, mikisiw, pawakan* (кри).

Если мальчики находили слабого новорожденного ягненка, из последних сил цепляющегося за жизнь, они растирали его и выкармливали яичным желтком. Ягненок, которого удавалось спасти, считался в семье их собственностью.

С приходом лета забот у юных пастушков прибавлялось. Когда на траву выпадала утренняя роса и гнездившиеся в ней птицы начинали шевелиться, мальчики подкрадывались, бывало, к зазевавшемуся красному фазану, пока тот не взлетал, шумно хлопая жесткими крыльями; или выслеживали пугливых сусликов, которые то и дело выбегали из норок и тут же ныряли обратно, совершая свои бесконечные военные маневры. Иногда братья пытались счастья, ловя на крючок острозубую щуку в речке, или следили за кропотливой работой бобра, поглощенного строительством или ремонтом своей хатки.

Среди пернатых обитателей прерий наибольшее любопытство вызывали хищные птицы. Братья не уставали восхищаться слаженными действиями пустельг, реющих над склонами оврагов, где землеройки, ласки, змеи и зайцы устраивали свои жилища. Вороны тоже бывали порой очень забавны, особенно когда они, возмущенно каркая и хлопая крыльями, набрасывались всей стаей на замешкавшегося ястреба.

Если мальчикам удавалось заметить сидящую высоко на дереве полярную сову, они подолгу таращились на нее с таким же комичным недоумением, с каким сова таращилась на них. Устав от этой игры в «гляделки», братья начинали кричать и размахивать руками, после чего сова поспешно и беззвучно снималась с ветки и улетала, позволяя полюбоваться размахом своих крыльев.

Летом из-за горизонта прилетали в гости трепещущие «неоновые» колибри, проделавшие далекий путь из южных американских штатов, чтобы отведать нектар диких цветов прерий. Мальчики от души потешались над нелепыми прыжками и кривлянием крохотных пташек, вволю попиравших перезрелыми «пьяными» ягодами.

Но самым захватывающим зрелищем был, конечно же, бой орлов. С замиранием сердца братья следили, как сцепившиеся в яростной схватке птицы стремительно падают вниз бешено вращающимся клубком, сплетенным из когтей и клювов. Впрочем, более привычным был вид орлов, безмятежно парящих в вышине, взмывающих на тепловых потоках над всеми прочими птицами и обозревающих прерии на десятки миль вокруг.

Дедушка, Ловкий Охотник, просил внуков обращать особое внимание на борозды в траве, которые были ничем иным, как заросшими следами бизонов, – а также на плечи, оставшиеся в местах лежки этих могучих животных. Дед всегда радовался таким находкам. Они напоминали о том, что всего тридцать лет назад дикие стада в изобилии бродили по богатым разнотравьем равнинам. Если не слишком мучила ломота в суставах, дед неспешно выезжал на коне в прерии, чтобы взглянуть на следы бизонов. Обычно старик вспоминал какую-нибудь историю из прежних лет. Никто не мог сравниться с Ловким Охотником в умении на всем скаку уложить меткой стрелой бегущего бизона или направить дикое стадо в загон. Требовалось большое мастерство и терпение, чтобы заставить раздраженных животных мчаться по длинному сужающемуся коридору из камней и деревьев, вдоль которого стояли чучела людей и сидели на корточках мужчины и мальчики.

Ловкий Охотник мастерил для внуков луки и стрелы и учил их, как без промаха поражать движущуюся дичь. Он заставлял их подолгу упражняться в стрельбе из лука с *чи-чи пин-чованс*³ – так кри называли большой плотный шар, сплетенный из стеблей травы и ветвей деревьев, такой тяжелый, что Чистому Голосу приходилось таскать его, взвалив на плечи. Один из братьев сталкивал шар с вершины холма, а в это время другой пускал стрелы в катящуюся по склону мишень.

³ *chee-chee pin-cho-wans* (кри).

Мальчики жили в хижине, построенной в 1898 году их отцом, которого звали Тот-Кто-Стоит-Прямо. Отец вырос в типи⁴ Ловкого Охотника, но построил собственный дом по образцу хижин белых людей, которые прибывали с востока – сначала в фургонах, а затем на поездах, – чтобы вести фермерское хозяйство на целинных почвах северных прерий. Тот-Кто-Стоит-Прямо законопатил щели между бревнами речным илом и обмазал стены снаружи тонким слоем глины. Надеясь, что у него будет много детей, он соорудил двухъярусные кровати, которые являлись частью конструкции хижины. Чистый Голос был старшим сыном в семье; за ним следовал его брат, Пловец. Кроме мальчиков у родителей было две дочери – семи и пяти лет.

Хижина стояла отдельно, вдали от других домов общины. Вокруг нее было достаточно места для того, чтобы мальчики могли построить собственные хижины и устроить маленькие фермы, когда женятся. Семейный надел являлся частью «индейской резервации Бизоний Ручей» – так называл ее белый человек, – расположенной вдоль реки Баттл в тридцати восьми милях от города Батлфорд. Это была равнина с невысокими холмами, небольшими реками и обширными лугами, благоприятная для ведения сельского хозяйства. Осенью 1879 года общине кри, состоявшей из ста тридцати человек во главе с вождем Ловким Охотником, было выделено двадцать квадратных миль земли. Земля эта называлась «резервацией», потому что она была официально зарезервирована для общины в соответствии с Договором №6. Этот договор был подписан тремя годами ранее – в 1876 году – большинством вождей и старейшин равнинных племен, в том числе Ловким Охотником.

Маленьким мальчиком Чистый Голос уже хорошо знал основные положения Договора №6, – их тогда знал каждый. Когда был заключен договор, отцу было всего семь лет. Тем не менее, он сидел рядом с Ловким Охотником в Совете договора и очень хорошо все запомнил. Чистый Голос родился через двадцать четыре года после заключения договора, но отец и дед, дядья и старейшины говорили об этом событии так часто и рисовали его такими живыми красками, что иногда ему казалось, будто он видел все своими глазами.

* * *

В долине, где собрался Совет договора, стояли сотни типи. Ветерок разносил над окрестными холмами бой барабанов, монотонное пение и крики резвящейся детворы. На лугу паслись стреноженные кони; домашние собаки бродили от костра к костру в поисках пищи.

Над деревянными стенами Форт-Карлтона развевался «Юнион Джек» – государственный флаг Великобритании. У ворот форта⁵ высился белый шатер Александра Морриса – вице-губернатора Северо-западных территорий. Блистательный вице-губернатор, облаченный в парадную форму, в высокой шапке, украшенной страусиными перьями, объяснял вождям и старейшинам, что он является личным представителем королевы Виктории.

– Я говорю с вами от имени королевы. Это все равно, как если бы она сама присутствовала здесь – сидела в Совете и говорила с вами.

Кри отнеслись к речам Морриса с недоверием. Вице-губернатор убеждал их согласиться с условиями договора, не вникая в значение английских слов, которыми он был написан. Несмотря на горячее желание посланника королевы ускорить подписание договора, вожди и старейшины заставили его ждать больше недели, при этом они настаивали на дополнительных условиях. По требованию индейцев Моррис торжественно пообещал, что в письменной версии договора будет дословно записано на английском языке все то, о чем стороны догово-

⁴ Типи – жилище североамериканских индейцев – коническая палатка, сооруженная из шестов, обтянутых бизоньими или оленьими шкурами.

⁵ Форт – небольшая крепость, обнесенная стеной из камня или деревянных столбов, окружающей военные и жилые строения.

рятся на словах на языке кри. Поскольку вожди и старейшины не умели ни читать, ни писать по-английски, они ставили под текстом договора крестики. Они говорили, что делают это из уважения к вице-губернатору и его «священным ритуалам» – в ответ на то уважение, с которым Моррис относится к ритуалам кри.

В понимании индейцев Договор №6 был ответом на предложение королевы Виктории, с которым она обратилась ко всем племенам, населявшим Северо-западные территории Канады, включая современную провинцию Саскачеван и северную часть Альберты. В Договоре была указана площадь этих территорий: сто двадцать одна тысяча квадратных миль. Хотя эта область охватывала лишь малую часть равнин и крошечный кусок Канады, площадь ее на 30% превосходила площадь Британских островов.

Королева просила, чтобы ее белым подданным было разрешено строить трансконтинентальную железную дорогу, пересекающую индейские земли с востока на запад, открывать фактории⁶, обзаводиться фермами и возводить города. Взамен королева обещала защищать индейцев, уважительно относиться к их традициям и поддерживать дружеские отношения. Кроме общих посулов, королева брала на себя и конкретные обязательства. Например, она обещала пожизненно выплачивать по пять долларов в год каждому мужчине, женщине и ребенку кри, а также их потомкам. Кроме того, королева обещала выдать каждому индейцу небольшое количество пороха и пуль для охоты и бечевку для плетения рыболовных сетей. Чтобы вдохновить индейских охотников и звероловов на ведение фермерского хозяйства, она обещала подарить каждой индейской общине семена для посева, плуг, несколько голов скота, а также сельскохозяйственные и плотничьи инструменты.

Прежде чем приступить к обсуждению договора, вице-губернатор представил старейшинам «королевских офицеров», присутствующих на Совете. Это было подразделение Северо-западной конной полиции, которую впоследствии стали называть «красными мундирами» или «конниками», а еще позже – Королевской канадской конной полицией.

К тому времени прошло уже почти два года с тех пор, как королева сформировала полк «красных мундиров» и послала двести семьдесят солдат в Северо-западные территории. По словам Морриса, их миссия состояла в том, чтобы защищать индейские общины от вульфферов – белых американских охотников. Вульфферы разбрасывали наживку, в которую был подмешан стрихнин, чтобы убивать волков ради меха. Но яд убивал не только волков, но и койотов, и множество других мелких зверей на мили вокруг; а вместе с ними гибли и птицы, питавшиеся трупами отравленных животных. Вульфферы строили временные форты на британско-канадской земле и водружали над ними американский флаг. Иногда вульфферы по совместительству вели торговлю, продавая индейцам неочищенный виски. Пользуясь разлагающим действием алкоголя на местных жителей, вульфферы крали у индейцев лошадей и имущество, убивали и калечили мужчин и соблазняли женщин и девушек, вовлекая их в проституцию.

Вице-губернатор утверждал, что когда вооруженные пушками «красные мундиры» двинулись из Манитобы на запад вдоль Магической Линии к подножиям Скалистых гор, слухи об этом заставили большинство вульфферов и торговцев виски спасаться бегством. «Красные мундиры» захватили брошенные американцами форты и построили несколько новых. С разрешения всех индейских народов, говорил Моррис, королевские офицеры будут и дальше патрулировать Северо-западные территории. Они будут прогонять скваттеров⁷ с индейских земель и держать в узде не только продавцов виски, но и браконьеров, золотоискателей, торговцев и других назойливых белых людей, которые в противном случае не дадут индейцам покоя.

Посланник королевы понимал, что заключение договора является для кри священным действием. Поэтому, когда индейцы предлагали, он вместе с ними участвовал в церемонии куре-

⁶ Фактория – торговый поселок и контора иностранных купцов в колониальных и зависимых странах.

⁷ Скваттер – тот, кто незаконно захватывает землю или вселяется в дом.

ния трубки. Этим он демонстрировал свое почтение *Китчи Маниты* – Великому Духу. Вице-губернатор внимательно слушал, как кри просят предков заступиться за них и быть посредниками между ними и духами животных, птиц и природных стихий – дождя, ветра, луны и солнца. Он нанял переводчиков-метисов – наполовину индейцев, наполовину белых. С их помощью, а также с помощью христианских миссионеров, которые освоили язык кри и языки других индейских народов, Моррис узнавал, о чем говорили вожди и старейшины.

Вице-губернатор был очень доволен тем, как благоговейно индейцы относятся к соглашению с королевой. Перед лицом Великого Духа они обещали чтить договор. Это, несомненно, повышало его надежность. В свою очередь Моррис уверял индейцев, что королева является главой и защитником религии своих подданных и что она, так же как и ее «краснокожие дети», верит в Великого Духа. Каждый раз, когда вице-губернатор обещал что-либо от имени королевы, он давал торжественную клятву ее Богу, положив руку на «черную книгу» – Библию, которую потом целовал.

Не жалея сил, Моррис убеждал индейцев, что королева Виктория возглавляет королевскую семью, которая тысячу лет правит половиной мира и будет править вечно. Он называл ее Великой Белой Матерью. По словам Морриса, королева просила передать индейцам, что она желает своим «белым детям» и своим «краснокожим детям» жить в мире и согласии, «как братья», уважая образ жизни друг друга. Она обещала, что договор будет длиться вечно, *«пока встает солнце, текут реки и растет трава»*.

От имени королевы вице-губернатор вручил британский флаг и медаль договора каждому вождю и каждому старейшине, участвовавшему в подписании договора. Медаль выглядела очень внушительно. Она была тяжелой и едва помещалась в ладони взрослого мужчины. Ее можно было повесить на шею, продев шнур в специальное ушко. На одной стороне медали были выгравированы слова «Victoria Regina»⁸ и бюст королевы Виктории – молодой женщины в короне, с жемчужным ожерельем и украшениями из драгоценных камней. На обратной стороне медали по окружности были выгравированы слова: «Договор №6» и дата: «1876». В центре была очень наглядно изображена церемония заключения договора: двое мужчин, стоя лицом к лицу, пожимали друг другу руки, как равный равному. Слева стоял бородатый белый человек, похожий на вице-губернатора, в высокой шапке, увенчанной перьями страуса, а справа – индейский вождь с обнаженным торсом и рельефной мускулатурой. Длинные прямые волосы вождя украшали девять орлиных перьев; поверх штанов из оленьей кожи, отороченных бахромой, был надет фартук из орлиных перьев. Томагавк – символ разногласий и войны – был зарыт в землю между представителями сторон. За спиной вождя стояли несколько типи, которые символизировали Совет договора. На шкурах, покрывавших самое большое типи, были видны изображения бизонов и птиц. Позади типи из-за горизонта вставало солнце, текла река и росла трава, олицетворяя данное королевой обещание о том, что договор будет длиться вечно.

* * *

– Мы не хотели Великой Белой Матери, мы не считали себя детьми, – ворчал Ловкий Охотник всякий раз, когда рассказывал историю о заключении договора. Он не удивлялся, что белый человек называет кри «краснокожими», – он объяснял это странностями его мышления.

Чистый Голос знал, что, несмотря на протесты деда, многим кри нравились рассуждения королевы. Когда она называла себя приемной матерью, многие участники Совета понимали это как метафору, с помощью которой королева выражает заботу об индейцах. По их мнению, королева хотела подчеркнуть, что договор – это не обезличенная сделка между народом равнин

⁸ Victoria Regina (лат.) – королева Виктория.

и политиками или чиновниками, которые сегодня здесь, а завтра – их и след простыл. Договор – это соглашение между семьями, которое должно переходить от поколения к поколению и сохранять свою силу вечно. Эта идея звучала, как вариация белого человека на излюбленную тему индейцев кри – усыновление. Обычай принимать в семью чужих детей испокон века служил испытанным средством поддержания мира между племенами и народами.

Но Большой Медведь, имя которого на языке кри звучало как *Мистахимасква*⁹, отказывался принимать королевские дары, которые преподносились лично влиятельным вождям. Эти дары напоминали ему старый индейский способ охоты на лис.

– Прежде чем установить ловушку, – говорил он, – мы разбрасываем вокруг кусочки мяса. А когда лиса подходит, бьем ее по голове. Британцы должны прекратить свои медовые речи и прислать на переговоры настоящих вождей, как подобает мужчинам.

Осторожность Большого Медведя произрастала из его видений. В этих видениях из земли струями била кровь, и белый человек вешал индейцев. Большой Медведь верил, что с помощью этих видений духи предостерегают его народ от опрометчивого шага, каковым он считал заключение договора. Вождь хотел знать, получают ли «белые дети» от королевы власть вешать своих «краснокожих братьев».

Большому Медведю было уже за пятьдесят. Он был вождем и главой общины с двадцати пяти лет и пользовался непререкаемым авторитетом у людей равнин – как шаман, как воин и как охотник. Будучи старшим вождем кри в прериях, он, прежде всего, заботился о том, чтобы защитить свой народ. Его собственная община насчитывала полторы тысячи человек, и у него были сторонники в других общинах кри, а также среди племен стоуни и ассинибойнов. Сеть его дипломатических контактов охватывала Конфедерацию черноногих, живших на юге современной Альберты на границе с Монтаной, и даже племена, обитавшие за Магической Линией, в том числе народ сиу вождя Сидящего Быка в Дакоте.

Вице-губернатор нарочно созвал Совет договора, когда Большой Медведь и большинство сочувствовавших ему вождей и старейшин отправились охотиться на бизонов – далеко от места проведения Совета. Ловкий Охотник был одним из тех, кто послал гонцов, чтобы разыскать и предупредить старшего вождя. Большой Медведь выехал немедленно и гнал мустанга что было силы, но прибыл в лагерь только на следующий день после того, как договор был подписан.

Большой Медведь отказался вписать свое имя. Он сказал, что не имеет ничего против самой идеи соглашения, но считает, что договор должен быть заключен со всеми коренными народами прерий. Наши народы, говорил вождь, должны действовать сообща; только тогда они будут представлять собой реальную политическую силу.

Большой Медведь выступал против тактики «разделяй и властвуй», которую применял белый человек, предпочитавший иметь дело с небольшими группами индейцев. Особенно вождю не нравилось условие договора, согласно которому каждая индейская община должна была поселиться на островке земли, отделенном от других общин многими милями, в окружении ферм и городов белого человека, которые тот собирался построить в будущем. Большой Медведь говорил, что индейским народам следует выделить гораздо большую территорию, на которой разные общины и племена будут проживать по соседству друг с другом. Такое образование явилось бы, в сущности, «страной индейцев» – конфедерацией индейских народов.

Ожидая прибытия Большого Медведя, противники договора выдвинули других ораторов, одним из которых был *Питикваханапивиин* – Тот-Кто-Строит-Законы¹⁰. Ему было тридцать четыре года, и в то время он еще был не вождем, а только главой общины Красного Фазана. Он получил свое имя благодаря мастерству, с которым сооружал загоны, куда охотники заго-

⁹ *mistahimaskwa* (кри).

¹⁰ *pitikwahanapiwiyin* (кри). Также известен как Паундмейкер – от английского Poundmaker.

няли бизонов. Тот-Кто-Строит-Загоны и его брат Желтое Одеяло были сыновьями шамана племени стоуни. Братья осиротели в детстве и были усыновлены и воспитаны племенем кри. Слава Того-Кто-Строит-Загоны зиждилась на его высоких моральных качествах, остром уме и ораторских способностях, которые проявлялись, когда он говорил от имени народов равнин. Его авторитет среди индейских племен еще больше укрепился, когда его повторно усыновил Воронья Лапа – вождь могущественного народа черноногих, который годом позже подписал Договор №7.

Тот-Кто-Строит-Загоны пытался объяснить вице-губернатору, что сама идея о том, что исконные земли племени могут быть отданы иноземной королеве, непонятна и неприемлема для кри. То, что кри испокон века жили на этой земле, не означало, что они могут дарить или продавать ее. Земля была их матерью. Тот-Кто-Строит-Загоны отверг предложение королевы, вынуждавшее кри удалиться в маленькие резервации и заняться фермерским хозяйством.

– Это наша земля! Это не кусок пеммикана¹¹, который можно разрезать, а потом скармливать нам маленькими кусочками. Земля – наша, и мы возьмем от нее, все, что нам нужно.

Пока Тот-Кто-Строит-Загоны убеждал вице-губернатора пойти на уступки, стараясь выиграть время до прибытия Большого Медведя, торговцы выставили напоказ товары и ходили с ними от одного типа к другому.

– Эти замечательные вещи могут хоть сегодня стать вашими, – кричали они. – Как только ваши вожди подпишут договор, королева немедленно выдаст каждому из вас по пять долларов, и вы сможете купить их.

Британские и французские христианские миссионеры тоже не сидели сложа руки. В течение нескольких лет они настойчиво убеждали влиятельные индейские семьи, что договор даст им неоспоримые преимущества, и преподносили от имени Короны подарки наиболее авторитетным вождям и старейшинам кри. Немаловажную роль сыграли и переводчики-метисы из переговорной команды вице-губернатора. Их заверения имели большой вес, поскольку они были наполовину индейцами, а наполовину белыми и могли говорить на языках всех участников встречи.

Хор льстивых речей и уговоров заглушал увещевания Того-Кто-Строит-Загоны. Одних опасений будущего вождя оказалось недостаточно, чтобы убедить остальных. В соответствии с обычаями коллективного управления кри вожди и главы общин вынуждены были заключить договор от имени всего племени. Но прежде чем подписать договор, Тот-Кто-Строит-Загоны упорно торговался, пытаясь заручиться обещанием королевы, что она выдаст каждой общине набор медикаментов и что в каждой общине будет своя школа, если того захотят ее члены. Опасаясь, что строительство поселений и другая деятельность белого человека уничтожит стада бизонов, Тот-Кто-Строит-Загоны настаивал на том, что королева должна оказывать помощь индейцам во время эпидемий и голода.

* * *

Опасения Того-Кто-Строит-Загоны насчет исчезновения бизонов оказались пророческими. К началу 1880-х, то есть даже раньше, чем он предполагал, большая часть бизонов была уничтожена. Миллионы животных были убиты в Соединенных Штатах охотниками-спортсменами, поставщиками мяса, а также егерями во время отстрелов, санкционированных правительством. Мелкие стада на севере Канады были распуганы и вытеснены со своих пастбищ многочисленными поселками, выроставшими как грибы после дождя при строительстве новой Канадской железной дороги. Нередко степные пожары, намеренно разожженные охотниками, гнали бизонов через Магическую Линию прямо на поджидавшие их ружья. Тех бизонов, кото-

¹¹ Пеммикан – вяленое мясо бизона или оленя, нарезанное тонкими ломтями.

рые еще оставались в Канаде, убивали в огромных количествах не только любители спортивной охоты, но и торговцы, для которых коммерческую ценность представляли только языки и шкуры животных.

Бизоны служили для кри основным источником пропитания. Из шкур животных жители равнин шили одежду. Рога и копыта шли на изготовление инструментов и хозяйственной утвари. Остальные части тела использовались для приготовления лекарств и для множества других практических нужд. Для того чтобы покрыть большое типи, нужны были шкуры пятнадцати, а то и восемнадцати бизонов. Эти шкуры растягивались на еловых шестах, из которых был сделан каркас. Еще около шести шкур требовалось, чтобы выстлать типи изнутри.

Когда бизоны исчезли, индейцам негде было взять шкуры, чтобы покрывать новые типи или латать старые. Те кри, которые переселились в резервации, начали, подобно белому человеку, строить хижину из бревен и дерна. Тот-Кто-Строит-Загоны был одним из первых, кто построил хижину для своей семьи. Используя свои знания и действуя методом проб и ошибок, он и другим членам племени помогал обустроить жилище.

Ловкий Охотник, по его собственным словам, восхищался многими вещами, которые делал Тот-Кто-Строит-Загоны, но отказался следовать его примеру и переселяться в хижину. После того как умерла его жена, он стал из года в год переносить свое типи на традиционные места охотничьих стоянок. Там он обычно находил несколько единомышленников, и их типи образовывали круг. В самые холодные зимние месяцы он ставил типи в сотне ярдов от хижины сына, Того-Кто-Стоит-Прямо, а рядом сооружал парильню. Когда мороз схватывал землю и дул особенно жестокий ветер, Ловкий Охотник уходил из типи и ночевал в хижине сына. Обычно он ложился на кровать, расположенную в нижнем ярусе под полкой Чистого Голоса. В этих случаях Чистый Голос делил верхнюю полку с Пловцом.

Братья часто навещали Ловкого Охотника, где бы ни стояло его типи, и оставались у него по несколько часов, а то и дней. Дед давал им уроки верховой езды, охоты и целительства, обучал танцам и песнопениям, рассказывал племенные истории кри. Он сажал их рядом с собой, когда вместе с другими старейшинами курил трубку. Так же как взрослые, мальчики передавали по кругу тлеющий пучок сладкой травы и, пользуясь орлиным крылом как веером, рассеивали ароматный дым над головами сидящих.

Чистый Голос всегда чувствовал себя легко и вольготно в типи деда. Днем, когда нижние края шкур были приподняты, здесь было тенисто и прохладно. Ночью звезды смотрели на мальчика с неба через открытый дымовой клапан, и ему казалось, что целая вселенная изливает благодать на маленький кружок земли, на котором ему было уютно и спокойно от ощущения близости к своей семье и своему племени.

Во снах и видениях Ловкому Охотнику являлись геометрические узоры и стилизованные образы Великого Духа Орла, Гром-птицы и Бизона. Проснувшись, он наносил их снаружи на покрытие типи, используя яркие природные красящие вещества. Над входом он повесил шаманскую сумку, в которой хранил священные предметы.

У Ловкого Охотника хранилась коллекция вещей, принадлежавших когда-то белому человеку. В их числе было заряжаемое со ствола ружье времен американской гражданской войны, с которым вождь сражался в битве при Кат-Найф-Хилл в 1885 году. Ружье помогло ему спасти свою семью от пушек британско-канадской армии. Впоследствии, когда Тот-Кто-Строит-Загоны вынужден был сдать все оружие британскому генералу, Ловкий Охотник вернул ружье в оленью шкуру и закопал в землю, рассудив, что оно может пригодиться в будущем. Еще в его коллекции был выцветший британский флаг, который ему вручили при подписании договора; одеяло Компании Гудзонова залива; карманные часы, давно не показывающие время; высокая шапка из стриженного бобра – слишком истрепанная, чтобы ее носить; жилетка из крашеной кожи и три медные пуговицы от солдатской униформы с чеканным профилем королевы Виктории.

Самыми ценными предметами в коллекции были фотографии вождей, участвовавших в заключении Договора №6, и, особенно, фотографии Большого Медведя и Того-Кто-Строит-Загоны, которых Ловкий Охотник называл своими братьями, хотя в действительности они были его друзьями. Фотографии хранились в большой жестяной коробке из-под печенья. Крышку коробки украшал портрет королевы Виктории, выполненный в цвете по фотографии. На боковых стенках были изображены замки Виндзор и Балморал с развевающимися над ними британскими флагами. На лугу рядом с Виндзорским замком паслось стадо оленей, а на холме у замка Балморал стоял благородный олень с развесистыми рогами.

– Это – форты, в которых живет королева, – объяснял внукам Ловкий Охотник. – Один из них стоит на реке в Виндзоре. Там королева хранит наш договор. Другой тоже стоит на реке – в лесах Шотландии.

– Шотландия! – Чистый Голос с удивлением вслушивался в звучание нового слова. – А где находится Шотландия?

– Это охотничьи угодья королевы в Англии, – отвечал Ловкий Охотник со знанием дела. – А форт – это ее охотничий домик.

– Разве матери охотятся? – спрашивал Чистый Голос недоверчиво.

– На благородных оленей, – глубокомысленно кивал Ловкий Охотник. – Она охотится на благородных оленей и рыжих лис. Это все, что у них осталось, после того как они поубивали всех своих бизонов, медведей и волков.

На жестяной коробке королева была изображена в свободно ниспадающем черном платье с белыми кружевными манжетами. Плоский головной убор из белого трикотажного материала спускался острым уголком на лоб и закрывал затылок и шею наподобие вуали.

– Она здесь не такая, какой была на моей медали договора, – говорил Ловкий Охотник. – На медали она была моложе. Ее лицо было гладким и красивым. И не было других цветов, кроме серебряного.

Чистый Голос много раз разглядывал портрет королевы на коробке из-под печенья. Полные щеки, острый крючковатый нос, круглые, навывкате, голубые глаза, бледная кожа с красноватыми пятнами на щеках и серебристые волосы. Она совсем не выглядела красавицей. Его удивляло, что такая маленькая старая женщина может быть такой могущественной. Все-таки белый человек пришел к нам из другого мира, думал он.

* * *

В детстве мир Чистого Голоса был ограничен пределами резервации Бизоний Ручей. Но ему все же доводилось видеть белого человека: время от времени в Бизоний Ручей навещался индейский агент, чтобы выдать пособие в пять долларов по договору или провести какую-нибудь проверку; иногда заглядывал инструктор по ведению фермерского хозяйства, державший ферму неподалеку; священник из христианской миссии посещал резервацию, чтобы провести крестины, свадьбу или похороны и иногда отслужить мессу; изредка появлялись полицейские – верхом или в фургоне.

Чистый Голос видел родителей матери и других ее родственников всего четыре раза в жизни. Они жили в резервации Того-Кто-Строит-Загоны в одном дне пути верхом от Бизоньего Ручья. Конные полицейские не позволяли кри путешествовать без письменного разрешения индейского агента. Агент следил за всем, что делалось в резервации. Он не одобрял, когда члены разных общин навещали друг друга, даже если они состояли в близком родстве.

Тот-Кто-Стоит-Прямо освоил фермерское хозяйство, так же как все индейцы его поколения и даже лучше, чем большинство из них. Согласно договору поколение Ловкого Охотника имело право на единоразовое получение семян и инструментов, но это право не распространилось на поколение его сына. Однако Тот-Кто-Стоит-Прямо вырастил стадо в сто тридцать

пять голов, в числе которых были сорок пять овец, принадлежавших отцу. Кроме того, у него в хозяйстве было две лошади, две дойные коровы и несколько кур. Тот-Кто-Стоит-Прямо все время старался увеличить урожай сена, ячменя, овса, картофеля и новых импортных сортов репы, завезенных белым человеком взамен диких сортов. Он всегда хотел узнать как можно больше о технологиях, которые белый человек использовал для ведения сельского хозяйства и управления фермой. Он восхищался знаниями и умениями белого человека, но продолжал жить в соответствии с обычаями и духовными ценностями кри.

Чистый Голос и Пловец начали пасти овец, когда им исполнилось, соответственно, восемь и шесть лет от роду. Это была не единственная их помощь семье. Иногда они вместе со своими дядьями и двоюродными братьями ходили проверять капканы и рыболовные сети. В этих случаях их работа состояла в том, чтобы собирать хворост для растопки бивуачного костра по вечерам и нести домой улов. Кроме того, они вместе с матерью и сестрами собирали ягоды, орехи, корни и лекарственные растения. Мальчики помогали доить коров, чистить лошадей, сушить и коптить мясо и рыбу, готовить пеммикан, скоблить и растягивать шкуры, сушить шерсть, сажать и выкапывать урожай овощей. Они научились штопать одежду, шить мокасины и куртки из шкур, вышивать бисером, замачивать лен, плести корзины и мастерить домашнюю утварь из тростника и березовой коры. Чем ответственнее была работа, тем с большей готовностью Чистый Голос и Пловец брались за нее. Работа могла быть тяжелой, обременительной и скучной, но в их возрасте она являлась еще и привилегией, за которую братья боролись, устраивая дружеские состязания.

Жизнь Чистого Голоса была похожа на жизнь любого мальчика кри в ту пору. Отсчет времени велся не по часам или календарю, а по семейным событиям и племенным ритуалам. У индейцев не было книг, газет, радио, кино и телефонов, и хотя богослужebные книги, которые попадались на глаза Чистому Голосу во время редких посещений миссионерской церкви, вызывали у него любопытство, он не мог сказать ни слова ни по-английски, ни по-французски, не говоря уже о церковной латыни, на которой вели службы священники.

Он не читал и не писал на языке кри, потому что этот язык не существовал в письменной форме. Очень немногие кри – в основном наиболее усердные новообращенные христиане – научились писать и читать по складам на языке миссионеров. Но основным средством общения по-прежнему оставалось устное слово. Родовые и племенные легенды, подробные отчеты о важных событиях в истории племени, таких как заключение договора, сохранялись в коллективной памяти и бережно передавались от поколения к поколению. Устная традиция заслуживала доверия, потому что кри верили, что каждый, кто говорил в Совете перед лицом Великого Духа, обязан был говорить правду. Кроме того, эти истории знал каждый член племени. Если рассказчик неправильно передавал мельчайшую подробность, слушатели сразу же поправляли его.

Тот-Кто-Стоит-Прямо постоянно втолковывал сыновьям, как важно уметь хорошо говорить. Он объяснял, что для того чтобы стать хорошим рассказчиком или оратором, каждый из них должен, прежде всего, научиться слушать, не перебивая. Если же человеку есть, что сказать, то он должен помнить, что имеет такое же право быть выслушанным, какое он предоставил другим. Когда придет его очередь говорить, он должен изложить свои мысли прямо, с полной убежденностью, и, сказав все, что хотел, замолчать. Отец одобрительно относился к тому, что братья обсуждали между собой те же серьезные вопросы, что и старейшины на совете общины. Он всегда внимательно выслушивал каждое слово, показывая, как важны для него их мнения.

* * *

Чистый Голос получил свое имя, когда ему было десять лет. В тот день старейшины собрались у типи Маленького Барсука – целителя и одного из сильнейших шаманов племени. Это был невысокий худощавый человек с высохшей левой рукой, но его румяные щеки и искрящиеся глаза говорили о большой жизненной силе. Чистый Голос был единственным ребенком среди собравшихся.

Маленький Барсук начал с того, что предложил трубку четырем сторонам света, а затем передал ее по кругу.

– Мы не можем обращаться непосредственно к Великому Духу. В конце концов, он пребывает не в каком-то конкретном человеке или месте, а является необъятной силой, которая наполняет всю вселенную, – говорил он самым естественным тоном, как делал это каждый раз, когда хотел чтобы *Китчи Маниту* подслушал его. Он выразил надежду, что Великий Дух обратит внимание на то, что старейшины раскурили трубку в его честь. Чистый Голос был уже немного знаком с традиционным «протоколом», которому следовали на таких встречах. Своей речью Маленький Барсук должен был выразить согласие и единодушие внутри общины, что он и сделал в тот день.

Маленький Барсук начал с воспоминаний о том, как в начале 1880-х годов – всего через шесть или семь лет после заключения договора – исчезли бизоны, и как в связи с этим выросла потребность народа кри в оленях, карибу, бобрах и других пушных зверях. Но они тоже стали попадаться все реже и реже, исчезая под натиском голодных индейцев и белых охотников. Впервые за всю историю племени, говорил шаман, равнинные кри были вынуждены выращивать овощи и злаки, чтобы обеспечить себе пропитание. Но у них было слишком мало знаний и опыта. Прошло еще двадцать лет, прежде чем белый человек показал индейцам, как сеять озимую пшеницу и выращивать овощи на сухих землях, и познакомил их с технологиями возделывания земли, пригодными для условий центрального и северного Саскачевана.

В течение двух или трех мучительных лет Ловкий Охотник и другие воины общины буквально боролись за выживание, пытаясь вырастить достаточное количество овощей, чтобы прокормить сородичей. Репа и картофель заражались болезнями и покрывались плесенью, а все, что от них оставалось, съедали мыши, прежде чем люди успевали собрать урожай.

– В первые годы мы постоянно – и чаще всего безуспешно – пытались выпросить у индейского агента инструменты, зерно, скот и другие необходимые вещи, которые королева обещала дать нам при заключении договора, – вспоминал Маленький Барсук. – А если мы их все-таки получали, то оказывалось, что все они находятся в непригодном для работы состоянии.

Он хорошо помнил, какими измученными и обессиленными были кри весной 1885 года после долгих пяти месяцев жестоких холодов. Одни похороны следовали за другими, их цепь казалась бесконечной. Нехватка шкур и мехов означала, что дети бегали в лохмотьях. Одежда белого человека были в большой цене. Голод был унизителен. Он заставил индейцев съесть четырех волов, несколько лошадей и собак, принадлежавших племени. Охотники, привыкшие неделями жить в суровых условиях и странствовать за многие-много миль на мустангах, исхудали, ослабли и ограничивались тем, что ползали между норами и ставили силки на сусликов или вытаскивали змей из-под камней. Маленький Барсук видел, как матери отрезали куски от старых шкур бизона, натянутых на типи, и варили из них суп для детей. Ползучий голод высасывал силы и подтачивал дух индейцев. Отчаяние одинаково туманило головы старикам и молодым. Некоторые не выдерживали напряжения и совершали безумные поступки или покидали общину.

Маленький Барсук замолчал, и в разговор вступил Ловкий Охотник:

– Этого-то и боялся Тот-Кто-Строит-Загоны, когда спрашивал на Совете договора, что будет с нами, если бизоны исчезнут прежде, чем мы научимся выращивать хорошие урожаи; и что будет, если на нас опять нападут болезни белого человека. Именно поэтому он просил королеву снабжать индейцев продовольствием, если дела их пойдут плохо.

– Голод и эпидемии, – со знанием дела сказал Красное Одеяло, цитируя договор. – Королева обещала, что будет давать нам пищу во времена голода и эпидемий.

Этот обмен мнениями был встречен одобрительными возгласами, после чего Маленький Барсук продолжил повествование. В конце концов, сказал он, королева дала комиссару по делам индейцев деньги, для того чтобы он создал неприкосновенный запас, которым мы могли бы воспользоваться в случае крайней необходимости. Этот запас хранился в фортах, охраняемых конной полицией.

Комиссар был старшим вождем всех индейских агентов. Он был богатым человеком – коммерсантом – и использовал деньги правительства для того, чтобы закупать продовольствие у своих собственных компаний. Иногда он привозил индейцам тухлую свинину, а когда те начинали жаловаться, говорил, что им придется съесть ее или голодать, будь они все прокляты!

За исключением одного или двух порядочных людей, говорил Маленький Барсук, все индейские агенты, пользовались своим положением, чтобы всячески притеснять кри. Они предоставляли индейцам гадать, когда им будет выдано продовольствие, добиваясь, чтобы те, как нищие, буквально умоляли их об этом. Агенты выдавали больше продуктов тому, кто раболепствовал перед ними и доносил на других; кто работал на них или оказывал им и их приближенным услуги, в том числе сексуальные. Они требовали к себе такого почтения, какое кри обычно оказывали только вождям и охотникам, обеспечивавшим людей пищей.

Чистый Голос вглядывался в лица сидящих в кругу старейшин, пытаясь понять, какой отклик находят у них слова Маленького Барсука. Но старейшины отводили глаза и беспокойно ерзали на своих местах. Маленький Барсук помолчал, чтобы собраться с мыслями, а потом продолжил рассказ, обращаясь к Чистому Голосу.

– Некоторые воины хотели силой взять продовольствие из хранилищ. Они готовы были воевать с солдатами и конными полицейскими, как это сделали метисы в Манитобе. Но мы напомнили им, что кри заключили договор о мире и дружбе. У метисов индейские пути смешались с французскими и британскими путями. Они не заключали договор о мире и дружбе с королевой Англии, и поссорились они не с ней, а с правительством белого человека в Оттаве.

Маленький Барсук напомнил собравшимся о военной победе метисов на Утином озере в Манитобе. Весть об этом разлетелась по прериям, как ветер, и всколыхнула всех воинов равнинных племен кри, ассинибойнов и стоуни. Но Тот-Кто-Строит-Загоны удерживал своих людей от военных действий. «Надо использовать победу метисов для укрепления наших позиций на переговорах, – говорил он, – но мы должны сохранять мир, как обещали».

* * *

Тот-Кто-Строит-Загоны собрал делегацию, состоявшую приблизительно из шестидесяти мужчин, женщин и детей, и двинулся с нею в маленький городок Батлфорд, который в то время являлся столицей Северо-западных территорий и был расположен более чем в тридцати милях от его резервации. Впереди делегации Тот-Кто-Строит-Загоны послал вестника, который должен был объяснить жителям города, что индейцы идут к ним с мирными намерениями; они только хотят получить продукты и одеяла, фермерские инструменты и другие припасы, обещанные им по договору, а заодно наладить рабочие отношения с индейским агентом. По дороге к делегации присоединились индейцы стоуни, удвоив ее первоначальный состав.

Однако вести о кровавых событиях на Утином озере вызвали панику среди населения Батлфорда и всей округи. Опасаясь всеобщего индейского восстания в прериях, около четы-

рехсот поселенцев побросали дома и фермы и укрылись в маленьком деревянном форте. Когда Тот-Кто-Строит-Загоны провел свою делегацию по пустынным улицам города и остановился у ворот форта, индейский агент отказался выйти, чтобы говорить с ним. Индейцы были сбиты с толку и возмущены. В поисках пищи некоторые из них взломали склад Компании Гудзонова залива и несколько покинутых домов. Тот-Кто-Строит-Загоны пытался удержать соплеменников от опрометчивых поступков. На следующий день он повел делегацию длинной дорогой на холм Кат-Найф-Хилл.

* * *

Маленький Барсук замолчал. Если уж разговор зашел о битве при Кат-Найф-Хилл, то кто как не Ловкий Охотник лучше всех расскажет о ней, ведь в этой битве он сражался в первых рядах. Но вождь хранил молчание, выжидаяще глядя на Маленького Барсука, поэтому шаман продолжал.

Объединенными канадскими вооруженными силами на Северо-западе командовал британский генерал Фредерик Добсон Миддлтон. Воспользовавшись новой железной дорогой, проложенной через прерии, Миддлтон перебросил в Батлфорд войско из пятисот человек под командованием канадского офицера, подполковника Оттера. Несмотря на то что прошел уже почти месяц с того дня, когда делегация Того-Кто-Строит-Загоны покинула Батлфорд, Оттер послал экспедиционный отряд, чтобы догнать индейцев и преподать им урок в наказание за дерзкую выходку, которая была творчески отражена в его рапорте, как «месячная осада Батлфорда».

Маленький Барсук напомнил, что согласно обычаю кри в случае военной угрозы в лагере возводится Дом Воинов, который становится командным пунктом. После этого вождь мирного времени обязан передать власть военному вождю. Военным вождем Того-Кто-Строит-Загоны был *Камиокисихкве*¹² – Прекрасный День. За несколько дней до атаки Оттера Прекрасный День передвинул лагерь на вершину холма Кат-Найф-Хилл и установил Дом Воинов в роше, откуда он мог вести наблюдение за холмом и прилегающей местностью.

Оттер совершил ночной марш-бросок и атаковал холм на рассвете. Позже подполковник оправдывал это внезапное нападение тем, что ему, якобы, не были точно известны намерения Того-Кто-Строит-Загоны.

– Для того чтобы узнать наши намерения, он мог просто спросить нас, – заметил Ловкий Охотник презрительно.

– Он не хотел ничего знать, – возразил Красное Одеяло. – Он пришел с войной, а не с миром. Ему нужен был предлог, чтобы уничтожить нас.

Маленький Барсук убедил Красное Одеяло продолжить повествование, и тот подхватил эстафету.

Прекрасный День не ожидал нападения в такой ранний час. Только несколько стариков во всем лагере не спали. Один из них пошел прогуляться и поднял тревогу, услышав стук колес по камням. Это фургоны с солдатами и снаряжением переправлялись через ручей у подножия холма. Экспедиционный отряд насчитывал триста двадцать пять человек. В него входили королевские стрелки с востока, местные конные полицейские и рейнджеры¹³. С ними прибыли сорок восемь фургонов со снаряжением. Солдаты были вооружены современными многозарядными винтовками и двумя латунными пушками. Кроме того, у них был пулемет Гатлинга. В идеальных условиях его скорострельность достигала нескольких сот выстрелов в минуту, а в реальных условиях он мог совершать от шестидесяти до ста двадцати выстре-

¹² *kamiokisihkew* (кри).

¹³ Рейнджеры – армейское подразделение, собранное из резервистов и гражданских волонтеров.

лов в минуту в зависимости от расторопности пулеметчиков. Красное Одеяло слышал, что пулемет Гатлинга проходил тогда полевые испытания. Представитель американской фирмы-производителя участвовал в сражении вместе с солдатами, чтобы наблюдать работу пулемета в условиях боя.

Солдаты установили пушки на склонах холма, откуда были видны верхушки типи за деревьями. Подполковник Оттер привел в боевой порядок взводы стрелков и приказал открыть огонь по спящим индейцам – мужчинам, женщинам и детям.

Первыми в противоборство с «армией вторжения» вступили четверо молодых воинов стоуни. Они нацепили на палки одеяла и размахивали ими, ползая по земле и появляясь то здесь, то там, чтобы обмануть артиллеристов и вызвать огонь на себя. Тем временем Прекрасный День увел женщин, детей и стариков в безопасное место за деревьями и оставил Того-Кто-Строит-Загоны и еще несколько человек охранять их. Затем он собрал около пятидесяти воинов-стрелков, разбил на маленькие отряды и велел им постоянно перемещаться за кустами, чтобы создать у Оттера ложное представление о количестве и диспозиции противника. Брат Того-Кто-Строит-Загоны, Желтое Одеяло, командовал одним из этих отрядов.

Красное Одеяло прервал рассказ, чтобы перечислить имена других воинов, участвовавших в сражении. Ловкий Охотник и Маленький Барсук добавили несколько имен, которые он пропустил.

Чистый Голос видел, что история битвы при Кат-Найф-Хилл действует на слушателей воодушевляюще. Старшие члены совета подняли головы и распрямили спины. Ловкий Охотник тоже воспрянул духом. Он пояснил, глядя на Чистого Голоса, что пулемет Гатлинга оказался не таким страшным, как о нем говорили. Он рассыпал пули весьма неточно, а его сектор обстрела был ограничен. Ловкий Охотник и его воины держали расчет пулемета под огнем, не давая солдатам как следует прицелиться. Солдаты сохраняли боевой порядок, прописанный в военных учебниках, в то время как индейцы постоянно перемещались с места на место, меняя свои позиции под прикрытием кустов и деревьев. Когда пушки Оттера вышли из строя, вместе с ними был сломлен и боевой дух его армии.

* * *

Маленький Барсук продолжил рассказ. Однажды он спросил отставного полицейского в Батлфорде, почему Оттер бежал с поля боя. По мнению полицейского, это случилось потому, что в то время еще свежа была память о трагических событиях у реки Литтл-Бигхорн. Не прошло и девяти лет с того дня, когда армия генерала Кастера, напавшая на индейцев, была окружена и разгромлена воинами сиу под предводительством Сидящего Быка. Сам генерал Кастер был убит в бою.

В Соединенных Штатах и Канаде не было офицера, который не изучил бы досконально все просчеты, допущенные Кастером, и не размышлял о том, что он сам предпринял бы в подобных обстоятельствах. И Оттер не был исключением. За время боя, продолжавшегося шесть часов, его стрелки убили шестерых индейцев и ранили двоих, в то время как в перестрелке погибло восемь солдат и еще четырнадцать были ранены. А между тем было всего одиннадцать часов утра. Пушки Оттера вышли из строя, и индейцы в любую минуту могли окружить его отряд.

Красное Одеяло не мог сдержаться и снова пустился в воспоминания о событиях на Кат-Найф-Хилл. Оттер подал сигнал к отступлению, и его солдаты бросились наутек. Они отступали в полном беспорядке, позорно оставляя на поле боя своих убитых. Солдаты спускались с холма, покрытого деревьями и оврагами, которые служили отличным укрытием для преследовавших их индейских стрелков. Когда солдаты, скользя и падая в воду, пересекали ручей у подножия холма, у воинов кри была возможность полностью уничтожить отступающее войско.

Некоторым воинам не терпелось нанести сокрушительный удар, и они уже вскочили на мустангов, но в это время к ним подъехал Тот-Кто-Строит-Загоны. Снова приняв власть от военного вождя, он приказал прекратить огонь. Он сказал, что больше не хочет кровопролития. «Солдаты пришли сюда, чтобы убить нас, и мы достойно ответили им, защитив себя, своих женщин и детей. Но теперь пусть они уходят».

Красное Одеяло привел знакомую всем историю к первой кульминационной точке. Собравшиеся ожидали, что Маленький Барсук извлечет из всего вышесказанного урок, что тот и сделал.

Несмотря на то, что индейцы победили в битве при Кат-Найф-Хилл и ни разу не потерпели поражения в других битвах, Тот-Кто-Строит-Загоны понимал, что его люди слишком ослаблены голодом и слишком малочисленны. У них недостаточно оружия и боеприпасов для того, чтобы противостоять пятитысячной армии солдат, конных полицейских и гражданских волонтеров, которые собрались в прериях, чтобы по первому сигналу выступить против индейцев. Знал он и о бесчисленном войске, стоявшем в резерве на востоке и готовом погрузиться на поезда; и о тех войсках, которые могли приплыть на кораблях через Великую Воду из Англии. Поэтому, услышав, что метисы разбиты при Баточе генерал-майором Миддлтоном и его отрядом из восьмисот человек, Тот-Кто-Строит-Загоны послал в Батлфорд парламентаря, священника из христианской миссии, чтобы найти мирное решение конфликта.

* * *

Маленький Барсук рассказал, что Ловкий Охотник и Красное Одеяло вместе с другими многочисленными представителями народов кри, стоуни и ассинибойнов сопровождали Того-Кто-Строит-Загоны, когда тот отправился в Батлфорд для переговоров с Миддлтоном. На открытой встрече перед Батлфордом Тот-Кто-Строит-Загоны сказал Миддлтону, что первые люди равнин были против воли вовлечены в «благородную оборонительную войну» и что они желают закончить ее. Они не собирались нарушать мирный договор, заключенный с королевой перед лицом Великого Духа. Они не хотели прогонять белого человека со своей земли. Им просто нужно было продовольствие, одеяла и сельскохозяйственный инвентарь, чтобы не умереть с голоду. Все это королева обещала индейцам при заключении договора в обмен на право пользоваться их исконными землями.

Лицо Ловкого Охотника помрачнело. Не пытаясь скрыть возмущения, он прервал Маленького Барсука:

– Миддлтон пытался унижить Того-Кто-Строит-Загоны. Он называл его лжецом, вором, изменником и *скво*¹⁴.

– Но Тот-Кто-Строит-Загоны достойно отвечал ему, – уверил вождя Маленький Барсук. – Он сказал, что Тот-Кто-Строит-Загоны сам знает, кто такой Тот-Кто-Строит-Загоны, и все оскорбления Миддлтона ничего для него не значат.

Ловкий Охотник повернулся к Чистому Голосу.

– Когда Тот-Кто-Строит-Загоны попытался изложить свои мирные предложения, генерал велел ему заткнуться. Он сказал, что не будет слушать «женщину». В ответ на это Тот-Кто-Строит-Загоны спросил генерала, почему тот слушается приказов королевы. Тогда Миддлтон арестовал его. Он послал своих людей на поиски Большого Медведя. Те преследовали вождя на протяжении двухсот миль. Вместе с Большим Медведем был его тринадцатилетний старший сын *Мистатимавасис*¹⁵ – Сын Лошади. Но Большой Медведь явился к белому человеку сам, по доброй воле. Он не хотел, чтобы его люди продолжали голодать.

¹⁴ Скво – индейская женщина (в Северной Америке).

¹⁵ *mistatimawasis* (кри).

Чистый Голос почувствовал, что при упоминании об аресте Того-Кто-Строит-Загоны и Большого Медведя настроение слушателей снова упало. Маленький Барсук ждал, пока улягутся страсти, прежде чем подвести итог и назвать цену, которую кри заплатили за столкновение с белым человеком. Некоторые были убиты в сражении, сказал он, другие сбежали от властей, чтобы жить в изгнании за Магической Линией в Монтане или Дакоте. В числе последних был старший сын Большого Медведя и многие из его последователей. Многие из тех, кто остался на своей земле, особенно вожди, воины и шаманы, были арестованы. Против большинства из них были выдвинуты серьезные обвинения, и они были приговорены к тюремному заключению – некоторые на срок более десяти лет.

В числе приговоренных оказался и Странствующий Дух – военный вождь Большого Медведя. Когда его загнали в угол, он попытался своими руками убить себя, чтобы не сдаваться в плен, но ребра отклонили лезвие ножа. Он и восемь его товарищей обвинялись в убийстве девяти человек на Лягушачьем озере. Согласно записям полиции это произошло во время спора с индейским агентом, который не хотел выдавать им провизию из запасов, сделанных на случай голода.

Во время судебного разбирательства в Батлфорде обвиняемым даже не предоставили переводчика. Один из них был признан душевнобольным. После пятнадцатиминутного совещания присяжные, в числе которых были только белые люди, сочли всех остальных виновными.

Солдаты силой заставили индейских детей из ближайшего ремесленного училища наблюдать, как восемь их сородичей будут повешены на только что построенных виселицах внутри форта. Осужденные пели песни смерти в камерах, после чего их вывели на улицу в кандалах, чтобы повесить в ряд. Их головы были обриты, а руки связаны за спиной. Из толпы раздавались песни в их честь. Двое осужденных произнесли проникновенные прощальные речи, которые заканчивались воинственным криком, выражающим открытое неповиновение. Другие издавали боевые кличи или пели свои песни духа. Странствующий Дух хранил молчание, оставаясь, по-видимому, безразличным к смерти. Его волосы поседел, а тело ослабло из-за раны, которую он нанес себе ножом.

* * *

– В тот день был повешен мой брат, – произнес Ловкий Охотник тихо.

– И мой двоюродный брат, – добавил Красное Одеяло.

– А я учился в ремесленном училище и был одним из тех детей в толпе. Я видел, как их вешали, – сказал Много Перьев.

Все собравшиеся молча кивали головами, ерзая на своих местах и поправляя одеяла. Потом Маленький Барсук рассказал о судебном процессе по делу Большого Медведя и Того-Кто-Строит-Загоны.

Во время суда над Большим Медведем напыщенный юридический язык обвинений был слишком труден для переводчика. Большому Медведю пришлось просить разъяснений: почему его обвиняют в том, что он украл шапку у королевы и воткнул пику ей в ягодицы? Во время суда над Тем-Кто-Строит-Загоны в Реджайне¹⁶ присяжные заседатели совещались всего тридцать минут, а во время суда над Большим Медведем – пятнадцать минут.

– Этого времени не хватит даже для того, чтобы помочиться, – проворчал Ловкий Охотник презрительно.

Тот-Кто-Строит-Загоны и Большой Медведь были осуждены на три года заключения в исправительном доме Стоуни Маунтин в Манитобе. Тот-Кто-Строит-Загоны напомнил

¹⁶ Реджайна – город в Канаде, столица провинции Саскачеван.

судьям, что если бы он хотел, то был бы сейчас на свободе в прериях. Он находится под стражей только потому, что сам сдался в руки белого человека. А сделал он это для того, чтобы не пролилась кровь его народа. И сейчас он скорее согласится быть повешенным, чем позволит белому человеку остричь его, – на такое унижение он не пойдет.

Военные опасались гнева приемного отца Того-Кто-Строит-Загоны, Вороньей Ноги – вождя черноногих, чьи воины были достаточно сильны, чтобы оказать британцам серьезное сопротивление. Поэтому они дали указание тюремному начальству оставить волосы Того-Кто-Строит-Загоны как есть. Но они остригли всех остальных, включая Большого Медведя.

В тюрьме здоровье Того-Кто-Строит-Загоны стало быстро ухудшаться, поэтому его освободили раньше срока – еще до окончания первого года заключения. Когда он вернулся в свою общину, то обнаружил, что солдаты разграбили дома, а белые поселенцы запугивают и травят его людей. Тот-Кто-Строит-Загоны решил обсудить положение дел с приемным отцом, Вороньей Ногой, и отправился почти за четыреста миль в Блэкфут Кроссинг. Он шел пешком или делил единственную лошадь со своей новой женой. Кашель, который начался у него в тюрьме, усиливался. Во время участия в Танце Солнца¹⁷ Тот-Кто-Строит-Загоны умер от легочного кровотечения на руках у своего приемного отца.

Среди белых людей было немало таких, кто восхищался Тем-Кто-Строит-Загоны и хлопотал о его досрочном освобождении. Но и они возмущались тем, что Большой Медведь сопротивляется канадским властям. Хотя Большой Медведь был двадцатью годами старше Того-Кто-Строит-Загоны, власти не выпускали его из тюрьмы, пока его здоровье не ухудшилось настолько, что ему потребовалось лечение в госпитале. Для того чтобы избежать обвинений, которые, несомненно, последовали бы, если бы Большой Медведь умер под стражей, они посадили его и Сына Лошади на поезд, идущий на запад в Реджайну. Спустя месяц после освобождения вождь прибыл в резервацию Маленькая Сосна, где жила его дочь Земляная Женщина.

Хотя Большой Медведь и поставил свою отметку на договоре, чтобы обеспечить продовольствием свой голодающий народ, но он так и не согласился жить на землях, которые правительство выделило для его общины. Из-за отсутствия постоянной территории для проживания большая часть его людей рассеялась по прериям по обе стороны Магической Линии.

В конце концов Большой Медведь остановился в резервации Того-Кто-Строит-Загоны, где и умер, полный горестных раздумий. Его мрачное видение сбылось: земля сочлась кровью, и белый человек вешал индейцев кри.

* * *

Так называемое Северо-западное восстание индейцев 1885 года повлекло за собой череду арестов. Солдаты свирепствовали. Они совершали набеги на жилища всех, кого подозревали в сочувствии восставшим. Под эту категорию попадали семьи убитых, заключенных в тюрьмы и бежавших за Магическую Линию. Солдаты присваивали наиболее ценные личные вещи индейцев: лошадей, оружие, меха, боевые дубинки, барабаны, головные уборы, расшитую бисером одежду и любые другие вещи, которые представляли материальную ценность или просто вызывали их любопытство.

Маленький Барсук замолчал, и тогда в первый раз заговорил Тот-Кто-Стоит-Прямо. Не сводя глаз с Чистого Голоса, он сказал:

– Мне было тогда семнадцать лет, сын. Они связали мне руки и острием ножа разрезали кожу на горле. Они привязали меня к лошади и тащили по земле, чтобы заставить меня рассказать, где находится твой дед.

В разговор вступил Ловкий Охотник.

¹⁷ Танец Солнца – традиционный обряд обретения силы у равнинных индейцев.

– Он ничего не сказал им. Я пересек Магическую Линию вместе с людьми Большого Медведя. Пока я отсутствовал, солдаты украли мою священную сумку, мои стрелы, мое копье, мой головной убор, мои украшения и меха. – Эту историю он рассказывал уже много раз. – И еще они украли мою серебряную медаль договора. Они взяли все это на глазах у моей жены и моих детей. У меня осталось только это одеяло, – он показал на одеяло Компании Гудзонова залива, накинутое на плечи.

Маленький Барсук окинул взглядом сидящих в кругу соплеменников.

– Они обокрали всех, кто присутствует здесь, – всех, кто были в то время взрослыми людьми. В конце концов казни, побои и грабежи 1885 года возымели действие, которого доби-вался белый человек. Договор обещал нам продовольствие, но когда мы попросили о нем, белый человек начал против нас войну. Он воровал наше имущество, сажал нас в тюрьмы и вешал. Королева обещала защищать нас на землях резерваций, но это ее солдаты пришли к нам в лагерь ночью с пушками и пулеметом, чтобы убить нас, пока мы спали. Королева обе-щала, что конные полицейские будут защищать нас от лихих белых людей, но оказалось, что именно полицейские вторгаются в наши дома. И теперь наши люди боятся жаловаться, потому что маленькая беда может очень легко превратиться в большую беду, раз просьба о продоволь-ствии может обернуться тяжелой изменой. Поезда, идущие с востока, стали длиннее и быстрее, и теперь они могут перевозить больше солдат и пушек, чем раньше.

– Зачем белому человеку нужны законы? – Маленький Барсук вернулся к главной теме разговора. – Он хочет, чтобы мы забыли о свободе, которая была у нас всегда. Он хочет, чтобы мы чувствовали себя осиротелыми волками, которые выросли в его хижине как собаки.

* * *

Следующим взял слово Ловкий Охотник. Он повел речь о различиях между Договором №6 и индейскими законами белого человека. Эти законы были известны как *Индийский акт*. Они были написаны на языке белого человека, в Совете белого человека в Оттаве в 1876 году – еще до подписания договора. На Совете договора вице-губернатор спрятал их в своей седель-ной сумке.

Ловкий Охотник обратил внимание старейшин на различия между Договором №6, кото-рый все они подписали, и *Индийским актом*, который никто из них не видел и уж тем более не подписывал. Ловкий Охотник задавал этот вопрос индейскому агенту. Тот ответил, что когда вожди и старейшины поставили свои крестики на договоре в Форт-Карлтоне в 1876 году, они тем самым согласились, что их люди будут подчиняться законам белого человека.

– Кто видел договор с тех пор, как поставил на нем свою отметку? – Ловкий Охотник оглядел собравшихся. Все они отрицательно качали головами. – Человек королевы в тот же день увез договор в Виндзорский замок. Но он сделал копию и положил ее в Совете белого человека в Оттаве. Поезд идет до Оттавы семь или десять дней. Мы должны послать кого-нибудь, чтобы он прочитал документ и убедился, что в нем на английском языке записано то, о чем мы договорились на языке кри.

Это предложение было встречено с энтузиазмом. Однако Ловкий Охотник считал, что индейский агент ни за что не даст разрешение на путешествие в Оттаву, – он не захочет, чтобы индейцы получили возможность прочитать договор и передать свои жалобы Совету белого человека или представителю королевы в Оттаве. Если же кто-то посмеет поехать туда без раз-решения, – все они знают, что произойдет. Такое случалось с Ловким Охотником много раз. Он напомнил, как Королевская полиция арестовала его и вернула назад в кандалах, когда он поехал верхом в Блэкфут Кроссинг, чтобы поучаствовать в Танце Солнца и почтить память Того-Кто-Строит-Загоны на его могиле.

– Есть и другая неувязка, – добавил Ловкий Охотник. – Где мы найдем человека, которому мы доверяем и который может читать английские слова договора и говорить от нашего имени перед Советом белого человека?

* * *

Чистый Голос видел, что отец украдкой бросает взгляды на деда, словно его беспокоила боль, которая читалась в глазах старика. А еще он заметил, что некоторые из старейшин как будто съежились от разочарования и бессильной досады.

Чистый Голос горел желанием высказать свои мысли и чувства, но он помнил слова отца о том, что человек должен говорить только тогда, когда у него есть, что сказать. А что он мог сказать старейшинам, не имея достаточно глубоких знаний? И когда ему все же дали слово, речь его представляла собой вереницу вопросов, ограниченных, к тому же, словарным запасом десятилетнего мальчика кри.

– Если земля – наша мать, – начал он, – то почему белый человек считает ее своей? Почему он строит заборы и останавливает людей прерий, когда они путешествуют, охотятся или ловят рыбу, как делали это мой отец и мой дед, когда были молодыми? Почему белый человек убивает так много бизонов и устраивает пожары в высокой траве, чтобы прогнать тех из них, что остались в живых? Он может выращивать много овощей, а если понадобится, поезда привезут ему еще больше пищи. Зачем же он убивает так много оленей, бобров, волков, медведей, гусей и орлов? Почему индейский агент запрещает мне навещать семью моей матери в резервации Того-Кто-Строит-Загоны? Почему конные полицейские не позволяют нам исполнять Танцы Солнца и Дождя и устраивать пау-вау¹⁸, раскрашивать лица и носить перья? Почему белый человек изменяет названия рек и озер? Почему черные сутаны дают детям кри имена белого человека? Почему они говорят, что Китчи Маниту – злой дух?

После каждой фразы мальчик останавливался, чтобы перевести дух и собраться с мыслями для следующего вопроса. Все собравшиеся терпеливо ждали. Когда он закончил, никто не торопился отвечать. Все сидели с серьезными лицами, склонив головы и размышляя над его словами.

Маленький Барсук нарушил долгое молчание и произнес: «*Нахевитакос*»!¹⁹ На языке кри это означало: «Тот, Кто Говорит Прямо и Ясно». Затем шаман потряс трещоткой и запел песню, которой научил его в видении дух-покровитель, наделив силой давать имена. Собравшиеся встретили слова шамана одобрительным гулом. С этой минуты всем стало понятно, что новым именем мальчика будет *Нахевитакос*.

* * *

В английском языке трудно было найти подходящий перевод для этого имени, но по прошествии лет за мальчиком закрепилось имя Чистый Голос, поскольку оно отражало еще один его природный дар – дар певца.

Чистый Голос пел для родителей, пел, играя с друзьями, пел для Пловца, когда они с братом присматривали за овцами. Но больше всего он любил петь на собраниях племени. Обычно в представлении участвовали несколько мужчин. У каждого в руках была длинная барабанная палочка. Мужчины склонялись над большим барабаном, который лежал горизонтально на низкой подставке. Грохот барабана и пронзительные голоса певцов поднимали в воз-

¹⁸ Пау-вау – собрание североамериканских индейцев.

¹⁹ *nahêwihîâkos* (кри).

дух птиц на четверть мили вокруг. Мощные фальцеты пробуждали первобытный, мистический дух. Когда вступал Чистый Голос, мужчины обменивались взглядами и умеряли голоса, и тогда его звонкий дискант²⁰ взмывал над прерией, потрясая слушателей кристальной чистотой и радостью, которой он наполнял древние слова песнопений.

Обычно Чистый Голос играл на маленьком ручном барабане, трещотке, флейте из кедрового дерева или свистке, изготовленном из грудной кости орла. Он знал движения, костюмы и раскраску для всех обрядовых и бытовых танцев. Он был хорошо знаком с традиционной хореографией, но любил импровизировать, подскакивая над землей, точно она обжигала его ступни, изгибая и вращая свое маленькое тело с завораживающей скоростью и грацией.

При этом Чистый Голос никогда не впадал в исступление настолько, чтобы не замечать радость на лицах родителей и деда, которые наблюдали, как ловко он кружится в вихре перьев и ленточек, украшающих его разноцветные одежды. Особенно ему удавались бытовые танцы. Зрители смеялись до слез, глядя, как он, комически преувеличивая каждое движение, подражает походке лугового тетерева или вместе с Пловцом и другими мальчиками изображает суету сусликов, в панике разбегающихся при появлении орла.

Мальчик понимал, что Маленький Барсук и старейшины нарекли его Чистым Голосом потому, что хотели воодушевить его, – в надежде, что он и дальше будет совершенствовать свои ораторские способности. Доверие стариков обязывало его собирать недостающие знания, чтобы говорить с большой убежденностью, спокойно и ясно выражать мысли, как учил отец. Чистый Голос всегда сознавал, что знание имеет огромную ценность. Многие древние истории о том, как кри начали общаться с птицами и зверями, так или иначе, касались темы поиска знаний. В этих историях рассказывалось, как ловкач *Виса-Кетцак*²¹ пытался использовать знание во зло или во благо.

Чистый Голос не удивился, когда услышал от Ловкого Охотника, что и у белого человека есть похожие истории. Белые люди верили, что все их беды начались, когда злой дух-обманщик принял вид змеи и подговорил первую женщину Еву, чтобы она убедила первого человека Адама съесть яблоко с дерева познания. Так белый человек получил знание о зле и начал творить его, все больше входя во вкус, – говорил Ловкий Охотник.

* * *

После того как Маленький Барсук дал Чистому Голосу имя, мальчик еще больше сблизился с шаманом и стал относиться к нему как к учителю. Маленький Барсук рассказал, что еще до прихода белого человека кри постоянно обменивались знаниями с другими племенами. Их могли интересовать знания по медицине и колдовству, которыми владели салтеки и слейви, пророческие видения ассинибойнов, ритуальные Танцы Дождя и Солнца народов сиу или способности охоты на бизонов и искусство верховой езды живших по соседству племен Конфедерации черноногих. В обмен на это кри обычно предлагали свои песни и видения, свое знание лесов, северных и восточных рек, свои приемы звероловства и охоты на северных оленей карибу, а позже – свой опыт торговли с белым человеком.

Маленький Барсук говорил, что именно благодаря старинному обычаю обмениваться знаниями кри на первых порах чувствовали себя уверенно, ведя дела с белым человеком. На востоке они торговали с Компанией Гудзонова залива, а затем с ее конкурентом – Северо-западной компанией, когда та объявилась в прериях. Теперь настало время торговать с поселенцами, чтобы получить у них знания о том, как вести фермерское хозяйство, управлять машинами и пользоваться лекарствами белого человека.

²⁰ Дискант – высокий детский голос.

²¹ *wisa-hketcak* (кри).

Чистый Голос хотел знать все и обо всем, научиться всему, чему можно научиться. Ему было любопытно, откуда прилетают и куда улетают птицы, откуда текут реки и куда они несут свои воды за пределами резервации. Он хотел понять, как белый человек строит свои поезда, узнать, что такое «движущиеся картинки», своими глазами увидеть «безлошадные кареты», о которых рассказывали столько удивительного. Он хотел научиться читать и писать по-английски, чтобы помочь старейшинам понять смысл историй, которые рассказывает белый человек, и лучше узнать его образ мысли; чтобы быть полезным отцу в делах, которые тот ведет с фермерами и владельцами магазинов. Но больше всего Чистый Голос мечтал о том дне, когда он сможет прочитать Договор и *Индийский акт* и рассказать Ловкому Охотнику, что в них написано.

Словом, если на свете когда-либо жил двенадцатилетний мальчик кри, всей душой желающий учиться в школе, то это был Чистый Голос. И все-таки долгожданный день застал его врасплох.

* * *

Было холодное и ясное весеннее утро. Чистый Голос и Пловец возвращались с пастбища на обед. Едва вдали показалась хижина, как братья заметили легкую открытую коляску белого человека, запряженную одной лошадью и привязанную к перилам крыльца. Раньше белый человек никогда не навещался к ним в гости. Пожалуй, мальчики побоялись бы подходить к хижине, не будь они уверены, что родители дома. Но на привязи стояли две лошади отца, а рядом – лошадь Ловкого Охотника. Кроме того, над трубой поднимался дым, а в неподвижном воздухе чувствовался запах пищи, которую готовила для них мать. Любопытство и голод пересилили осторожность. Братья пустились наперегонки и, запыхавшись, ворвались в дверь хижины.

По одну сторону тщательно вымытого деревянного стола сидели на скамье Ловкий Охотник и Тот-Кто-Стоит-Прямо. Лицом к ним сидел человек в черной сутане. Чистый Голос слышал, как мальчики в резервации называли этого священника «Бобо». Его настоящее имя было отец Жан-Батист Бубон, он приехал из Франции. Религиозный орден иезуитов, к которому он принадлежал, основал христианские миссии для индейцев и открыл для их детей школу-интернат.

До этого Чистый Голос видел Бобо только один раз: тот проезжал мимо, сидя в двуколке рядом с индейским агентом. Мальчик подумал тогда, что священник похож на барсука. Так же как этот лесной зверек, он вытягивал свою длинную шею, наклонял голову и вертел ей из стороны в сторону, глядя сквозь круглые очки в толстой оправе туда, куда указывал ему индейский агент. Точно так же Бобо выглядел и сейчас. Повернувшись к мальчикам, он разглядывал их, близоруко щурясь, вытягивая шею и покачивая из стороны в сторону головой. При этом он громко сопел, принюхиваясь своим острым носом, как будто пытался уловить их запах.

Удовлетворившись осмотром, отец Бобо заговорил с Тем-Кто-Стоит-Прямо на языке кри с сильным, резавшим слух акцентом. Он хотел узнать, кто из мальчиков Джон, а кто Томас.

Христианские имена ничего не значили для Чистого Голоса. Он слышал, как Ловкий Охотник говорил, что если белому человеку доставляет удовольствие давать имена первым людям равнин, то это – его дело. Но это еще не является достаточным основанием для того, чтобы люди равнин пользовались этими именами. Кроме того, священник, который время от времени посещал резервацию, чтобы совершить обряд крещения, никогда не спрашивал родителей, какие христианские имена они хотят для своих детей. Он просто узнавал по церковному календарю, какого святого христиане чествовали в день крещения, и давал его имя ребенку. Это было очень похоже на то, как Чистый Голос и Пловец давали клички новорожденным ягнтям.

Посоветовавшись с матерью, отец сообщил священнику, что его старшего сына зовут Джон, а младшего – Томас. Чистый Голос продолжал разглядывать Бобо. Его запах трудно поддавался определению: едкий, как запах гаснущей восковой свечи, и кислый, как запах вареной репы. Чистый Голос размышлял о том, *что* священник ел сегодня на завтрак.

* * *

Ловкий Охотник однажды рассказал Чистому Голосу, что черные сутаны учат, будто *Китчи Маниту* на самом деле – не Великий Дух, а замаскированный Злой Дух – *Матчи Маниту*. По словам священников-миссионеров, *Матчи Маниту* – это тот самый коварный обманщик, которого они называют дьяволом, и которого олицетворяет змей-искуситель. Священники уверяли, что единственная цель дьявола – привести индейцев в огонь, который вечно пылает в ужасном месте под названием «ад».

Ловкий Охотник говорил, что, судя по описанию священников, ад сильно напоминает ему то время, когда белый человек устроил бойню, уничтожив десятки тысяч бизонов только для того, чтобы отрезать их языки, и оставил туши гнить в прериях. Туш было слишком много, чтобы их могли съесть стервятники, а расплавленный жир и другие телесные жидкости разрушали корни травы. Поэтому белый человек стал устраивать в прериях пожары, чтобы сжечь разлагающуюся плоть. Если кто-то пытался пройти через прерию, в которой горели трава и мясо бизонов, то его волосы скручивались от жара, а на коже появлялись ожоги; человек не мог дышать и ничего не видел, поскольку густые облака черного дыма и копоти затмевали солнечный свет. Вот так, должно быть, и выглядит ад, говорил Ловкий Охотник.

Когда дед впервые услышал рассказы черных сутан о том, что белые люди убили своего Бога-Христа, прибив его гвоздями к дереву; и о том, что христиане могут жить вечно, если будут есть его плоть и пить его кровь; и что *Китчи Маниту* – дьявол, который является в виде змеи, – все эти истории показались ему настолько нелепыми, что он даже не мог возмущаться и только жалел священников за то, что они верят в такую чепуху.

Чистый Голос часто слушал, как старшие обсуждают черных сутан и их верования. Некоторые из них, такие как Ловкий Охотник, говорили, что старые пути верно служили кри с начала времен и нет никаких причин что-то менять. Плохо то, говорили они, что слишком многие стали пользоваться деньгами белого человека, пить его виски, носить его одежды, слушать его священников и молиться его богу. По их мнению, именно эти прегрешения были причиной всех несчастий, которые свалились на головы кри за последние тридцать лет. Для того чтобы вернуть бизонов и оленей, остановить приход белого человека в прерии, справиться с новыми болезнями, избавиться от пьянства, преодолеть царящее в головах замешательство и вновь обрести свободу и чувство собственного достоинства, кри должны отбросить пути белого человека и вернуться к путям своих предков.

Однако были среди кри и такие, что придерживались противоположных взглядов. Они возлагали на старейшин, шаманов и даже на предков вину за то, что кри неправильно поняли ситуацию, сложившуюся в современном мире. В конце концов, предки и старейшины не смогли предотвратить исчезновение бизонов, голод и эпидемии, обрушившиеся на кри. Они не смогли ни предсказать, ни остановить приход белого человека в прерии. У них не было инструментов, машин и другой техники, как не было и неистощимого источника продовольствия и лекарств, который был у белого человека. Кроме того, им нечего было противопоставить огневой мощи английских солдат, хотя воины кри и превосходили этих солдат числом. Может быть, дела белого человека и правда угодны Великому Духу, рассуждали они. А если так, то, возможно, счастливые дни предков, шаманов и старейшин миновали, и нужны новые лидеры, которые поведут кри новыми путями.

Священники обещали, что научат индейцев ритуалам, выполняя которые они станут угодны Богу белого человека и смогут пользоваться всеми означенными выше благами. В школах черные сутаны готовы были передать детям практические знания и обучить языку белого человека. Разве кри что-либо теряют при этом?

Кроме того, черные сутаны постоянно пугали индейцев муками ада. Никто – даже неверующий – не хотел оказаться проклятым навеки. По словам священников, те кри, которые при жизни не приняли крещения, после смерти считались язычниками и были обречены скитаться, словно бездомные духи, в нескончаемом круговороте времен. Еще суровее черные сутаны относились к индейцам-христианам, если те вызывали их недовольство. Священники могли прилюдно обвинить их во всех смертных грехах и отлучить от церкви, пообещав им огонь преисподней. Это звучало хуже, чем самое страшное заклятие колдунов кри. К тому же недовольство священника было чревато не только отлучением от церкви, но и ущемлением в правах со стороны индейского агента и полиции. А это, в свою очередь, могло подорвать уважение к человеку в общине.

* * *

Чистый Голос выслушал все точки зрения своих соплеменников, но так и не составил собственное мнение. Единственным членом семьи, называвшим себя христианским именем, была его мать, Тереза. Она говорила, что хотя Иисус был белым человеком, он действовал, как настоящий воин и шаман кри. В поисках видения он ушел в жаркие, иссушенные солнцем прерии, постился в течение сорока дней – священное число для кри – и получил от Великого Духа задание, выполняя которое был избит хлыстом, коронован колючими ветками и пригвожден к дереву. И все это ради того, чтобы взять на себя грехи всех людей – белых и кри – и расчистить для них путь к благословию Великого Духа. Это напоминало ей Танец Солнца молодых воинов кри. Воины пронзали свое тело крючками, привязанными веревками к столбу, а затем туго натягивали веревки своим весом и танцевали вокруг столба, не обращая внимания на боль.

Глубокое впечатление произвели на Терезу слова Иисуса, который обещал, что кроткие наследуют землю. Это объясняло, почему белый человек лучше ладит с теми индейцами, которые охотно идут на сотрудничество с ним, и поворачивается против тех, кого считает смутьянами и возмутителями спокойствия. Ей казалось правильным, что христианство учит детей почитать родителей, не завидовать имуществу соседа и не убивать. Ей нравилось, что Иисус хотел, чтобы люди делились пищей с голодными и давали кров бездомным, жили в мире и любили друг друга. Кри всегда ценили эти простые и мудрые правила, потому что они помогали их народу выживать.

Однажды Чистый Голос спросил мать, зачем ей понадобилось становиться христианкой, если христиане учат тому, во что кри верят и без них. Тереза отвечала, что священник – друг индейского агента, конных полицейских и генерала в Манитобе. И если священник наделен такой властью, что может ниспослать благословение или проклятие на ее семью, то будет благоразумнее поддерживать с ним дружеские отношения. Кроме того, пока священник не узнает, она может по-прежнему совершать ритуалы кри и пользоваться услугами целителей и шамана.

Отец Чистого Голоса никогда не исповедовал христианство. Но он понимал, что индейский агент поручил заботам священников передачу индейцам знаний белого человека. Вот почему черные сутаны стали открывать школы.

* * *

«Вот это да! Черная сутана из школы – у меня дома! – думал Чистый Голос. – Что бы это значило?»

Бобо долго о чем-то рассказывал. Когда же он замолчал, заговорил Ловкий Охотник. Чистый Голос заметил, что дедушка сильно взволнован.

– Тот-Кто-Строит-Загоны говорил, что у нас должны быть свои школы в резервациях, чтобы наши дети оставались с нами, пока они получают знания белого человека. Об этом сказано в договоре. Я был на Совете и своими ушами слышал, как посланник королевы обещал нам это. Белый человек забрал нашу землю и нашу свободу. Мы не хотим отдавать ему наших детей, мы слишком любим их.

Священник недоуменно поднял брови и пожал плечами.

– Ты был там, когда заключали договор, – я не был. В то время я был десятилетним ребенком и жил в Нормандии, во Франции. Я не могу ни подтвердить, ни опровергнуть твои слова.

– Даже маленькие муравьи любят своих детей и хотят, чтобы они всегда оставались рядом с ними, – не унимался Ловкий Охотник. – Орлы выкармливают птенцов в гнездах, пока те не научатся летать. – Дед взглянул на мальчиков, и Чистый Голос заметил тревогу в его глазах. Затем он продолжал, повернувшись к священнику. – Вы уже два раза забирали наших мальчиков-одногодков в вашу школу. Когда школьники возвращаются к нам, они похожи на сумасшедших чужестранцев. Они забывают язык кри. Они не помнят наши песни. Они больше не умеют танцевать. Они не могут охотиться и ловить рыбу. Они разучились работать. Они не хотят быть достойными молодыми людьми, какими положено быть в их возрасте. Они сбиваются в кучу, как овцы. Их руки, ноги и грудь становятся хилыми из-за того, что они долгое время живут в четырех стенах и едят нечистую пищу. Они уходят в город и пьют алкоголь. Они то и дело бегают к индейскому агенту и к вашим черным сутанам, чтобы сплетничать о своих родителях и старейшинах. Они потеряли уважение к нам. Такое впечатление, что они стыдятся нас. В их сердцах – смятение. Двое из них уже лишили себя жизни. – Дед хотел продолжить, но потом взял себя в руки и лишь глубоко вздохнул. – Мы даем вам детей с сердцами полными надежды, а вы возвращаете нам юношей, больных духом.

Школе всего десять лет, возражал священник. Ученики слишком рано возвращаются в свои резервации к старому образу жизни, и все усилия учителей, занимающихся их воспитанием, идут насмарку. Это правда, что дети, которые поступают в школу в двенадцать или тринадцать лет, а оканчивают в пятнадцать, получают только поверхностное образование и похожи на недопеченные пирожки. Он рад сообщить, что индейский агент недавно согласился платить за то, чтобы индейские дети начинали учиться в школе в восемь лет, как дети белого человека, и теперь он сможет взять в школу Пловца, которому исполнилось десять лет. Он узнал, что в недалеком будущем все индейские мальчики и девочки должны будут учиться в школе-интернате с четырех или пяти до восемнадцати лет. При этом они будут приезжать домой только на две недели в году. Только при таких условиях церковь сможет выполнить поручение канадского правительства – обучить индейцев цивилизованному образу жизни.

Тот-Кто-Стоит-Прямо выслушал обоих мужчин с уважением.

– Мой отец правильно говорит. Он хочет, чтобы наши дети оставались с нами. Он хочет, чтобы школа находилась здесь, среди нас, как обещала королева, чтобы мы могли заботиться о своих детях, пока они учатся, и чтобы они сохранили язык и обычаи кри. Мы заключили договор на языке кри. Если наши дети забудут свой язык, они не будут знать, о чем мы договорились с королевой.

Тот-Кто-Стоит-Прямо пошевелил дрова в очаге. Там на медленном огне тушился в горшке ягненок, за которым присматривали жена и две дочери. Всем было ясно, что он еще не закончил. Немного погодя он снова повернулся к отцу Бубону и посмотрел ему прямо в глаза.

– Я слушаю тебя с тех пор, как взошло солнце. Ты говоришь, что если мы не пошлем наших сыновей в твою школу, то вы не будете учить их знаниям белого человека. Ты говоришь,

что скоро все люди прерий должны будут отдавать детей в школы, а если они не согласятся, конные полицейские будут увозить их туда в цепях и удерживать силой.

Хотя отец и не выразил явно свое согласие, следующие его слова показали, что семейное решение по этому вопросу уже принято. Повернувшись к Чистому Голосу, он сказал:

– Сейчас садитесь есть. Будь своему брату вместо отца. Отправляйтесь с черной сутаной. Чтобы добраться до школы в его коляске потребуется целый день. Дорога плохая. Вы должны постараться и добраться туда до захода солнца. Мы с твоими сестрами пригоним домой овец.

От этой новости у Чистого Голоса захватило дух. Ему предстояло уехать в коляске черной сутаны за пределы резервации, в которой прошло все его детство! Его ждали удивительные приключения, и он с трудом мог усидеть на месте.

Пока мальчики ели, Тот-Кто-Стоит-Прямо объяснял, что существует много важных вещей, которые он хотел бы узнать, но особенно его интересуют слова договора и так называемых индейских законов, написанных белым человеком. Еще он хотел бы научиться читать каталоги, прайс-листы и инструкции по использованию машин и узнать побольше о болезнях, которые убивают его урожай и домашних животных. Как только Чистый Голос выучит язык белого человека, он сможет научить отца. Тогда они вместе с Пловцом откроют двери знаний белого человека не только для своей семьи, но и для всего народа кри.

Пока Тот-Кто-Стоит-Прямо говорил, сестры Чистого Голоса молча стояли рядом и смотрели, как братья уплетают обед, словно видели их в последний раз. Ловкий Охотник встал и направился к своему типи. У дверей хижины он остановился, взглянул на сына, а затем сказал, обращаясь к внукам.

– Когда Тот-Кто-Строит-Загоны говорил на Совете договора, ваш отец был мальчиком и сидел у его ног. Тот-Кто-Строит-Загоны знал, что однажды этот мальчик вырастет, и у него будут свои дети. Вы и есть эти дети. И это о вас думал Тот-Кто-Строит-Загоны, когда требовал школы у королевы. – Чистый Голос видел, что отец согласно кивает, слушая напутственные слова Ловкого Охотника. – Вы окажете честь Тому-Кто-Строит-Загоны и всем жертвам, которые принес наш народ, если будете учиться хорошо и сохраните в душе верность народу кри.

Тереза собрала для мальчиков одежду и положила в маленькую холщевую сумку немного хлеба, ягод и печеной картошки. Тот-Кто-Стоит-Прямо собрал узелок с амулетами, музыкальными инструментами и игрушками. Он сказал сыновьям, что, по словам священника, никто в школе не потерпит беглецов. Братья должны подчиняться правилам черных сутан. Когда они вернуться образованными молодыми людьми, дом и семья будут ждать их там, где с ними расстались.

Обстоятельства складывались так неожиданно, а сборы были такими короткими, что у Чистого Голоса не оставалось времени для беспокойства. Напротив, душа его была полна радостных предчувствий. Он отправлялся в школу, чтобы получить знания белого человека и принести их отцу и деду. Не это ли было его заветным желанием! И еще он гордился тем, что учение в школе порадует дух Того-Кто-Строит-Загоны, пребывающий в *оскаскаг-васк*²² – Стране Зеленых Пастбищ за Пределами Млечного Пути.

* * *

Уже спустились сумерки, когда двуколка священника подкатила к школе. Бобо оставил мальчиков сидеть на скамейке в вестибюле, а сам отправился сообщить монахиням о прибытии двух новых воспитанников.

²² *oskaskog-wask* (кри).

Оба мальчика в первый раз оказались в здании белого человека, если не считать магазина и церкви в католической миссии. Оробев от внушительных размеров помещения, гулкого эха и непривычных запахов, они переговаривались шепотом или делали друг другу знаки руками.

С большой цветной фотографии, висевшей на самом видном месте, на них холодно взирала королева Виктория. Ее шею охватывало жемчужное ожерелье, а на груди покоился орден Подвязки, имеющий форму звезды. Пловец жестами показал Чистому Голосу, что украшения королевы похожи на четки и распятия, которые держали в руках монахини на других фотографиях, развешенных в рамках на стене. По его мнению, фотографии ясно указывали на то, что эта школа принадлежит королеве, и что она является здесь главной монахиней.

Вскоре показались и сами монахини в развевающихся мантиях и раскачивающихся головных уборах. Они засуетились вокруг мальчиков, похлопывая и поглаживая их, как будто те были куклами, которых принесли в корзине. При этом сестры непрерывно о чем-то болтали между собой по-французски, хихикали над своими замечаниями и бурно выражали радость. Они то и дело наклонялись к самым лицам мальчиков, как будто физическая близость могла помочь им преодолеть языковой барьер.

«Они щебечут, как птицы, – думал Чистый Голос. – Странно, что эти чужие люди так счастливы нас видеть? Должно быть, они просто притворяются!»

Он укрепился в своих подозрениях, когда через пять минут после шумной встречи две монахини повлекли братьев по темным, извилистым коридорам и привели в большую холодную комнату с выложенными плиткой стенами, зеркалами и раковинами для мытья. Здесь монахини жестами приказали им раздеться. Увидев, что мальчики стоят в смущении и нерешительности, сестры стали подталкивать их и дергать за края одежды. Они не успокоились до тех пор, пока оба новичка не оказались совершенно голыми. Затем пальцы монахинь впились им в косы и принялись бесперемонно их расплетать. Взяв себе по одному мальчику, монахини стали расчесывать и ощупывать их головы в поисках блох.

Чистый Голос был настолько потрясен происходящим, что ему и в голову не пришло сопротивляться. Он даже не заметил, как в назойливых руках монахини появились ножницы, и отрезанные локоны волос стали падать на его голые плечи и бедра. Продолжая возбужденно болтать о чем-то, сестра подтолкнула мальчика к раковине. Здесь она ловко обтерла его с головы до пят куском материи, смоченным фиолетовой жидкостью со странным запахом, и жестами приказала подождать, пока дезинфицирующий раствор сделает свое дело. Когда жидкость высохла, сестра стала поливать Чистого Голоса холодной водой из кувшина, натирать его тело куском грубого мыла и скоблить кожу щеткой, сделанной из колючей щетины. Затем она снова начала поливать его холодной водой, не обращая внимания на то, что руки и ноги его тряслись, а зубы стучали от холода.

Вытираясь полученным от монахини тонким полотенцем, Чистый Голос услышал хныканье Пловца, которого вели к раковине в другом конце комнаты. В следующую секунду он увидел, что младший брат бежит к нему, обхватив голову обеими руками. Чистый Голос быстро повернулся, ища свое отражение в зеркале. Из зеркала на него широко раскрытыми безумевшими глазами смотрел школяр с оттопыренными ушами и коротко остриженными волосами.

Всю жизнь Чистый Голос носил густые черные волосы, которые свисали ниже лопаток и закрывали уши, даже когда были собраны в одну центральную или две боковые косы. Для исполнения некоторых танцев он зачесывал волосы вперед, заплетал их в косу и завязывал замысловатым тройным узлом, который торчал надо лбом, пронзенный перьями фазана, ворона или орла. Но большую часть времени волосы свободно спадали на плечи и разлетались веером при резком повороте головы.

Внезапная стрижка, учиненная без его согласия и каких-либо объяснений, а также последующее интимное обследование и грубое выскабливание его тела странными кудахтающими женщинами произвели на Чистого Голоса ужасное впечатление. Унижение было доведено

до логического конца, когда одна из монахинь дала ему в руки швабру, а его брату – совок для мусора и велела замести валявшиеся на полу волосы в бумажный пакет, чтобы потом сжечь его в печи.

* * *

Закончив процедуру, монахини тычками проводили братьев по коридору в бельевую комнату и там, суетясь, собрали для каждого из них стопку одежды. Комплект включал в себя пару старых ботинок, две пары поношенных кальсон, черный шерстяной пиджак, пару черных бриджей, две пары гольфов, две рубашки, черный галстук и черную шестиугольную фуражку.

Новая одежда сидела на мальчиках скверно. Пловцу она была велика, а Чистому Голосу мала. Спереди на пиджаках видны были следы вьезшейся в материю засохшей пищи и плесени.

Пока мальчики одевались, появился новый человек по имени Жак Пеллетье, и монахини оставили их на его попечение. Осмотрев одежду новичков, Пеллетье сказал Пловцу ободряюще:

– Скоро ты подрастешь, и одежда будет тебе в самый раз. А тебе, – подмигнул он Чистому Голосу, – я найду что-нибудь попримечнее, когда кто-либо из старших учеников уйдет из школы.

Пеллетье было около двадцати восьми лет. Он жил в местной общине метисов, перебравшихся сюда из Манитобы и Квебека. Община была организована стараниями местного священника, который хотел создать церковный приход для метисов, говоривших на французском языке. Пеллетье объяснил, что у него было две бабушки кри, дедушка шотландец и дедушка француз. В официальных отчетах, которые школа посылала индейскому агенту, он числился учителем, но фактически выполнял обязанности помощника по общим вопросам – работал переводчиком и присматривал за мальчиками в общежитии и в школе во время хозяйственных работ.

У Пеллетье были черные волосы, спадавшие на воротник, тонкие висячие усы и символическая борода, состоящая из нескольких волос вокруг ямки на подбородке. Он носил длинный пиджак с многочисленными медными пуговицами и желтый шелковый галстук с застежкой, украшенной искусственными бриллиантами. Накрахмаленный воротник рубахи был застегнут на запонку. Из-под пиджака выглядывал красный жилет с вышитыми цветами; на нем красовалась золотая цепь, к которой были прицеплены карманные часы. Пеллетье достал часы из кармана и, взглянув на них, сообщил:

– Ровно через двадцать три минуты я отведу вас в кабинет заместителя директора.

В школе существуют определенные правила, объяснил Пеллетье, которые мальчики должны усвоить в течение ближайших нескольких дней. Но в данный момент он обращает их внимание только на правило номер один: они никогда не должны говорить в школе на языке кри. Говорить на языке кри – серьезный проступок, за который их ждет суровое наказание. Все ученики в школе обязаны докладывать учителям о своих товарищах, которые говорят на языке кри.

Пеллетье помолчал, дожидаясь, пока до братьев дойдет вся чудовищность этого правила. Чистый Голос хотел было возразить, что ни он, ни Пловец не знают ни слова по-английски, но Пеллетье прижал палец к его губам.

– Я, кажется, сказал тебе, что здесь не должна звучать речь кри, – повторил он строго, но тут же миролюбиво улыбнулся, сверкнув золотым зубом, и присел на корточки, так что его глаза оказались вровень с глазами мальчиков. Словно делая им щедрую личную поблажку, Пеллетье сказал, что будет прощать им нарушение этого правила в течение пары недель, до тех пор, пока они не выучат достаточно английских слов и фраз, чтобы освоиться в новой обстановке, – но только, если он убедится, что новенькие заслуживают доверия. Доверия заслужи-

вали ученики, которые сообщали ему, когда кто-то из их товарищей говорил на языке кри или нарушал другие правила. Доносчики получали самую лучшую работу по дому и на ферме, дополнительную пищу и другие привилегии. Им первым предоставлялась возможность поехать домой.

– И наоборот, – Пеллетье нахмурился и выпрямил спину, – ученики, не заслуживающие доверия, сурово наказываются. Вы слышали, какие здесь применяют наказания?

Братья помотали головами.

Это может быть порка розгами или ремнем по задней части ног или по голым ягодицам, сообщил Пеллетье. Иногда провинившегося заставляют ходить босиком по снегу или часами стоять на одной ноге. Однажды он видел, как мальчику проткнули иголкой язык в наказание за то, что он говорил на языке кри. Если ученик настолько глуп, что решает убежать из школы, конные полицейские ловят его и возвращают назад в наручниках. После этого мальчика бьют, сажают на хлеб и воду и приковывают цепью к кровати или к тачке. Так продолжается до тех пор, пока директор не убедится, что ученик оставил мысли о побеге.

– Но мы надеемся, что все эти неприятности благополучно вас минуют. Нет причин беспокоиться, если вы будете сотрудничать с нами. – Пеллетье снова улыбнулся и подмигнул.

* * *

Чистый Голос подумал, что Пеллетье – умный и сильный человек, но не мог решить, заслуживает ли он доверия. После встречи с заместителем директора он решил, что нет – не заслуживает.

Пеллетье левой рукой постучал в дверь кабинета. В правой он держал раскрытые часы. Затем он провел братьев в комнату со словами: «Сейчас ровно шесть тридцать, сестра Мэри Джозеф».

Мэри Джозеф не было среди тех монахинь, что встретили мальчиков в вестибюле школы. На взгляд Чистого Голоса, она была старше их – вроде королевы Виктории. Сестра сидела за большим столом посреди комнаты, скупое уставленной мебелью. Когда братья подошли и встали перед ней, она достала из ящика стола две маленькие молитвенные карточки и дала по одной каждому из них.

На карточках был изображен Иисус, сидящий на каменной скамье посреди многолюдной площади. Иисус раскрыл объятия навстречу детям, протягивающим к нему руки. На картинке была надпись: «*Пустите детей и не препятствуйте им приходить ко Мне*».

– Иисус хочет воодушевить вас, – сказала сестра Мэри Джозеф по-английски с сильным французским акцентом. – Он хочет принять вас в свое Пресвятое Сердце.

Пеллетье перевел ее слова на язык кри.

– Скажите сестре Мэри Джозеф ваши имена, – потребовал он.

– *Нахевитакос*, – ответил Чистый Голос, но Пеллетье поправил его.

– Это не твое настоящее имя. Скажи сестре свое христианское имя по-английски.

Чистый Голос думал о бороде Иисуса на картинке. Он знал, что в отличие от индейцев кри, белые люди могут выращивать густые волосы на лице, но считал, что все бороды и усы у них подстрижены и уложены одинаково – как у солдат и конных полицейских. Борода Иисуса, казалось, росла свободно и безо всякого ухода. Чистый Голос также размышлял о том, что такое «Пресвятое Сердце». Он был удивлен, когда Пеллетье сказал, что имя *Нахевитакос* – не настоящее. Он не спешил отвечать и ждал, когда новый наставник разъяснит ему, что он имеет в виду.

– О господи, еще один молчун! – воскликнула сестра Мэри Джозеф.

– Может быть, ворон выклевал твой язык? – подстегивал его Пеллетье. – Назови сестре свое христианское имя!

Чистого Голоса охватили противоречивые чувства: требования воспитателей рождали в его душе протест, но он помнил о данном отцу обещании следовать правилам белого человека. Как жаль, что рядом нет дедушки! Он наверняка подсказал бы, как поступить.

– Ну что же ты! – воскликнул Пеллетье, теряя терпение.

– Джон, – гортанным голосом произнес свое имя мальчик.

Наставники вопросительно посмотрели на Пловца. Чтобы избавить брата от этого сурового испытания, Чистый Голос шепотом напомнил ему его христианское имя и сказал, чтобы тот произнес его вслух.

– Вы объяснили новым ученикам, что они не должны разговаривать на языке кри? – сестра Мэри Джозеф обращалась к Пеллетье.

– Да, сестра, они знают об этом, – ответил Пеллетье и довольно ощутимо ткнул Пловца локтем.

– Томас? – произнес Пловец, словно высказывая предположение. Сестра Мэри Джозеф ответила ему натянутой улыбкой.

В свои последующие нравоучения она несколько раз пыталась вставить фразы на языке кри, но в основном говорила по-английски, временами сбиваясь на французский и полагаясь на Пеллетье, который выполнял обязанности переводчика.

– Джон, мне кажется, ты умный мальчик. Ответь мне на такой вопрос. Когда через несколько лет все кри переберутся из резерваций в города и научатся говорить по-английски и по-французски, – кто тогда будет говорить на языке кри? – Чистый Голос молчал. Перегнувшись к нему через стол, сестра сама ответила на свой вопрос: – Никто, Джон, никто! Это умирающий язык, дитя мое.

Пеллетье глубокомысленно кивнул, словно ответ сестры не вызывал у него никаких сомнений.

– Возможно, язык кри отвечал скудным потребностям того мира, в котором жил твой дед, – продолжала монахиня, – но он слишком примитивен, чтобы выражать те высокие формы знания, которые тебе понадобятся в современном цивилизованном мире. Кри – это твое варварское прошлое, Джон; английский – твое цивилизованное будущее! – По всей видимости, сестра Мэри Джозеф не ожидала от него ответа.

Чистый Голос старался следить за ее мыслью. Что она имела в виду, когда сказала, что кри покинут резервации? Не далее, как утром этого дня отец обещал ему, что семья никуда не уйдет, и дом всегда будет стоять там, где он его оставил.

Сестра Мэри Джозеф повернула голову к картине, висевшей в раме на стене. На картине была изображена сцена из Нового Завета, в которой Иисус стоял в реке Иордан лицом к Иоанну Крестителю.

– Джон, ты видишь человека, чье имя ты носишь? Это святой Иоанн Креститель, он крестит Иисуса. А вот – белый голубь, ты видишь? Это – Святой Дух! Если Сын Божий, который пришел в наш мир без единого порока, нуждался в водительстве Святого Духа, то, я думаю, мы можем с уверенностью сказать, что дикий мальчик кри также нуждается в этом. Ты не согласен?

Чистый Голос пропустил мимо ушей обидное слово «дикий», поскольку сестра произнесла его по-французски, а Пеллетье перевел на язык кри словом «невежественный». Мальчика больше интересовал белый голубь. Он знал одного человека – брата матери, – к которому дух-покровитель явился во время Поиска Видения в виде белого голубя. Возможно, это был тот самый дух, который вел Иисуса. Чистый Голос никогда не слышал, чтобы у белых людей были духи-покровители, и теперь он, несомненно, стал лучше относиться к Иисусу.

– В священных книгах дьявол Маниту известен как сатана, – продолжала монахиня. – В Книге псалмов сказано, что сатана бродит вокруг, рыча, как голодный лев, и ищет, кого бы сожрать. Он будет ждать в засаде, и прыгнет на тебя, и разорвет тебя своими острыми клыками, когда ты меньше всего этого ожидаешь.

Пеллетье перевел, что сатана является гигантской пумой или кугуаром с огромными зубами. Чистый Голос не на шутку встревожился. «Ну да, конечно, – думал он. – Вот почему в этой школе такие строгие правила. Они нужны, чтобы не подпускать сатану. Наши тела должны быть сильны, а мысли чисты».

Сестра Мэри Джозеф долго и пристально разглядывала новых воспитанников.

– Как вы думаете, какого мальчика сатана почует первым: того, кто исполнен гордыни, или того, кто смирен и послушен? Который мальчик, по-вашему, скорее попадет в сети к дьяволу: тот, что прилежно учиться и работает не покладая рук, чтобы заслужить снисхождение для своей души, когда она попадет в чистилище, или тот, что бесцельно слоняется и теряет время по своей праздности и лени? Где сатана чувствует себя как дома: в школе, где мальчики поют псалмы в честь Иисуса и Святой Девы, или на пау-вау, где они сходят с пути истинного, чтобы своими языческими воплями и танцами под грохот барабанов вызывать дьявола Маниту? – Сестра Мэри Джозеф глубоко и шумно вздохнула. – Но дьявол Маниту не откажется от погони за твоей душой только потому, что ты выбрал Иисуса. О, это совсем не так просто, совсем непросто!

Пловец потряс головой, словно соглашаясь, что это, конечно, не так просто.

Очевидно довольная своими разглагольствованиями, монахиня присвоила каждому из мальчиков номер и записала в журнал. Она напомнила, что им разрешается оставить при себе только цивилизованные вещи из тех, что они привезли из дома. Следовало изъять из узелков, которые собрал для них отец, ручной барабан, костяной свисток, трещотку, священные камни, амулеты и орлиные перья. Все это будет заперто в кладовой.

* * *

Пеллетье отвел братьев в общую спальню на третьем этаже. Там в большой комнате очень близко друг к другу стояли ряд двухъярусные кровати. Пеллетье показал Чистому Голосу его место и снова щелчком открыл свои часы.

– Молитвы и благословение закончатся ровно через двадцать минут. После этого вы познакомитесь со своими новыми товарищами. Они могут немного поучить вас английскому языку. А сейчас я скажу вам правило номер два.

Братья с беспокойством ждали, пока Пеллетье аккуратно убирал часы.

– Джон, ты будешь спать здесь на третьем этаже, в западном крыле дома. А ты, Томас, будешь спать на первом этаже в восточном крыле. У вас будет достаточно времени, чтобы побыть вместе, когда вы поедете домой... если, конечно, вы этого заслужите, – добавил он многозначительно. – В этом заведении братьям не позволено быть вместе. Это мешает вашему обучению новым порядкам и плохо сказывается на дисциплине. Послушайте моего совета, не пытайтесь нарушать это правило, это наказуемый проступок.

Когда Пеллетье на несколько минут оставил их наедине, Чистый Голос, сам с трудом сдерживая слезы, попытался утешить рыдающего младшего брата. Он посоветовал ему не бояться сатаны, потому что это – колдовство белого человека, и оно не действует на мальчика кри. Что бы там ни говорил Пеллетье, они будут видаться каждый день. Если Пеллетье попытается заткнуть им рты, они будут общаться на языке жестов, которому обучил их дед. А если кто-то попытается помешать им, они уйдут домой.

Чистый Голос сказал, что он уже продумал этот вариант. Если даже тут нет тропинки, ведущей прямо в Бизоний Ручей, он наверняка сможет найти дорогу, ориентируясь днем по солнцу, а ночью – по луне и звездам. Дорога займет у них что-нибудь около двух суток. Волки и койоты вряд ли будут их беспокоить, и они будут держаться подальше от лесных медведей. На короткое время настроение у братьев улучшилось. Но когда Пеллетье увел Пловца в другую спальню, Чистый Голос снова почувствовал себя беспомощным.

Здание школы напоминало гигантскую клетку для кроликов. Оно скрипело, стонало и сотрясалось под ногами невидимых обитателей, спящих по коридорам. Его постоянно наполнял какой-то беспокоящий шум: хлопали двери, звонил колокол, раздавались приглушенные песни белого человека. Стены, полы и ткани были пропитаны непривычными запахами: пахло плесенью, прачечной, карболовым мылом, вареной капустой и мочой.

Закончилась служба в часовне, и школьники шумной ватагой устремились вверх по лестнице. Стены и половицы содрогались от топота множества ног. Большинство ребят были рады видеть свежее лицо. Они окружили новенького и стали водить ладошками по коротко стриженным волосам на затылке, дергать за уши и спрашивать по-английски, как ему нравится его новая прическа с торчащими в стороны ушами.

В общем гомоне Чистый Голос разобрал слово *танси*²³ и еще несколько дружеских восклицаний на языке кри. Когда же он назвал имена отца и деда и сообщил, откуда он приехал, двое мальчиков заявили, что они – его двоюродные братья из резервации Того-Кто-Строит-Загоны. Они сели рядом и, загибая пальцы, стали перечислять имена соплеменников, чтобы подтвердить свое родство. Новые знакомые охотно принялись учить Чистого Голоса английским словам, но стоило ему обратиться к ним на языке кри с просьбой разъяснить значение того или иного слова, как мальчики начинали отрицательно мотать головами, опасливо оглядываясь и прикладывая пальцы к губам.

Поведение школьников разительно отличалось от поведения детей кри в резервации Бизоний Ручей. Когда прозвучал колокол, возвещавший о времени отхода ко сну, все они немедленно приступили к хорошо отработанной и, видимо, давно наскучившей всем процедуре. Встав на колени на кроватях и вытянувшись в струнку, они сложили ладони на уровне носа и закрыли глаза, словно хотели остаться в одиночестве. Пока мальчики читали молитвы, Пеллетье стоял у дверей и, поглядывая на часы, громко предупреждал, что свет будет погашен «ровно через две минуты».

Чистый Голос лежал в темноте в своей постели, прислушиваясь к сонному бормотанию товарищей и беспокоясь о Пловце. Он пытался понять глубокий смысл всех тревожных событий, которые выпали на его долю за прошедший день. Через много-много лет, в свои преклонные годы он не раз вспоминал эту первую ночь в школе-интернате, потому что именно тогда к нему впервые пришло ощущение, которое уже не оставляло его всю последующую жизнь. Это было ощущение, что он стал чужим на своей земле.

* * *

В течение всего первого года Чистому Голосу казалось, что обучение, как таковое, еще не началось. Это выглядело так, словно он все еще проходит испытательный срок, разучивая религиозные обряды и выполняя рутинную работу, в то время как власти решают, заслуживает ли он доверия, достаточно ли он приобщен к цивилизации и является ли он христианином в такой мере, чтобы можно было приступить к его образованию. За этот год Чистый Голос с удивлением обнаружил, что чтению, письму и арифметике в школе уделяется не больше времени, чем религиозному воспитанию и физическому труду. Согласно учебному плану это соотношение должно было составлять «пятьдесят на пятьдесят»: полдня ученики должны были работать по хозяйству или на ферме и полдня проводить в учебных классах. Но уроки часто отменяли из-за религиозных праздников, духовного уединения монахинь, или просто из-за отсутствия учителей. Большая часть классной работы обычно была посвящена отнюдь не наукам, а заучиванию религиозных гимнов и католических догм.

²³ *tansi* (кри).

Каждое утро учащиеся посещали мессу в школьной часовне, а по воскресеньям участвовали в Торжественной мессе. Кроме того, по вторникам и воскресеньям у них по плану было чтение молитв по четкам и получение благословения. Мальчики читали молитвы перед началом и после окончания повседневной работы по дому, перед началом каждого урока и перед каждым приемом пищи. В особые дни по католическому календарю они совершали Крестные ходы вокруг часовни.

Каждый день школьники чистили свои комнаты и помещения общего пользования в школе и в пристройке, отведенной для монахинь, а также работали на кухне, в прачечной, в хлеву, на конюшне, на маслобойне, на овощных грядках, в саду и на сенокосе.

Для учения отводилось не более трех часов в день. Монахини говорили по-английски с сильным французским акцентом, не соблюдая правила грамматики, а три воспитателя-мирянина, работавшие неполный рабочий день, лишь недавно иммигрировали из Германии, Голландии и Шотландии. Чистого Голоса удручало, что его наказывают и за то, что он говорит на языке кри, и за то, что он делает ошибки, говоря по-английски. Из-за различий в акцентах и синтаксических конструкциях, используемых разными учителями, английский язык казался ему лишенным правил.

Кроме того, Чистый Голос никак не мог понять монахинь. Во время утренней службы они были – само спокойствие и уравновешенность, но эти качества куда-то бесследно улетучивались в течение дня. Он еще не встречал взрослых людей, которых бы так легко выводили из себя дети. Казалось, не проходило дня, чтобы у одной из сестер не случился приступ гнева. Радостные улыбки, которыми монахини встретили Чистого Голоса и Пловца в первый вечер, стерлись с их лиц через пару дней и не появлялись, пока в школу не прибыла очередная партия новеньких.

Много лет спустя Чистому Голосу довелось беседовать с монахиней, которая объясняла противоречивое поведение сестер следующим образом. Любая монахиня считала своим долгом видеть Христа в каждом ребенке и быть ему духовной матерью; и невинность каждого вновь прибывшего воспитанника давала сестрам еще один шанс почувствовать в первозданной ясности свое призвание. Но по прошествии нескольких часов или дней несовершенства этого ребенка – или их собственные – затуманивали девственную чистоту отношений, и радость снова уступала место разочарованию и досаде.

Внезапный обжигающий удар указкой по пальцам, унижение оттого, что тебя ведут через всю комнату, больно ухватив за короткие волосы на виске, – все это было хорошо знакомо Чистому Голосу. Случавшиеся время от времени вспышки насилия со стороны учителей и воспитателей усугубляли ощущение угрозы телесного наказания, нависшей над каждым школьником.

* * *

Как и все в школе, Чистый Голос был наслышан о Поле Равене. Полу было всего одиннадцать лет, когда он умер. Он убежал из школы и пропал где-то двое суток, пока конные полицейские не напали на его след. Оказалось, что все это время он прятался в лесу рядом со школой и в конце концов сам прибрел назад в полуобморочном состоянии. Когда Пол отказался отвечать на вопросы, сестра Мэри Джозеф посчитала это молчаливым высокомерием. Она велела воспитателю раздеть мальчика, выпороть кожаным ремнем и приковать цепью к кровати на два дня, посадив на хлеб и воду.

Чистый Голос как-то подслушал разговор трех рабочих фермы. Рабочие обсуждали этот случай на английском языке, хотя один из них был французом, другой – голландцем, а третий – шведом. Когда Пол Равен умер, говорили они, патологоанатом засвидетельствовал, что мальчик длительное время страдал от туберкулеза. В течение последних нескольких недель его

нагружали дополнительной работой, потому что воспитатели не верили, что он болен, и считали его симулянтом. Трое мужчин защищали монахинь.

– Я бы скорей поверил монахине, чем этому лживому дикарю, – говорил француз. – Индейцы только и делают, что жалуются на свою жизнь. Нужно быть святыми, чтобы иметь с ними дело. Никогда не знаешь, когда они живьем сдерут с тебя шкуру.

– Это правда, – соглашался швед. – Надо почаще давать этим краснокожим по мозгам, – это единственный язык, который они понимают.

Голландец распял себя, пока не воспылил праведным гневом.

– Если бы какой-нибудь индеец вздумал завести шашни с монахиней, я бы сам вышиб ему мозги.

Чистый Голос уже заметил, что учеников, жалующихся на недомогание, обычно подозревали в симуляции. Это продолжалось до тех пор, пока симптомы болезни не обострились, после чего больного безо всяких объяснений отправляли домой.

Многие годы спустя он узнал, что некоторые школьники болели, не получая лечения, по нескольку лет. Четыре мальчика умерли от туберкулеза, и было установлено, что произошло это из-за того, что они не получили своевременного лечения.

* * *

Случались и другие истории, вызывавшие у Чистого Голоса недоумение. Взять хотя бы странное поведение воспитателя из Германии со сломанным передним зубом и татуировками «Kaiser» и «Mutter» на предплечье. Днем воспитатель следил за работами по дому и на ферме, а ночью присматривал за порядком в спальнях. После того, как выключали свет, он иногда ходил между кроватями, выбирал двух мальчиков и уводил их в подсобное помещение, где хранились швабры и другие принадлежности для уборки. Там он приказывал им снять одежду. Через некоторое время мальчики, поменявшись пижамами, возвращались в свои кровати. Если воспитатель оставался ими доволен, то на утро он давал им более легкую работу; в противном случае он нагружал их дополнительной работой. Не раз, слыша, как немецкий воспитатель бродит по спальне в поисках очередной жертвы, Чистый Голос накрывался с головой одеялом и лежал, затаив дыхание, чтобы на него не пал выбор.

* * *

В одно прекрасное утро после воскресной мессы – это случилось через шесть месяцев после начала учебного года – Пловец поджидал Чистого Голоса на выходе из часовни. Помня о запрете на разговоры, он отчаянными жестами пытался что-то сообщить брату. Наконец, сгорая от нетерпения, он потащил Чистого Голоса по лестнице на третий этаж и подтолкнул к окну, показывая куда-то вдаль. Этой ночью в прерии появилось типи. Оно стояло прямо за территорией школы. Даже с такого расстояния Чистый Голос немедленно различил на типи знаки Ловкого Охотника. Одинокий всадник въезжал в ворота школьного двора. Это был Ловкий Охотник; на поводу он вел выючную лошадь. Старый индеец остановился у дверей кухни и стал терпеливо ждать, когда на него обратят внимание. Братья кубарем скатились по лестнице и бросились через двор к деду. Спешившись, Ловкий Охотник надолго заключил братьев в объятия. Благословив внуков, старик ощупал их плечи и грудь, потрогал бицепсы.

– Так я и думал, – проворчал он, – они не дают вам чистую пищу.

Ловкий Охотник сказал, что возвращается с охоты. Он привез дичь – двух небольших оленей – и хочет подарить ее школе, чтобы все дети хотя бы в этот день отведали здоровое дикое мясо.

Приезд Ловкого Охотника произвел переполох. Несколько любопытных школяров вертелись вокруг старика, но Пеллетье оттеснил их в сторону, расчищая дорогу для разъяренной сестры Мэри Джозеф.

– Не смейте касаться детей! – закричала она Ловкому Охотнику. – Нам здесь не нужны вши.

Пеллетье был смущен. Опасаясь гнева старого вождя, он сказал ему, что заместитель директора школы не хочет, чтобы ученики испачкали школьную форму пылью прерий.

Оглядевшись, старик заметил корыто с водой, стоявшее рядом с насосом.

– Я приготовлю в нем мясо.

Когда Пеллетье перевел сестре Мэри Джозеф слова Ловкого Охотника, та пробурчала сквозь зубы, но так, чтобы все могли ее слышать:

– Уберите кухонные ножи. Эти бездельники не признают частной собственности и не считают за грех воровство. Они не могут, чтобы не прикарманить что-нибудь, – это у них в крови. Скажите ему, чтобы убирался восвояси. А если вернется, я вызову полицию, и его арестуют.

С этими словами сестра удалилась, пихая впереди себя Пловца и Чистого Голоса и громко приказывая всем остальным вернуться в здание.

Помощник повара вышел из кухни и забрал у Ловкого Охотника мясо. В дверях дома он обернулся и сказал язвительно:

– Это не индейская земля, Сидящий Бык²⁴. Возвращайся в свою резервацию.

Стоя у окна кабинета Мэри Джозеф, Пловец и Чистый Голос со слезами на глазах наблюдали, как Ловкий Охотник подошел к своему типи и стал с трудом разбирать его. В это время прозвенел звонок, и начался урок по катехизису²⁵. Когда после урока мальчики подбежали к окну на третьем этаже, Ловкий Охотник уже превратился в еле заметную конную фигурку на горизонте.

* * *

Со временем Чистый Голос привык и к постоянной угрозе телесного наказания, и к прочим тяготам школьной жизни. Гораздо труднее ему было мириться с презрительным отношением учителей и воспитателей к народу прерий. Какими только эпитетами не награждали педагога его соплеменников! Индейцы были для них отсталыми дикарями, невежественными варварами, суеверными безбожниками, грязными язычниками и инфантильными лентяями. Чистого Голоса поражало, что кто-то мог говорить так о Ловком Охотнике, чье тело было измождено работой, чей острый ум всегда пытался найти смысл во всех великих изменениях, происходящих в мире; или о Том-Кто-Стоит-Прямо с его ненасытной любознательностью, спокойным и пронизательным умом и непоколебимым чувством долга перед общиной; или о матери, полной живого воображения и любви и работавшей всю жизнь от зари дотемна ради своей большой семьи.

И все же оскорбительные слова легко срывались с уст священника, монахинь, их помощников-мирян, местных торговцев и рабочих фермы. В течение первого учебного года Чистый Голос очень остро реагировал на подобные высказывания. Они рождали в нем жгучий протест. Он готов был на все, чтобы оградить свою семью от словесных выпадов. Ему было досадно, что он не смог защитить деда, когда тот приехал его навестить.

Но со временем Чистый Голос научился закрывать уши. Он заметил, что если уделять слишком много внимания этой словесной грязи, то и сам непременно выпачкаешься в ней.

²⁴ Сидящий Бык (1831—1890) – легендарный вождь из племени сиу. Возглавил последнее крупное выступление американских индейцев против США, пытаясь воспрепятствовать заселению земель племени.

²⁵ Катехизис – краткое изложение христианского вероучения в форме вопросов и ответов.

Некоторые из его товарищей уже заразились так называемой «школьной мудростью»; так, появилась компания старших школьников, которые издевались над новичками и насмехались над их «индейскими повадками».

* * *

Постоянная тревога, которую Чистый Голос испытывал за младшего брата, достигла своего апогея в конце первого года обучения. Один добрый шотландец, работавший на железной дороге, привез в школу кинопроектор. Сеанс должен был состоять из просмотра нескольких коротких черно-белых фильмов из серии «Living Canada», снятых по заказу Канадской Тихоокеанской железной дороги. Фильмы были предназначены в помощь канадским вербовщикам в Британии и Европе; они должны были привлекать иммигрантов на Запад. Кроме того, они содержали рекламу Канадской Тихоокеанской железной дороги, поезда которой мелькали в каждом кадре. Эти поезда шли из Монреаля на запад через Торонто, Виннипег, Мусс-Джо, Реджайну, Медисин-Хат и Ванкувер. На каждой станции из вагонов высаживались иммигранты. Гвоздем показа должна была стать лента, которую сняли на камеру, установленную на паровозе. Паровоз пересекал прерии и двигался на запад по живописным ущельям Скалистых гор.

Разобрав перегородку между двумя классными комнатами, рабочие организовали временный кинотеатр. Жена шотландца должна была играть на фортепиано, оживляя немые сцены и заглушая громкое жужжание кинопроектора. Никому из школьников и большинству учителей до сей поры не доводилось видеть «движущиеся картинки». Публика бурлила в предвкушении невиданного зрелища. За пятнадцать минут до начала сеанса прибыли монахини во главе с Бобо. Последней вошла сестра Мэри Джозеф, толкая перед собой Пловца. Она велела ему встать слева, позади экрана. Если бы Пловец поднял голову, то увидел бы перед собой лица зрителей, обращенные на экран. Он мог наблюдать отражавшиеся на лицах эмоции, но не мог видеть сам фильм. Таково было наказание за нарушение правил гигиены, разговоры на языке кри и «молчаливое высокомерие».

Чистый Голос пребывал в радостном возбуждении. Еще бы: впервые в жизни ему выпал случай посмотреть кино! Он надеялся увидеть новых людей и новые места, здания и корабли, «безлошадные кареты» и паровозы, которых никогда не видел раньше. Киносеанс обещал стать главным событием минувшего года – настоящим новым знанием, которым он сможет поделиться, когда вернется домой. Чистый Голос сверлил глазами брата, мысленно внушая ему, что надо поднять голову. Тогда он смог бы подбодрить его жестами или взглядом. Но Пловец стоял неподвижно, опустив подбородок на грудь и спрятав лицо, так что зрителям была видна только его макушка. Когда шотландец представил публике первый фильм и попросил у Бобо разрешения потушить лампы, Чистый Голос поднялся с места, вышел к экрану и встал рядом с Пловцом.

В комнате воцарилась тишина. Все глаза были прикованы к Чистому Голосу. Как педагоги, так и ученики единодушно расценили его поступок, как неслыханный, в высшей степени дерзкий акт неповиновения.

Почувствовав локоть брата, Пловец медленно повернул к нему лицо. Сцепив пальцы и подняв головы, братья уставились на проектор, установленный в задней части комнаты. Сестра Мэри Джозеф сердито повернулась на своем сиденье, ища взглядом Пеллетье, но тут вмешался Бобо. Представление начиналось, пусть Чистый Голос заплатит достойную цену за свое упрямство и пропустит его.

После киносеанса Пеллетье велел Чистому Голосу подождать около кабинета отца Бубона.

– ...И если хочешь спасти свою шкуру, не будь слишком строптивым, – добавил он. Пеллетье однажды сказал Чистому Голосу, что «строптивый» было одним из его любимых слов; он использовал его только в самых серьезных случаях.

* * *

Попрощавшись с шотландцем и его женой, Бобо прошел в кабинет, жестом пригласив Чистого Голоса следовать за собой. В кабинете он приказал мальчику встать напротив своего стола.

– Я привел тебя и твоего брата в эту школу, потому что твой отец пользуется большим уважением в вашей общине, – начал священник. – Мы считали, что если он пошлет своих сыновей в школу, то и другие семьи в Бизоньем Ручье сделают то же самое. Я полагал, что ты и твой брат подадите хороший пример остальным. Но я ошибся. Вы – возмутители спокойствия, – вы оба! Придется вам покинуть школу.

Как ни странно, Чистый Голос был рад такому началу разговора. В первый раз директор обратился к нему лично. Ни в то утро, когда Бобо забрал братьев из Бизоньего Ручья, ни в коляске по дороге в школу, ни во время учебного года священник ни разу не поздоровался и ни разу не заговорил с Чистым Голосом. Похоже, они даже ни разу не встречались глазами, если не считать того случая в хижине, когда Бобо обнюхивал его, как барсук.

– Ты будешь исключен из школы. Это позорное клеймо останется на тебе до конца жизни. Ты навлечешь позор на своих родителей и на всю свою общину.

Чистый Голос ждал, когда Бобо выскажет все, что у него на уме. Он помнил слова отца о том, что говорить надо прямо и с убежденностью; а еще он помнил о доверии, которое оказали ему старейшины, дав имя Чистый Голос. Он заговорил, глядя сидящему перед ним белому человеку прямо в глаза.

– У меня есть право учиться в школе. Мой дед Ловкий Охотник сказал, что мы заплатили за это право, когда позволили белому человеку строить железную дорогу на нашей земле и пользоваться нашими охотничьими угодьями. Мой отец послал меня сюда не для того, чтобы выслушивать непристойности о моих предках и народах прерий и смотреть, как позорят моего брата. Он послал меня сюда, чтобы я учился считать, читать и писать по-английски. Я расскажу инспектору о том, что вы заставляете нас учить наизусть отрывки из книг, чтобы он подумал, что мы хорошо читаем. Я расскажу ему, как мало вы нас учите, как много заставляете работать по хозяйству, как сильно мы устаем, как живем впроголодь, и какой дрянной пищей вы нас кормите. Вы даете нам гнилое мясо и готовите его в том же горшке, в котором кипятите свои носки. Вы и сестры едите масло, свежее мясо и другие хорошие продукты. Я расскажу, как долго вы заставляете нас мучиться зубной болью и другими болезнями, прежде чем приглашаете доктора. Я расскажу, как часто вы бьете нас и сажаете на хлеб и воду.

На лице священника было написано такое изумление, словно Чистый Голос только что бросил в него камень. Бобо отвернулся, закрыл глаза и плотно сложил на груди руки. Казалось, он ждет, когда затихнет эхо крамольных слов.

Когда к Бобо вернулось самообладание, он принялся копаться в бумагах, разбросанных на столе. Найдя нужный документ, он надел другие очки с более толстыми линзами. В полной тишине Бобо прочитал письмо про себя, затем протянул его Чистому Голосу.

– Прочти это, – сказал он коротко.

Чистый Голос с любопытством пробежал глазами письмо и вернул его директору.

– Я не знаю этих слов, – сказал он.

– Это письмо от главного правительственного чиновника в Оттаве. Он платит за твое образование, и он – главный инспектор! В этом письме, адресованном лично мне, он пишет... – Бобо начал читать вслух: – «...*Очень важно, чтобы образование искоренило в них индейский*

дух». – Бобо взглянул на Чистого Голоса. – Он имеет в виду вас – индейских школьников. *«Очень важно, чтобы образование искоренило в них индейский дух»*. Ты слышишь? Это наша работа. Это то, чем мы должны заниматься в этой школе. Это то, за что правительство платит нам деньги. Именно для этого твой отец прислал тебя сюда. Он хочет, чтобы мы искоренили в тебе индейский дух. Если бы он хотел, чтобы ты оставался индейцем, если бы это было пределом его мечтаний, ему ни в коем случае не следовало посылать тебя сюда.

Бобо снова уткнулся в письмо.

– Здесь говорится, что мы должны научить вас *«...быть трудолюбивыми, уважать власть и вести себя, как подобает цивилизованному человеку»*. Ты знаешь, что это значит?

Чистый Голос молчал. Он и вправду не понимал, к чему клонит директор. Бобо наклонился к нему через стол. Его глаза были увеличены линзами, а голова покачивалась из стороны в сторону.

«Вылитый барсук, – думал Чистый Голос. – Как есть барсук».

Наконец, гнев священника поутих. Он вздохнул и покачал головой.

– Я не знаю, о чем договорились с королевой твой дед и Тот-Кто-Строит-Законы, и как это касается нашей школы. В любом случае, прошло уже тридцать шесть лет! Ваш договор – это история древнего мира.

Чистый Голос не преминул задать вопрос, который давно сидел у него в голове.

– А где он – тот белый человек, который давал обещания от имени королевы, – где он сейчас?

– Вне всякого сомнения, его кости тлеют в могиле в Англии. А королева умерла через год после того, как ты родился. Так что боюсь, тебе придется иметь дело с *нашей* интерпретацией договора.

– Но королева обещала!

– Неужели! Обещания так же легко даются, как и нарушаются.

– Она сказала, что это навечно.

– Ничто в этой жизни не вечно!

– Она сказала, что ее семья будет выполнять ее обещания после того, как она умрет.

– Ах так! Ну, тогда тебе лучше говорить с ее семьей, а не со мной.

– Да, я буду говорить с ними.

Бобо отпрянул, его глаза расширились от изумления. Он не ожидал от Чистого Голоса такой наглости.

– Ах вот как! Ты хочешь говорить с королем Англии, я тебя правильно понял? Да есть ли границы твоей дерзости?! Ты и ему скажешь, что мы плохо тебя учим?

– Да, скажу.

В течение минуты священник не сводил глаз с Чистого Голоса, словно выжидая, не отколет ли тот еще какой-нибудь номер в том же духе. Но возмутитель спокойствия молчал, и Бобо заговорил язвительно:

– Ну что ж, как говорится, флаг тебе в руки! Не думаю, что король ждет тебя с распростертыми объятиями. Англию не зря называют «коварным Альбионом». – Он пояснил с видимым удовольствием: – Это означает, что у них раздвоенный язык. Они – лгуны.

– Почему вы говорите так о своем народе?

– Англичане – не мой народ. Я – француз.

– Если англичане говорят раздвоенным языком, почему вы верите тому, что они говорят о договоре?

Священник покачал головой, давая понять, что данная тема выходит за рамки его компетенции.

– Я не могу обсуждать с тобой эти вопросы, Джон. Этот разговор никуда нас с тобой не приведет. У индейского образа жизни нет будущего, все это – в прошлом. Я здесь для того, чтобы учить тебя цивилизованному образу жизни.

* * *

Несколько секунд Бобо смотрел на Чистого Голоса в раздумье, затем кивком предложил ему сесть. Придвинув второй стул, он сел рядом так, что их колени соприкасались. Чистый Голос чувствовал запах свечного воска, исходивший от одежды священника, и застарелый душок сигар, которые Бобо, по слухам, тайно покуривал в своем кабинете.

– Джон, – начал священник примирительным тоном, – я знаю, как это трудно – жить вдали от дома, от родителей и семьи и от дикого мяса, к которому ты привык. Я сам живу вдали от родины. Все мы оставили наши семьи, чтобы быть здесь с вами. Мы тоже одиноки и тоже скучаем по дому. Мы отказались от уюта и утех семейной жизни, от близких отношений с родственниками и даже от своих детей для того, чтобы заменить вам отцов и матерей.

Чистый Голос вспыхнул. Он совсем не хотел, чтобы священник и какая-нибудь монахиня заменяли ему отца и мать. Он сожалел, что у них не было своих детей и что они скучают по дому, но он ничего не имел против того, чтобы они ехали восвояси и жили так, как им хочется. Бобо, казалось, почувствовал враждебность воспитуемого. Резко отодвинувшись, он поднялся и принялся расхаживать взад-вперед по комнате.

– Твой отец говорил мне, что ты хороший наездник. Ты когда-нибудь помогал ему объезжать лошадей?

Чистый Голос кивнул и посмотрел священнику в глаза.

– Сколько их было?

– Две. И еще дедушке... Три.

– Три! – Бобо оживился. – Это были дикие лошади?

– Да.

– Скажи, разве твоему отцу не приходилось силой укрощать их норов? Я полагаю, он хлестал их кнутом и бил каблуками до тех пор, пока они не начинали понимать, что человек – не враг им, а друг!

Чистый Голос слушал Бобо с интересом.

– А когда ты надолго уезжаешь в прерии, Джон, – разве ты не стреноживаешь лошадей, чтобы они не ушли далеко от дома и не заблудились? И разве ты не привязываешь их, когда приезжаешь домой?

Разговор о лошадях напомнил Чистому Голосу, как давно он не скакал на коне по прерии. Занимаясь домашним хозяйством, он редко обращал внимание на небо, считая его самой естественной частью окружающего пейзажа. Но когда ему случалось в одиночестве ехать верхом, его порой поражало величие сияющего синего купола, накрывавшего бескрайние равнины. Тогда он откидывался назад в седле и продолжал скакать, обратив лицо кверху так, чтобы видеть одно только небо. В такие минуты он представлял, что его скакун мчится галопом к горизонту, перемахивает через край и, взмыв в небо, парит в вышине вместе с орлами.

– Стало быть, тебе известно, что для того, чтобы быть добрым, иногда приходится быть жестоким? – Священник поднял брови и покровительственно улыбнулся с видом человека, который выиграл спор, но чувствует, что торжествовать – ниже его достоинства.

Бобо снова уселся на стул рядом с Чистым Голосом и промурлыкал ласково:

– Ты – дикий мустанг, мой мальчик. Я – твой дрессировщик. Я уверен, что через несколько лет ты будешь благодарить меня за то, что я сделал для тебя. – Священник помолчал, голос его стал еще мягче. – Но я бы предпочел, чтобы ты благодарил за это Иисуса, потому что я делаю его работу.

Он погладил волосы Чистого Голоса, коснулся его щеки, положил ладонь на затылок, скользнул пальцами за воротник рубашки и потер кожу у него под лопаткой.

Чистый Голос почувствовал себя неловко из-за этих интимных прикосновений.

– Я хочу уехать домой, – сказал он просто, без всякой злобы глядя священнику в глаза.

– Ты не можешь этого сделать, – отрывисто сказал Бобо. Он отдернул руку, встал и вернулся в кресло за столом. – Когда я говорил с твоим отцом в прошлом году, обучение в школе было делом добровольным. Но сейчас оно стало обязательным. И если ты намерен дать тягу из школы, подумай хорошенько еще раз. Конные полицейские обязательно тебя найдут. И когда они приведут тебя назад, ты получишь знатную порку. А если ты спрячешься у родственников или друзей и заставишь полицейских терять время на поиски, то ответственность за это ляжет на твоих родителей. Они лишатся платы по договору и разрешения на выезд из резервации. Ты хочешь, чтобы они были опозорены и голодали из-за того, что тебе не хватает дисциплины? Нет, молодой человек, твое место – здесь, и чем скорее ты возьмешься за ум и смиришься с этим, тем лучше.

С этими словами Бобо отослал его в спальню.

После словесного поединка с директором школы Чистый Голос почувствовал себя гораздо увереннее. Он смекнул, что священник и монахини не так всемогущи, как хотели казаться. У них были лишь ограниченные полномочия, которые они получили от более высокой, священной власти. Бобо начал с того, что хотел отослать Чистого Голоса домой, а закончил тем, что велел ему остаться. Было ясно, что Бобо и монахиням нужны воспитанники. Они приехали сюда из Франции, потому что не имели своих детей и были одиноки.

* * *

Через пятнадцать месяцев после поступления в школу, летом Чистого Голоса и Пловца отпустили на четыре недели домой. Домашние встретили братьев спокойно, как будто те и не уезжали никуда. Через несколько дней Ловкий Охотник собрал старейшин возле своего типи, чтобы внуки показали им свое умение считать, читать и писать. Заслужить щедрые похвалы старейшин было не сложно, но в душе Чистый Голос понимал, что его познания в английском языке находятся в зачаточном состоянии, да и общий уровень знаний ненамного повысился с того дня, когда он впервые переступил порог школы. И, конечно же, этих знаний было недостаточно для того, чтобы помочь деду прочитать Договор, а отцу – понять индейские законы белого человека. Но одобрение, которые все высказали по поводу их скромных достижений, напомнило братьям о той главной цели, ради которой их послали в школу.

На второй год Пловец перестал говорить в школе на языке кри, но с английским дела у него обстояли неважно. Поэтому он почти всегда молчал и вкладывал все силы в хозяйственные работы да еще в различные игры, в которые учеников заставляли играть, чтобы они учились соблюдать правила и воспитывали в себе дисциплину.

Последние два года своего трехгодичного обучения Чистый Голос сознательно старался следовать школьным порядкам. Он решил, что вынужденное смирение – это та цена, которую он должен заплатить за знания белого человека.

Последние девять месяцев его пребывания в школе были самыми продуктивными с точки зрения освоения знаний. Крепкий физически, прямодушный и целеустремленный, – Чистый Голос умел постоять за себя, поэтому ни воспитатели, ни товарищи не беспокоили его слишком сильно.

Очень помогла ему одна молодая монахиня – вчерашняя послушница, прибывшая из Квебека. Она умела ясно объяснять, была терпелива и не жалела сил, чтобы найти ответы на все его вопросы. Она хвалила Чистого Голоса за его замечательную память и природную

сообразительность и говорила, что он научится хорошо говорить по-английски, если продолжит занятия после окончания школы.

К концу третьего года Чистый Голос мог уверенно выполнять основные арифметические действия, а его достижения в чтении позволяли ему понять смысл большинства текстов, написанных на простом и ясном английском языке. Хотя его словарный запас был весьма ограничен, он хорошо умел пользоваться словарем. Но это было все, что могла дать ему школа, поскольку официальный срок обучения подходил к концу. Несмотря на щедрые посулы, индейский агент отказался оплачивать его образование после того, как ему исполнилось пятнадцать лет.

* * *

Окончив школу, Чистый Голос снова отрастил длинные волосы и заплет их в две косы с пробором посередине. Чтобы косы выглядели толще и длиннее, он вплетал в них пряди черного конского волоса и украшал костяными трубками, нитями разноцветных бус и перьями.

Чистому Голосу не терпелось поскорее вернуть себе «индейскую» внешность – так он надеялся скрыть царившее в душе замешательство. Спустя несколько дней после возвращения из школы он ехал верхом вдоль ручья и наткнулся на кучку индейских детей с барабанами. Дети плясали и распевали песни кри. Когда они стали звать Чистого Голоса в свой круг, он неожиданно засмутился. Чопорно выпрямившись в седле, с суровой миной на лице он изда- лека наблюдал за веселой компанией, а когда тронулся в путь, какой-то мальчуган крикнул ему вслед: «Картошка!» Его приятели засмеялись и принялись наперебой дразнить Чистого Голоса, выкрикивая ему вдогонку: «Яблоко! Яблоко!»

Дома Чистый Голос спросил у отца, почему дети его так называли.

– Не обращай внимания, они были еще малышами, когда ты уехал в школу, – они ничего не знают о тебе.

– Но почему «картошка» и «яблоко»?

Видя, что сын не отступится, Тот-Кто-Стоит-Прямо объяснил:

– Когда так говорят о человеке, то хотят сказать, что он коричневый или красный снару- жи, но белый внутри. Но это к тебе не относится.

Однако Чистый Голос принял эти слова близко к сердцу. Насмешки задевали его, потому что он и сам понимал, что в них было много правды. В школе его жизнь была подчинена пра- вилам, за соблюдением которых следила целая армия педагогов – священники, монахи, учи- теля, воспитатели. Дни были расписаны по часам, и каждый час отмечался ударами колокола. И вот он вернулся в резервацию, где никто ничего не требовал и не стоял у него над душой, где заботы людей ограничивались насущными потребностями семьи и общины, и где отсчет времени велся по солнцу, луне, смене времен года да по семейным и общественным событиям.

Кроме того, Чистый Голос в известной мере утратил чувство родного языка. И дело было не только в том, что он иногда путал или коверкал слова кри. Речь шла о его новой привычке: он все время пытался представить себе слова и звуки языка кри в английском написании, тогда как сплошь и рядом сделать это было невозможно. До поступления в школу Чистый Голос слы- шал и понимал каждую фразу целиком, во всем многообразии ее значений. Теперь ему нужно было мысленно разложить фразу на слова и понять буквальное значение каждого слова. При этом поэтические сравнения и изящные фигуры речи кри, которые прежде обладали для него ясностью, глубиной и бесконечным богатством смысловых оттенков, теперь как бы выщвели и утратили свое очарование. Несколько раз он непроизвольно пытался поправить речь роди- телей и деда.

Монахи говорили по этому поводу, что детям, окончившим школу, бросалась в глаза разница между цивилизованными христианами, какими они стали в школе, и неряшливыми, ленивыми и невежественными индейскими детьми, которые в школу не ходили. Чистый Голос

никогда не верил этим рассуждениям, однако по возвращении в резервацию его поразили вольные нравы и независимое поведение сверстников. Когда однажды ребяшня увязалась за ним, дразня «чокнутым школьником», он, не сдержавшись, выпалил им в ответ: «Дикари!»

Это отнюдь не означало, что Чистый Голос чувствовал себя в своей тарелке в обществе белого человека. Однажды отец взял его с собой в Батлфорд, чтобы показать хозяину магазина, что его сын тоже разбирается в счетах. Продавцы встретили «сопливого грамотея» в штыки и старательно подчеркивали все его ошибки. После магазина отец с сыном отправились в контору индейского агента, чтобы пожаловаться на белых владельцев ранчо, которые незаконно выпасали лошадей на землях, принадлежавших Бизоньему Ручью. Тот-Кто-Стоит-Прямо представил Чистого Голоса, как своего переводчика. Чиновники всем своим видом выказывали нетерпение: их раздражало «корявое» произношение и «убогий» словарный запас юнца; они предпочитали пользоваться услугами собственного переводчика. Удрученный неудачами Чистый Голос вышел из конторы и, забравшись в фургон, стал ждать отца.

Тут он попался на глаза четверем девушкам-подросткам, прогуливавшимся поблизости. После того как девушки вволю похихикали и пошептались между собой, самая смелая из них – с соломенными волосами, дочь шведского фермера – подошла к Чистому Голосу и сказала, что ее подружки считают его симпатичным парнем, несмотря на то, что он индеец; но он должен срочно что-то сделать со своей несуразной одеждой. Мало-помалу к ней присоединились подружки, и они все вместе стали выпытывать у Чистого Голоса, является ли он воином, есть ли у него томагавк и снимал ли он скальпы с белых людей.

Длинные волосы несколько снижали остроту ситуации, позволяя Чистому Голосу выиграть время и разобраться в собственных чувствах. Они служили маскировкой, под прикрытием которой он в одиночку пытался решить такой сложный и запутанный вопрос, как самоопределение, который встал перед ним после школы.

Чистому Голосу стукнуло шестнадцать, когда он, наконец, решился поведать свои печали отцу. Это случилось в конце дня на лугу, где они с отцом косили сено. В предыдущие годы Тот-Кто-Стоит-Прямо бесплатно раздавал излишки сена старейшинам и тем семьям, которые по какой-либо причине не смогли собрать достаточный урожай. На этот раз он надеялся, что у него будет кое-что в остатке даже после того, как он позаботится о других. Впервые он надеялся продать часть урожая на рынке, если, конечно, получит разрешение индейского агента.

В тот день Тот-Кто-Стоит-Прямо сказал, что столь богатым урожаем он обязан помощи Чистого Голоса, который после возвращения из школы участвовал во всех полевых работах. В знак благодарности он хотел бы потратить часть вырученных денег на то, чтобы купить ему книгу. Ни у кого в семье никогда не было книги.

Чистый Голос знал, что его вклад в урожай был не бог весть каким. Щедрая похвала отца глубоко тронула его и вызвала на откровенность. Он сказал, что много думал о своем сходстве с картошкой и яблоком и решил, что такое сравнение не совсем удачно. Он вовсе не был белым изнутри. Скорее все выглядело так, словно после школы он оказался подвешенным на веревке посреди комнаты и при всем старании не мог дотянуться ни до индейской стены, ни до стены белого человека. Если он пытался качнуться к одной из стен, то полученный импульс неизменно отбрасывал его в противоположную сторону. Беспомощно болтаясь между белым человеком и кри, он, как ни печально, не чувствовал себя ни тем, ни другим.

– Как ты думаешь, папа, я все еще – кри? – спросил он с надеждой.

Тот-Кто-Стоит-Прямо уложил сено на телегу и перевязал его веревкой. Потом он достал из-под сиденья небольшой сверток и, кивком пригласив сына следовать за собой, неторопливо зашагал к лощине, расположенной ярдах в ста от дороги. Там в тени деревьев между камнями журчал маленький родник. Тот-Кто-Стоит-Прямо сел, прислонившись спиной к большому валуну, лицом к роднику, развернул сверток и неспешно выложил из него трубку, пучок сладкой травы и кремень. Он попросил Чистого Голоса зажечь сладкую траву, а сам зачерпнул

рукой воды из родника, хлебнул немного и умыл лицо. Наконец, устроившись поудобнее, он ответил на вопрос сына.

– Был ли Тот-Кто-Строит-Загоны кри? Он родился среди народа стоуни и был воспитан народом кри. Он следовал старым путям – охотился на бизонов, кочевал по прериям. Затем на него обрушилась новая жизнь. Прошло три года – ровно столько, сколько ты был в школе. Что же он сделал за это время? Он покинул свое типи. Он построил хижину. Он помогал строить хижины другим семьям. Он выращивал зерно. Если случался неурожай, он пробовал снова и снова. Потом он послал единственного сына к черным сутанам, чтобы они научили его знаниям белого человека, так же как я послал тебя. Некоторые из наших людей говорили, что он предал старые пути. Белый человек тоже смеялся над ним, говоря, что индеец никогда не научится как следует работать на ферме.

– Как я! Совсем, как я! – воскликнул Чистый Голос. – Некоторые старейшины и дети смеются надо мной за то, что я иду путями белого человека, а белый человек смеется надо мной, потому что я – дремучий, ни на что не годный индеец. – Чистый Голос взглянул на отца, но тут же потупил глаза, чтобы скрыть затаившуюся в них боль.

В ответ на эту вспышку отец снова заговорил о легендарном вожде.

– Тот-Кто-Строит-Загоны часто рассказывал историю о человеке, который присел отдохнуть на обочине дороги. Этот человек предавался воспоминаниям о тех прекрасных местах, где он побывал, и о тех великих делах, которые он совершил. Он сидел так долго, что тропинка заросла травой, и когда он встал, чтобы продолжить путь, то не мог найти дорогу и заблудился. Тот-Кто-Строит-Загоны говорил, что мы не должны подражать белому человеку, но мы не должны и сидеть на обочине рядом с тропинкой, лелея наши воспоминания и нашу скорбь до тех пор, пока окончательно не потеряем свой путь.

– Но если он не хотел, чтобы мы подражали белому человеку, он должен был отказаться подписывать договор, как это сделал Большой Медведь! – с жаром возразил Чистый Голос.

Помедлив немного, Тот-Кто-Стоит-Прямо ответил:

– Белые люди объявили Большого Медведя возмутителем спокойствия и отказывались говорить с ним. Они хотели уничтожить индейский народ, который он пытался сохранить. Прошли годы, и большинство сторонников Большого Медведя покинули его, потому что они устали от бесплодной борьбы и страдали от голода. С ним остались только сто человек, и они голодали. Но белый человек отказывался выдавать им продовольствие до тех пор, пока их вождь не подпишет договор. Большой Медведь больше не хотел, чтобы его люди умирали от голода, поэтому он подписал договор – через шесть лет после Того-Кто-Строит-Загоны.

Чистый Голос все еще был настроен воинственно.

– Может быть, нам надо было воевать с белым человеком, как Странствующий Дух? По крайней мере, мы бы тогда умерли, как воины. Все, что дал нам договор, – это школы, которые превратили нас в жалкое подобие белого человека. Мы напуганы так, что слово боимся сказать!

Отец пристально посмотрел на него.

– Мы заключили договор, потому что мы – первые люди, и мы хотим оставаться первыми людьми всегда. Мы получили наше право жить на этой земле не от белого человека. Мы получили его от Творца. Продовольствие, которое давал нам белый человек, школы и пять долларов в год были платой за землю, которую мы предоставили ему.

Тот-Кто-Стоит-Прямо прервал речь, раскурил трубку и указал ее черенком на родник.

– Родник берет начало в подземной реке, которая никогда не пересыхает. Но иногда водоросли, ил и камни перекрывают родник. Если мы хотим пить воду из родника, мы должны очистить его от водорослей, ила и камней.

Затем Тот-Кто-Стоит-Прямо связал свои рассуждения с вопросом, который задал Чистый Голос.

– Не имеет значения, живешь ты в типи или в хижине, выращиваешь овощи или охотишься на бизонов, длинные у тебя волосы или короткие, и какую одежду ты носишь, и на каком языке говоришь, и кто хвалит тебя, а кто смеется над тобой. Все это не имеет большого значения. Если ты работаешь, чтобы сохранить в чистоте родник, чтобы позволить воде, дающей жизнь, притекать к нашим людям, значит, ты – кри.

В тишине, последовавшей за этими словами, перед Чистым Голосом открылись новые горизонты. Его озабоченность личной судьбой стала таять, как залежалый снег под весенним солнцем. В душе у него зародилось горячее желание посвятить жизнь благородной цели, которая обозначилась перед ним.

– Я согласен! – Он хотел сказать, что готов работать не покладая рук, чтобы, став старше и мудрее, приносить пользу своему народу; но спросил просто: – С чего мне начать?

Тот-Кто-Стоит-Прямо долго молчал, собираясь с мыслями.

– Договор – это новый родник, которого у нас не было раньше, – сказал он, наконец. – Это новый способ пить воду из реки наших прав. Но законы белого человека – это водоросли, которые душат родник. Твой дед и я хотим убрать водоросли и очистить родник. Но мы не можем читать слова, которыми написаны законы белого человека. А ты можешь. Скажи нам, о чем говорят эти слова и что мы должны сделать, чтобы воды договора текли свободно.

Чистый Голос часто думал о том смирении, которым были проникнуты слова отца, прошившего своего шестнадцатилетнего сына направлять его действия. Это было больше, чем обычный воспитательный прием, когда отец поручает сыну важное дело, чтобы поднять его чувство собственного достоинства. Это было глубокое признание истины, к пониманию которой Чистый Голос сам пришел в старости. Истина эта заключалась в том, что выживание кри как самостоятельного народа зависит от выбора, который сделает молодежь.

* * *

Отец сказал, что начать следует с договора. По словам деда, оригинал договора хранился в Виндзорском замке в Англии, а копия – в Оттаве. Для поездки в Оттаву Чистому Голосу требовалось разрешение индейского агента.

На следующий день, поднявшись до зари, Чистый Голос проскакал более тридцати миль до Батлфорда и прошел в контору индейского агента. Секретарь сказал ему, что в конторе нет предварительной записи на прием. Он должен встать в очередь и ждать вместе с другими индейцами, которые приехали, чтобы встретиться с агентом, в их числе – несколько вождей и членов совета из других резерваций. Он должен быть готов ждать весь день и, возможно, заночевать в Батлфорде, чтобы снова явиться в контору на следующее утро.

Некоторые посетители проделали более долгий путь, чем Чистый Голос, только ради того, чтобы попросить разрешения агента на продажу партии сена или репы. Просители очень нервничали. Никто из них не был уверен, что его просьба будет удовлетворена. Ни один белый человек не купит товар у индейца, если у того нет разрешения на торговлю.

Индейский агент мог отказать в выдаче разрешения любому, кого сочтет «возмутителем спокойствия». В эту категорию попадали те, кто чем-либо досаждал агенту в прошлом, или вызывал недовольство священника, или ссорился с полицией. Агент не давал разрешения, если какой-либо белый человек жаловался, что данная торговая операция нарушает его интересы на рынке, или если, по мнению агента, эта операция не пойдет на пользу самому индейцу, его семье или общине.

Общаясь с посетителями на языке кри, Чистый Голос рассказал, что его отец собирается в ближайшее время просить разрешения на первую продажу сена. В ответ новые знакомые шепотом советовали юноше не раздражать агента вопросами о договоре и индейских законах, поскольку этим он даст ему повод отказать отцу в разрешении на продажу.

Ожидание Чистого Голоса длилось меньше, чем предполагал секретарь. С улицы в помещение вошел высокий худощавый белый человек с очень бледным лицом и копной кудрявых рыжих волос. Индейский агент вышел из кабинета и радостно приветствовал гостя. Пока они обменивались любезностями, индейский агент заметил Чистого Голоса. Громко, чтобы Чистый Голос мог слышать его слова, агент сказал рыжеволосому посетителю, что этот индейский парень – типичный пример выпускника школы. Выпускников видно сразу: они более ухоженные, более общительные и вежливые, чем остальные индейцы. Большинство из них рано или поздно приходят к агенту в кабинет, потому что все они ищут способ выбраться из резервации и знают, что он им в этом поможет. Затем индейский агент обратился к Чистому Голосу, спросив его, что он делает в конторе.

– Я хочу прочитывать договор и индейские законы. Мне нужно разрешение на поездку в Оттаву.

Никто из присутствующих индейцев не знал английского языка, и только секретарь и два чиновника сдержанно усмехнулись наивности этой просьбы.

– Ты хорошо говоришь по-английски, – сказал индейский агент покровительственным тоном, – и ты производишь впечатление сильного и здорового парня. Пожалуй, я смогу найти для тебя работу здесь в городе. Приезжай в понедельник на следующей неделе. Психиатрическая больница как раз ищет санитаров. У тебя будет неплохой заработок, а госпиталь предоставит тебе жилье и питание. Ты уже вполне взрослый, чтобы жить отдельно от родителей. Из тебя может выйти толк. Вот только беда с твоими волосами! Остриги их, пожалуйста, к понедельнику и вытащи все перья и бусы.

– Я работаю с моим отцом в Бизоньем Ручье, и я хочу жить там вместе с моей семьей. Мне нужно разрешение на поездку. Я хочу прочитывать договор и законы.

Индейский агент понял, что юноша попался настырный.

– Об этом не может быть и речи. Если у тебя есть вопросы по договору или Индейскому акту, задай их совету своей общины, а я приеду к вам месяца через три и постараюсь на них ответить. – Сказав так, он повернулся спиной к Чистому Голосу, прошел вместе с гостем в кабинет и закрыл дверь.

* * *

– Ты все еще здесь? – произнес индейский агент недовольно, когда через час вышел из кабинета, чтобы проводить рыжеволосого.

Чистый Голос снова встал.

– Я должен увидеть договор и законы, для того чтобы знать, какие вопросы задавать совету общины.

– Ну вот, еще один возмутитель спокойствия! – пробурчал индейский агент с досадой. Он сделал знак двум клеркам. Те подхватили Чистого Голоса под руки, выпроводили на улицу и велели больше не возвращаться. Пока он стоял, размышляя над тем, что теперь делать, из здания вышел рыжеволосый белый человек и приветливо протянул ему руку.

– Лиам О'Хара! Рад познакомиться! – Он расстегнул портфель, порылся внутри и вытащил какую-то брошюру. – Вот то, что тебе нужно! – Он повернул брошюру лицевой стороной обложки к Чистому Голосу и указал большим пальцем на название: «*Индейский акт 1876*». – У меня есть лишний экземпляр, так что можешь взять его себе. К сожалению, у меня нет с собой копии договора, но если у тебя есть время, мы можем пойти ко мне в контору, и ты его там прочитаешь.

Через пять минут Чистый Голос сидел в кабинете О'Хары с кружкой дымящегося сладкого чая в руке. На столе перед ним лежала книжка в кожаном переплете, открытая на главе,

озаглавленной: «Договор №6». Почему никто не сказал ему, что индейские законы и договор можно найти в Батлфорде?

Чистый Голос читал медленно. Многие слова были ему совершенно незнакомы.

– Не переживай, – успокаивал его О'Хара, – тут, и вправду, написано очень заковыристо. Эти слова изобрели юристы для того, чтобы их читали другие юристы. Без знания латыни тут не обойтись.

Чистый Голос был очень огорчен тем, что после трех лет обучения английскому языку в школе-интернате он не может прочесть договор. Но О'Хара и тут нашел выход из положения. Он достал блокнот с разлинованной бумагой и авторучку.

– Перепиши себе договор. Это самый лучший способ в него вникнуть.

Чистый Голос пробежал глазами текст договора. Он был не так уж велик. В школе ученики запоминали гораздо более длинные отрывки, готовясь к приезду инспектора, который проверял их умение читать.

Чистый Голос никогда не встречал человека с такими зелеными глазами, такими рыжими волосами, ресницами и усами и таким количеством веснушек на лице и руках, как у О'Хары. При этом кожа его была такой белой и прозрачной, что сквозь нее видна была каждая венка. О'Хара рассказал, что он приехал из страны под названием Ирландия, территория которой была в два, если не в три раза меньше территории равнин, охватываемой Договором №6. Чистый Голос поинтересовался, не считала ли королева Виктория ирландцев своими «рыжими детьми», так же как она считала индейцев своими «красными детьми».

– Возможно, королева Виктория думала, что мы, ирландцы, черные, так же как американцы думают, что мы зеленые. Но на деле мы – самые бледные и самые веснушчатые из всех белых людей на свете. Конечно, кроме тех случаев, когда наша кожа становится розовой, а наши носы – фиолетовыми под солнцем Саскачевана.

Нескладный ответ О'Хары застал Чистого Голоса врасплох; он невольно улыбнулся. Он думал, что белый человек всегда ожидает, чтобы к его словам относились серьезно. О'Хара улыбнулся в ответ, и оба они рассмеялись. Не успев опомниться, Чистый Голос уже хохотал до слез, сбрасывая, словно гору с плеч, все напряжение минувшего дня. С этой минуты они с О'Харой всегда чувствовали себя очень легко, общаясь друг с другом.

О'Хара рассказал, что у его юридической конторы в Голуэй Сити много клиентов, которые эмигрировали в Канаду и Америку. Сам он приехал в Канаду на один год, чтобы уладить дела нескольких клиентов и установить рабочие отношения с канадскими коллегами. Здесь у него появилась возможность узнать кое-что о коренных народах прерий.

О'Хара сказал, что он и сам в каком-то смысле принадлежит к коренному народу, потому что его предки жили в Ирландии тысячи лет. Британия силой захватила их землю, а затем сдавала ее им в аренду в виде крошечных семейных наделов, требуя, чтобы ирландцы выращивали картошку, точно так же как в индейских резервациях. Так же как и у кри, говорил О'Хара, урожай у них гнил в земле от болезней. Люди страдали от недоедания, а многие умирали от голода и туберкулеза, точно так же как индейцы. Если они не могли платить за аренду своего дома и участка земли, британские землевладельцы выселяли их. Британцы старались подавить ирландскую культуру, так же как они подавляли культуру кри, запрещая говорить на ирландском языке в школах и общественных местах.

– Я получил немало подзатыльников за то, что в пылу какой-нибудь игры начинал кричать на ирландском языке, – смеясь, сказал О'Хара.

Так же как и кри, ирландцы выражали протест. В ответ британцы бросали их в тюрьмы, вешали или ставили к стенке. В конце концов ирландцы решили вернуть себе права, чтобы самим распоряжаться своими исконными землями.

– Мы пытались сделать это с помощью закона, но в судах властвовали английские судьи, выходцы из тех самых семей, которые забрали наши земли. Они насмеялись над нашими

ирландскими манерами и речью. Тогда мы обратились к политике. Мы вели переговоры, заключали соглашения и договоры. Но британцы нарушали их. В эту самую минуту, пока мы с тобой разговариваем, в Ирландии бушует восстание. Сегодня утром я слышал по радио, что британская армия стреляет из пушек по повстанцам, которые забаррикадировались в здании Главного почтамта в Дублине. А среди них – несколько моих друзей.

Затем, к удивлению Чистого Голоса, О'Хара заговорил на языке кри. Он признался, что выучил пока всего несколько фраз, но надеется выучить больше за оставшиеся несколько месяцев в прериях. Если бы Чистый Голос согласился дать ему несколько уроков своего родного языка, то он, О'Хара, мог бы отплатить ему, объясняя сложные юридические термины, используемые в договоре, а также смысл законов, содержащихся в *Индейском акте*.

Контора О'Хары располагалась в гостиной дома, который он арендовал в переулке, примыкающем к главной улице Батлфорда. После разговора к ним присоединилась жена О'Хары. Она с интересом расспрашивала Чистого Голоса о его семье, матери, сестрах и ребенке, родившемся, пока Чистый Голос учился в школе. Напоследок она собрала для его домочадцев гостинцы: содовый хлеб, который она только что испекла по ирландскому рецепту, и ирландский платок, расшитый трилистниками. Лиам О'Хара подарил Чистому Голосу авторучку, оловянную кружку с выгравированной на ней лирой – для отца – и черную трость из корня боярышника – для деда.

– Скажи деду, что это – трость для ходьбы, а не ирландская боевая дубина, – произнес он улыбкой, – хотя она и сделана из дерева, выросшего в лесах Шиллейлы²⁶.

* * *

Рассказывая отцу об этом разговоре, Чистый Голос утверждал, что О'Хара говорил с ним очень вежливо, то и дело останавливался, давая высказаться собеседнику, и выказывал ему больше уважения, чем любой другой белый человек во всю его жизнь. При этом все идеи О'Хары были настолько увлекательными и воодушевляющими, что он готов был слушать его без конца.

Тот-Кто-Стоит-Прямо попросил Чистого Голоса повторить свой рассказ на собрании старейшин. Выслушав его, старейшины попросили передать О'Харе приглашение в резервацию Бизоний Ручей. Они хотели, чтобы он объяснил им слова договора и подсказал, как изменить законы белого человека.

О'Хара ответил, что будет рад видеть старейшин в своем доме в Батлфорде, но индейский агент не даст ему разрешение на встречу с ними в резервации Бизоний Ручей. Если же он поедет к ним без разрешения, то полиция может арестовать его. И даже если им удастся провести эту встречу, то, скорее всего, индейский агент узнает, какие вопросы на ней обсуждались, от индейцев общины, которые являются осведомителями священника или самого агента. В этом случае О'Хару могут обвинить в уголовном преступлении и, если он будет осужден, запретить ему юридическую практику в Канаде.

О'Хара объяснил, что существует закон, запрещающий индейцам собираться и выдвигать претензии. Другой закон запрещает вкладывать денежные средства в любую организацию, которая помогает индейцам подавать жалобы в суд белого человека. И, наконец, для того чтобы помешать индейцам отправлять жалобы почтой, закон запрещает им покупать почтовые марки.

– А может быть, они просто боятся, что вы забаррикадуетесь в здании почты, как мои друзья в Дублине, – сказал О'Хара с улыбкой.

О'Хара уже беседовал с несколькими канадскими юристами в Батлфорде, Саскатуне и Реджайне, чтобы выяснить, заинтересованы ли они в том, чтобы индейцы обращались к ним

²⁶ Игра слов: Shillelagh (ирл.) – дубинка, Шиллейла – лесистая область в Ирландии.

за подобными услугами. Насколько он понял, юристы не горели желанием представлять индейцев по таким вопросам, как договорные права или изменения в *Индийском акте*. Они чувствовали, что это может отпугнуть их основных клиентов – федеральное и провинциальное правительства, индейского агента и фермеров.

* * *

После шести недель дружеского общения с ирландцем Чистый Голос спросил, почему теперь, когда О'Хара объяснил ему все условия договора, индейцам по-прежнему необходимо нанимать юриста. Почему они не могут напрямую говорить с людьми, которые издают законы?

О'Хара сказал, что индейские законы были приняты парламентом в Оттаве и подписаны в Виндзорском замке в Англии королевой Викторией, ее сыном, королем Эдуардом VII, или ее внуком, королем Георгом, а может быть, ее личным представителем в Оттаве, генерал-губернатором Канады. Но члены парламента не обязаны отчитываться перед индейцами, потому что, согласно одному из законов, индейцы не могут принимать участие во всеобщих выборах в Канаде. Индейцы также не имеют права голоса на выборах в законодательные органы провинции Саскачеван. На деле законодательное собрание представляет интересы поселенцев Саскачевана, а те, как правило, довольно враждебно относятся к индейцам и не прочь еще больше ограничить их права, а заодно и присвоить их земли и природные ресурсы.

Еще О'Хара спросил, думал ли Чистый Голос о том, какие именно законы кри хотели бы изменить. Дело в том, что *Индийский акт* представлял собой не один закон, а целую «связку законов». Вначале в нем давалось определение, кого можно считать «статусным индейцем». Далее были даны подробные указания на все случаи в жизни индейца, начиная с его регистрации и присвоения номера при рождении и заканчивая местом, где он должен быть похоронен, а также лицами, которым будет принадлежать его имущество после смерти. Акт устанавливал порядок управления индейской общиной, определял, кто может быть избран вождем или членом совета и как должны проводиться выборы. О'Хара утверждал, что с учетом положений, которые предписывали индейцам получать разрешение на торговлю и на любое путешествие за пределы резервации, *Индийский акт* являлся, пожалуй, самым полным сводом законов, управляющих жизнью коренного населения, – во всей Британской империи, если не во всем мире.

Чистому Голосу понравилось, что О'Хара употребил выражение «связка законов». Это напомнило ему слова, которые любил повторять Тот-Кто-Стоит-Прямо.

– Мой отец говорил: для того чтобы сломать связку прутьев, лучше всего ломать их по одному, – сообщил юноша.

– Ну, тогда скажи мне, – подхватил О'Хара, – какой из прутьев ты хочешь сломать первым?

Чистый Голос недолго раздумывал над ответом. Первым должен быть изменен закон, который заставляет индейцев отдавать детей в школу-интернат. Школы должны находиться в индейских общинах. В них дети должны изучать язык и культуру кри и параллельно получать знания белого человека.

– А вторым? – спросил О'Хара.

Чистый Голос не был уверен. Старейшин больше всего огорчало, что индейцы, как ни старались, не могли выкарабкаться из бедности, хотя у них была своя земля, тогда как новые иммигранты, приезжавшие из Европы с пустыми руками, очень быстро богатели.

– Если земля богатая, почему люди бедные, – вот в чем вопрос, не так ли? – усмехнулся О'Хара.

Он рассказал Чистому Голосу, что в 1876 году, когда был подписан договор, в Саскачеване проживали всего-навсего сотня-другая белых людей. К 1916 году число поселенцев уве-

личилось настолько, что к 1920 году должно было достигнуть миллиона. Индейцы, которые всего тридцать пять лет тому назад представляли абсолютное большинство населения, сегодня превратились в национальное меньшинство на своей собственной родине.

О'Хара согласился, что, в общем и целом, поселенцы богатеют очень быстро. Саскачеванские фермеры используют железную дорогу, чтобы переправлять пшеницу в канадские порты на тихоокеанском и атлантическом побережье и экспортировать ее во все концы света. Они освоили очень эффективные методы ведения фермерского хозяйства. Поскольку торговать сельскохозяйственными продуктами было очень выгодно, стоимость земель росла как на дрожжах по мере того, как новые иммигранты вливались в канадские провинции. Чтобы поощрять освоение новых территорий, правительство давало иммигрантам землю бесплатно или назначало ничтожную плату. Это был очень ценный подарок. Поселенцы могли работать на земле или сдавать ее в аренду и получать доход. Они могли продать землю или использовать ее стоимость в качестве залога для того, чтобы занять деньги и вложить их в какой-либо бизнес; или для того, чтобы купить больше земли. В результате проживающие в Саскачеване иммигранты быстро становились самыми богатыми в мире в расчете на душу населения.

Но для индейцев дела обстояли иначе. По словам О'Хары, излюбленная теория правительства в отношении коренного населения гласила, что индейцы должны пройти путь от варварства до цивилизованного общества постепенно. Не следовало позволять им совершать резкие скачки, минуя промежуточные стадии эволюции. В частности, индейцы должны были начать с натурального или мелкого крестьянского хозяйства, используя самые примитивные орудия труда, при необходимости изготавливая их своими руками. Не рекомендовалось открывать им доступ к современным сельскохозяйственным технологиям, которые применяли белые фермеры.

Не приветствовалось и применение индейцами эффективной организации труда, например, кооперативных обществ или торговых советов, как это делал белый человек. Законы запрещали индейцам открывать собственные компании и занимать пост директора компании. Существовали законы, которые не позволяли квалифицировать индейца как заемщика, тем самым лишая его возможности получать индивидуальные кредиты. На случай, если этого было недостаточно, существовал еще один закон, который запрещал банкам и другим коммерческим кредиторам давать индейцам займы.

Принципиальная разница между индейцем и иммигрантом состояла в том, что индеец, живущий в резервации, не являлся владельцем земли, на которой стоял его дом; и никто, кроме статусных индейцев не мог проживать на этой земле и в этом доме. Поэтому индеец не мог воспользоваться преимуществами, которые давали рост цен на собственность и повышение арендной платы, – а это был главный способ обогащения иммигрантов. Индеец не мог заранее продавать будущий урожай зерновых или будущий приплод домашнего скота. Поэтому он не мог управлять денежным потоком, как это делал белый человек.

Закон, требующий получать разрешение индейского агента на продажу любой партии урожая, досаждал индейцам более всех остальных законов. О'Хара обратил внимание, что закон этот относится также к разработке и продаже любых природных ресурсов на индейских землях – будь то рыба, дичь, меха, лесоматериалы, камни, вода, минералы, полезные ископаемые, нефть или газ. Индейцы могли сколько угодно думать, что имеют такое же право собственности на землю, отведенную им по договору, какое поселенцы имеют на свою землю, – но у белого человека была на этот счет другая точка зрения.

Юристы, представлявшие Британскую корону, заявляли, что Британия владеет землей и всеми природными ресурсами индейских резерваций. Они утверждали, что договор дает индейцам лишь ограниченное право на использование земли, да и то для тех целей, которые Корона определяет по своему усмотрению. По мнению юристов, Корона являлась землевладельцем, сдающим землю в аренду, а индейцы – просто тунеядцами, живущими на чужой счет.

Выражаясь простыми словами, предложение правительства Канады индейцам звучало так: «Если вы хотите процветать и благоденствовать, как иммигранты из Европы, то откажитесь от индейского статуса и от всех прав, которые вы, как коренные жители, получили по договору, и станьте гражданами Канады. Если же вы хотите жить на индейских землях, как независимый индейский народ, то вам придется вечно пребывать в нужде». Это было похоже на то предложение, которое получил Большой Медведь: «Подпиши договор или голодай».

* * *

– Что значит «подданные»? – Чистый Голос имел в виду фразу королевы в договоре: *«мои индейские подданные»*.

– Британская империя является монархией. В странах, управляемых королями и королевами, нет граждан – есть подданные монарха, – объяснил О'Хара.

– Британцы говорят так, как будто они нас завоевали, – рассуждал вслух Чистый Голос, – но они никогда не побеждали нас. Мы выиграли большинство сражений.

– Хотел бы я, чтобы мы, ирландцы, могли сказать то же самое! Но это – чистая правда, – отвечал О'Хара, – вы никогда не были завоеваны, и британцы никогда не утверждали, что вы были побеждены.

– И мы никогда не продавали нашу землю, – продолжал рассуждать Чистый Голос.

– Насколько я знаю, они не утверждают, что вы ее продали. Во всяком случае, никто и никогда не заключал соглашения о купле-продаже. – О'Хара внимательно смотрел на Чистого Голоса.

– Королева сама пришла к нам.

– Верно!

– Разве короли и королевы спрашивают у своих подданных разрешения?

– Нет, насколько мне известно.

– Но она попросила у нас разрешения пользоваться нашей землей.

– В таком случае вы не можете быть ее подданными.

О'Хара говорил мягко, стараясь не нарушать ход мысли своего индейского друга. Тем временем Чистому Голосу пришла в голову новая идея.

– Разве землевладелец платит арендную плату?

– Ни в коем случае. Наоборот, он собирает арендную плату с арендаторов.

– Но ведь Корона платит нам арендную плату – пять долларов в год каждому.

– Тогда вы не можете быть арендаторами земель Короны, это ясно как день! – воскликнул О'Хара. – Скорее вы сами являетесь арендодателями. А если так, то, возможно, вы имеете право каждый год повышать арендную плату. Это повышение должно соответствовать росту прожиточного минимума и стоимости природных ресурсов, которые корона использует со времени первого соглашения об аренде земель. В Британии для этого даже существует специальный термин, там это называется «экономической рентой».

– Мы согласились предоставить некоторые наши земли королеве, – продолжал Чистый Голос.

О'Хара кивнул.

– Это ты правильно заметил – некоторые! Наверняка вы предоставили ей не все ваши земли и права, а только те, которые были включены в договор.

– Кем мы были для нее?

– А ты сам как думаешь?

– На нашем языке мы называем себя первыми людьми. – Чистый Голос перевел с языка кри фразу, которую любил повторять Ловкий Охотник: «Мы здесь – первые народы».

– Точно! – воскликнул О'Хара. – Королева суверенного государства – тем более императрица великой империи – не станет заключать договор с первым встречным. Она заключает договор с представителем другого суверенного государства, которым, в данном случае являлись индейские народы.

О'Хара подождал, не захочет ли Чистый Голос что-либо добавить, но поскольку тот молчал, он продолжал:

– На самом деле, в соответствии с британским и международным законом, у королевы не было выбора.

Он рассказал Чистому Голосу о Королевской декларации 1763 года. Это был свод правил, которым должны были следовать европейцы при вступлении в контакт с коренными жителями вновь открытых земель. Декларация была издана королем Георгом III в духе заявлений, которые сделали двумя столетиями ранее Папа римский и король Испании. Она действительно стала основой международного законодательства.

Декларация гласила, что коренные жители имеют приоритетное право не только на свои исконные земли, но также на свой традиционный образ жизни. Если европейцы хотели поселиться на этих землях, или использовать их, или вести какие-либо дела с аборигенами, они должны были заключить с ними официальное соглашение. Королевская декларация 1763 года гласила, что законными будут считаться только те соглашения, которые будут заключены между Коронай и коренными жителями на «открытой встрече».

– Королева Виктория была конституционным монархом, она была связана королевской декларацией 1763 года. Это относится и к канадскому правительству, – добавил О'Хара.

– Белые люди никогда не говорили нам, что если бы мы отказались подписать договор, то они не смогли бы прийти на нашу землю и издавать свои законы.

– Я думаю, ты прав. Они не хотели говорить Большому Медведю, Тому-Кто-Строит-Законы и другим вождям о королевской декларации, чтобы те не узнали о правах, которые дает индейцам международный закон.

– Но это несправедливо!

– Да, несправедливо.

Чистый Голос целую минуту молча смотрел на О'Хару. Оба они обдумывали сказанное.

– Договор – это родник, – сказал, наконец, Чистый Голос, повторяя как эхо слова отца.

– Да. Только суверенное государство имеет право заключать договор с правителем другого суверенного государства. Сам факт, что вы заключили международный договор на торжественной церемонии со своими священными ритуалами, доказывает, что вы имели право на самоопределение. Вы и сейчас имеете его, так же как и все остальные права, закрепленные за вами в договоре. И, как ты понимаешь, это – ваш договор, а не только Короны. Он впервые был составлен на вашем языке – в устной версии.

Чистый Голос приуныл.

– Но договор не записан на языке кри! Во всех книгах и документах, которые вы давали мне читать, я видел только слова юристов на английском языке. Они толкуют договор, как им нравится, словно сами присутствовали при его подписании, и изменяют значения слов так, как им удобно. Но я ни разу не встретил ни одного слова на языке кри и не слышал, чтобы кто-то обсуждал договор в том виде, в котором его заключили мой дед и Тот-Кто-Строит-Законы.

– Да, с этой проблемой тебе еще придется столкнуться, – согласился О'Хара. – В судах белого человека в Канаде большой вес всегда имеют записи, сделанные белым человеком. А если возникает спор о значении какой-либо записи на английском языке, судьи всегда отстаивают версию, удобную для правительства. Эти суды не являются независимыми – отнюдь нет! Они – орудие государства. А государством управляют те, в чьих руках находится собственность. Если какой-нибудь судья и вынесет решение в пользу индейцев, ты можешь быть уверен, что другой судья отклонит его. Ведь большинство судей назначено местными политиками,

а они избираются, прежде всего, владельцами собственности. Парламент всегда ведет политику и издает законы, благоприятные для белого человека.

– Но ведь это нечестно!

– Да, нечестно. И ты имеешь право открыто заявлять об этом. Канадские суды и парламент обязаны соблюдать высшие законы морали и международные законы, которые защищают права коренных жителей.

С минуту Чистый Голос в негодовании смотрел на О'Хару. Затем, словно смирившись, спросил покорно:

– Значит, я должен стать юристом?

О'Хара от души расхохотался.

– Это перспектива – не из приятных!

Чистый Голос оставался серьезным и ожидал настоящего ответа, поэтому О'Хара сказал:

– Юристов у нас хоть пруд пруди. Но сегодня в мире не найдется юриста, который способен сделать то, что вам нужно. А ты уже вполне сведущ, чтобы попытаться. Кто-то должен поддерживать живой устную версию договора, кто-то должен постоянно произносить его на языке кри. Вот что вам нужно больше всего! Устная версия договора будет иметь силу до тех пор, пока на земле живут кри, – пока существуют общины, у которых осталась политическая воля отстаивать свои исконные права. Это может означать, что какое-то время вас будут травить политики, какое-то время вам придется жить в бедности, – возможно, долгое время, возможно, всю оставшуюся жизнь. Но именно физическое присутствие твоих предков на земле, а отнюдь не остаток на их банковском счете и не их знание английского языка заставило иноземную королеву просить их о заключении договора!

* * *

До встречи с Чистым Голосом О'Хара уже прожил в Канаде полгода – половину намеченного срока. Незаметно пришел день, когда он должен был возвращаться в Ирландию. Чистый Голос пришел на железнодорожную станцию в Батлфорд, чтобы проводить своего друга в Монреаль. Ловкий Охотник и старейшины, которые все последние месяцы обсуждали советы О'Хары, преподнесли ему в подарок резную трубку, отец Чистого Голоса подарил веер из орлиных перьев, а мать прислала большую банку варенья из саскатунских ягод и пару расшитых бисером мокасин для его жены. Сам Чистый Голос подарил О'Харе копию договора, которую он сделал в его кабинете в первый день знакомства. Он завернул листы бумаги в обложку из шкуры белого лося с изображениями зверей и птиц, которые перерисовал чернилами с типа Ловкого Охотника.

– Но ведь он тебе еще понадобится, – протестовал О'Хара, беря написанную от руки копию договора.

– Не волнуйтесь, я выучил его назубок. Теперь договор навсегда в моей памяти, – отвечал Чистый Голос.

* * *

Ловкий Охотник становился все более дряхлым и немощным.

– Зачем человеку трость, если он не может ходить! – пробурчал он, когда Чистый Голос принес ему подарок О'Хары.

Однако дед постоянно держал трость при себе, время от времени поглаживая ладонью большой полированный набалдашник из боярышника. Судя по всему, трость ему нравилась.

– Расскажи мне еще раз, что ты узнал о договоре и об индейских законах, – попросил он и внимательно прослушал отчет внука.

Когда тот закончил, Ловкий Охотник объявил, что с тех самых пор, как Чистый Голос и Пловец уехали в школу, он ни разу не выезжал верхом в прерии, чтобы посмотреть на следы бизонов, и сейчас он снова хочет это сделать. Они с Чистым Голосом проехали шагом около двух миль и спешили у невысокого холма. Прислонившись спиной к травянистому уступу, Ловкий Охотник смотрел на простирившиеся до горизонта пастбища. Заметив четырех лошадей, пасущихся в отдалении, он принял их за бизонов, и Чистый Голос не стал его разубеждать.

Они уселись на траву и завели разговор. То, что Чистый Голос изучил договор, сказал Ловкий Охотник, должно утешить души предков.

– Белый человек хочет забыть договор. Он хочет, чтобы память о нем ушла вместе со стариками. Ему не нужно убивать наши тела, если он может забрать души наших детей. Он попытался забрать твою душу, но трех лет оказалось недостаточно. Пловец находится в школе-интернате уже пятый год, и я беспокоюсь о нем. Теперь черная сутана говорит, что будет забирать наших детей в школу на тринадцать лет. Он хочет сделать из них подобие белого человека, чтобы они думали и делали то, что хочет индейский агент. И они будут страдать. Школа подточит их дух, и некоторые из них не захотят возвращаться домой. Они потеряются в городах, будут пить алкоголь и продавать себя за деньги, чтобы купить пищу и одежду. Многие из них попадут в тюрьмы, многие в отчаянии убьют себя своими руками. А тем, кто вернется домой, придется бороться с законами белого человека за то, чтобы быть кри. Если мы – поколение, заключившее договор, – не сможем остановить белого человека, то как наши внуки смогут остановить его, когда он придет, чтобы забрать их детей?

– Белые люди не смогут сделать это! – воскликнул Чистый Голос.

– Они уже делают это! В резервации Тот-Кто-Строит-Загоны индейский агент забрал троих детей. Он сказал, что их мать пьет слишком много пива и не в состоянии заботиться о своих чадах; он также не может позволить ее братьям и сестрам заботиться о них. Но для того и существует род, чтобы заботиться о детях. Люди индейского агента и полицейские пришли, как воры среди ночи, чтобы похитить наших детей. Говорят, они отдали троих мальчиков в три разные семьи белого человека на востоке – в Америке. Их мать никогда больше не увидит своих малышей.

– Они их усыновили или просто взяли на воспитание?

– Они их украли! Белый человек будет любыми путями добиваться, чтобы мы исчезли с лица земли, как бизоны.

Ловкий Охотник напомнил, что Большой Медведь и Тот-Кто-Строит-Загоны предупредили народ кри о том, что белые люди скоро придут в прерии. Их будет больше, чем звезд на Млечном пути, говорили они, и им позарез нужны будут индейские земли и все природные богатства, которые в них сокрыты. Как они были правы! Но как бы много их ни было сейчас, в будущем их будет намного больше. Ловкий Охотник сказал, что поначалу он был против договора, но теперь рад, что в конце концов подписал его. Договор дал кри передышку, чтобы они могли снова набрать силу. И теперь от Чистого Голоса зависит, смогут ли кри поддерживать договор живым.

– Я хочу, чтобы моя медаль договора была у тебя, – сказал Ловкий Охотник неожиданно.

– Твоя медаль договора?

– Да. Человек королевы вручил мне медаль в тот день, когда я поставил свою отметку на договоре.

– Но ведь солдаты украли твою медаль, – удивился Чистый Голос.

– Это так. Но ведь медаль по-прежнему моя. Они не могли съесть ее. Она должна быть где-то – шило в мешке не утаишь. Она будет приносить несчастье тому, кто, как вор, хранит ее у себя. Когданибудь медаль найдется, и я хочу, чтобы она оставалась у тебя. Держи ее при себе, когда будешь говорить о договоре.

– О'Хара говорил, что солдаты продали медали договора, украденные у индейцев. Он говорил, что видел несколько медалей в музее – там, где белый человек хранит свои индейские трофеи. Я поищу ее, когда поеду в Оттаву. Но ведь все медали одинаковые. Как я узнаю, которая из них твоя?

– Я поставил на ней свои отметки. – Ловкий Охотник взял трость О'Хары и начертил на земле знак: две параллельные вертикальные линии, пересеченные в верхней части двумя короткими горизонтальными линиями, скошенными слева направо, как лорранский крест. Чистый Голос узнал фигуру, нарисованную на типи деда, справа от входа.

– Такой же знак нарисован на твоем типе!

– Да. Я начертил его охотничьим ножом на медали договора – на первом типе, которое стоит за вождем с девятью перьями. Я хотел, чтобы те, кто придет после меня, знали, что типи Ловкого Охотника стояло на Совете договора.

Вернувшись домой, Чистый Голос проводил деда в его типи, стоявшее в восьмидесяти ярдах от семейной хижины. Он развел огонь внутри и подал деду одеяло Компании Гудзонова залива. Когда дед устроился на своем месте, Чистый Голос принес ему миску бобового супа из горшка в хижине. Когда опустилась темнота, они засветили керосиновую лампу и раскурили трубку.

Ловкий Охотник попросил Чистого Голоса принести из хижины коробку из-под печенья с портретом королевы Виктории, в которой хранились фотографии Того-Кто-Строит-Загоны, Большого Медведя и других предков. Дед и внук рассматривали карточки, передавая их друг другу. На стенах типи плясали тени, и в колеблющемся свете керосиновой лампы Чистому Голосу казалось, что фотографии оживают, и духи предков сидят рядом с ними у костра.

Ловкий Охотник сказал, что когда его душе придет время покинуть тело, чтобы отправиться в Землю Зеленых Пастбищ за Пределами Млечного Пути, он встретится там с Тем-Кто-Строит-Загоны, Большим Медведем и другими предками и скажет им, что слова, произнесенные на Совете договора, будут жить, пока жив Чистый Голос.

Он открыл свою шаманскую сумку, достал из нее имбирный корень и дал внуку.

– Отломи кусочек имбиря и положи его под язык. Делай это каждый раз, когда будешь говорить о договоре.

Имбирный корень будет жечь язык, объяснил Ловкий Охотник, и напоминать Чистому Голосу о том, как он получил свое имя, и о том, что предки слушают его и просят высших духов дать ему смелость и мудрость говорить прямо и ясно – чистым голосом.

Ловкий Охотник сказал, что оставляет внуку жестяную коробку со всем ее содержимым, включая фотографии. Он надеется, что коробка поможет ему поддерживать духовную связь с предками.

– Я попросил твоего отца не хоронить со мной мои вещи. Я хочу, чтобы ты хранил их у себя – ради меня.

Ловкий Охотник сказал, что чувствовал бы себя намного спокойнее, покидая этот мир, если бы у Чистого Голоса был свой *навакан*.

– Каждому человеку нужен дух-покровитель. Твой дух-покровитель здесь, он ожидает тебя, – Ловкий Охотник бросил короткий взгляд вверх. – Ты должен приготовить себя, чтобы дух увидел, что ты его ждешь и хочешь, чтобы он пришел.

Он напомнил внуку, что если бы его традиционное воспитание не было прервано тремя годами, проведенными в школе-интернате, то в тринадцать лет он совершил бы обряд Поиска Видения. Но сделать это никогда не поздно. Индеец кри может заниматься Поиском видения всю жизнь.

Пока Ловкий Охотник говорил, Чистому Голосу мерещились голоса священника и монахинь: «*Вступишь в договор с Дьяволом-Маниту – и он приведет тебя по пути проклятия в вечный огонь ада*». Но в эту минуту больше всего на свете он хотел удостоиться чести встретить

своего *навакана* и получить видение. После окончания школы прошло всего девять месяцев, но Чистый Голос уже успел вернуться к верованиям своего деда.

Ловкий Охотник умер той ночью. Чистый Голос помог отцу и другим родственникам похоронить деда на том месте, где стояло его типи. В течение следующего месяца он каждый день приходил в типи и сидел внутри, разговаривая с духом деда.

* * *

Через два месяца после смерти деда Чистый Голос решил пройти обряд Поиска Видения. Накануне вечером он совершил омовение в парильне, построенной Ловким Охотником. Утром до зари он вместе с отцом выехал на холм Кат-Найф-Хилл. Правительство не разрешило индейцам увековечить битву, которая произошла здесь тридцать один год тому назад. Останки Того-Кто-Строит-Загоны еще не были перевезены сюда из Блэкфут-Кроссинг, где он умер, и холм все еще находился в первоначальном состоянии. На заросших травой верхних склонах почти не было деревьев, не считая нескольких осин. В направлении Батлфорда, скрытого за горизонтом, простиралась безбрежная равнина. Отсюда можно было измерять скорость облаков, глядя как их тени движутся между вешками, или наблюдать, как собираются в отдалении ливни и кружатся смерчи в траве.

Тот-Кто-Стоит-Прямо помог Чистому Голосу построить куполообразный навес из шкур и шестов, которые они привезли с собой на вьючной лошади. Следуя обычаю, он развесил на ветвях деревьев куски разноцветной материи – по четырем сторонам света, как подношение Великому Духу. Затем отец и сын сели на вершине холма, чтобы предложить Великому Духу трубку.

Некоторое время Тот-Кто-Стоит-Прямо предавался воспоминаниям о битве. В то время ему было семнадцать лет. Тот-Кто-Строит-Загоны хотел, чтобы молодой воин оставался за деревьями и помогал охранять женщин и детей. Но он уступил просьбе Ловкого Охотника, который хотел, чтобы сын сражался рядом с ним в первых рядах. Тот-Кто-Стоит-Прямо показал Чистому Голосу, какие позиции занимали канадские солдаты и где он и Ловкий Охотник встретили их.

После того, как рассказы о битве были закончены, Тот-Кто-Стоит-Прямо запел песню, которой его научил собственный дух-покровитель. Потом он обратился к душе Ловкого Охотника, напомнив, как сильно тот хотел, чтобы у Чистого Голоса был *навакан*, и попросил ходатайствовать за внука перед высшими духами, как он обещал. Наконец, Тот-Кто-Стоит-Прямо напомнил, что Чистый Голос должен будет провести на холме четыре дня и четыре ночи, воздерживаясь от еды и питья. Тем самым он покажет духам, как сильно он хочет встретить *навакана*. Однако если к концу этого срока он не получит видение, это не будет считаться позором. Если его поиск не увенчается успехом, значит, духи хотят, чтобы он попробовал еще раз в другое время.

Чистый Голос выплел из волос украшения и снял одежду, оставшись в узкой набедренной повязке из оленьей шкуры. Одежду и мокасины он свернул в узел и сложил в седельную сумку вьючной лошади. На шее у него остался сплетенный из травы мешочек, в котором он хранил ломтик имбирного корня, подаренный Ловким Охотником. Дрожа на свежем утреннем ветру, он наблюдал, как уезжает отец и уводит с собой лошадей. Некоторое время Чистый Голос стоял в мокрой от росы траве, открытый ветру и восходящему солнцу, благодарный птицам за то, что они одни составляют ему компанию.

* * *

Монахиням не удалось заставить Чистого Голоса стесняться своей индейской внешности или испытывать чувство вины из-за черты характера, которую они называли духовной гордыней. Но когда в нем начинала говорить совесть – а это случалось нередко, – он никак не мог понять, говорит ли она его собственным голосом или голосами монахинь. Вот и сейчас он слышал этот странный внутренний голос. Должно быть, духи сомневаются, не превратился ли он в «картошку» после трех лет, проведенных в школе; после всего, что он там увидел и услышал; после постыдных мыслей, которые закрадывались ему в голову, слов, что слетали с его языка, и поступков, которые он вольно или невольно совершал.

Чистый Голос решил, что должен предъявить духам более весомое доказательство твердости своего намерения, чем простое соблюдение поста под уютным навесом из шкур, который построил отец. Вместо этого он ляжет на ветви самой толстой и высокой осины, раскинув руки и открывшись солнцу и всем стихиям, и проведет так четыре дня и четыре ночи.

В первую ночь каждая минута бодрствования казалась Чистому Голосу вечностью. Самый сильный голод и самая жестокая жажда мучили его на второй день. На третий день в тех местах, где ветви деревьев впивались в кожу, образовались синяки, и даже легкие движения вызывали острую боль. Ночью тело немело от холода.

На третью ночь Чистого Голоса разбудили, как ему показалось, звуки школы-интерната. Ему слышался шепот и язвительные голоса, которые глумились над ним. Но поднявшись, он понял, что всему причиной был сильный ветер, который гулял в кустарнике и раскачивал ветви деревьев, предвещая грозу. Вскоре разразилась гроза, хлынул холодный ливень, небо раскалывалось от вспышек молнии и раскатов грома. Ближайшее дерево застонало и со скрипом рухнуло, расколотое ударом молнии.

Утром четвертого дня Чистый Голос был на грани отчаяния – грязный и израненный, ослабевший и продрогший до костей он чувствовал головокружение и был близок к обмороку. Похоже было, что он не получит видения. Мир духов отверг его. Он зря обманывал себя: недостаточно быть подобием индейца, притворяясь, что следуешь обычаям своего народа.

Чистый Голос испытывал неодолимое желание прекратить этот обман, слезть с дерева, вымыться в ручье и вернуться домой. От этого его удерживали только слова отца, который настаивал, чтобы он оставался на месте четыре дня и четыре ночи. Большую часть утра его сознание то погружалось, то выныривало из пучины тягостных грез.

В конце дня Чистый Голос почувствовал, что боль и душевное томление уходят прочь, тело становится легким, и в нем растет ощущение свободы. Дерево больше не качалось, птицы перестали петь, ветер утих, и наступила тишина. Небо было окрашено в теплые розовые и персиковые цвета, кроме небольшого голубого клочка в зените, имеющего форму правильного круга. Вдоль его периметра медленно двигалась черная точка, будто расчищая круг от облаков.

Чистый Голос подумал, что движущаяся точка может быть орлом, парящим на предельной высоте. Орел становился все больше, спускаясь по спирали. Наконец он снизился настолько, что стали различимы очертания распущенных хвостовых перьев и кончики крыльев, загнутые вверх. На высоте ста футов над землей орел неожиданно сошел с круговой траектории и резко спикировал к земле, словно заметив внизу добычу. Он почти скрылся за вершиной холма, но вдруг сделал неожиданный вираж и на несколько мгновений завис в воздухе с загнутыми вперед крыльями, сбрасывая скорость. Развернувшись, орел в несколько взмахов подлетел к Чистому Голосу и, заметая хвостом землю, коснулся лапами травы. Совершив несколько прыжков, он остановился на травянистом холмике в двадцати футах от дерева, на котором лежал Чистый Голос.

Это был матерый белоголовый орлан, возможно самка, учитывая огромные размеры птицы. Не похоже было, что орел обозначился, приняв лежащее навзничь обнаженное тело Чистого Голоса за легкую добычу. Он не выказывал признаков беспокойства и не собирался взлетать, как это обычно делают орлы при появлении человека. Напротив, он оставался неподвижным и невозмутимым.

Чистый Голос заметил, как высоко и прямо орел держит голову. Сердце юноши забилося от восторга при виде немигающих янтарных глаз, желтого загнутого клюва и крупных, покрытых чешуйчатой кожей лап с длинными когтями.

Он с восхищением наблюдал, как на его глазах орел медленно вырос приблизительно с трех до десяти футов в высоту; его грудь превратилась в туловище пегого – коричневого с белыми пятнами – коня, а вздыбленные сверкающие перья на голове – в головной убор всадника.

Всадник был обнажен, если не считать набедренной повязки. С луки седла у него свисала небольшая шаманская сумка. На макушке топорщился распушенный хвост белохвостого оленя, похожий на светящийся шар или корону. Позади короны торчала веером щетина дикобраза – темно-коричневая с золотистыми кончиками, образуя вокруг головы сияющий ореол. Конь слегка повернулся, и Чистый Голос заметил два длинных орлиных пера – коричневых с белыми кончиками, свисающих вдоль длинных черных волос всадника.

Всадник поднял руку, приветствуя Чистого Голоса, и запел. Это была короткая песня об орле, у которого охотники украли из гнезда птенцов. Орел летал очень высоко, – так высоко, что мог заглянуть за горизонт. Он нашел птенцов и вернул их в гнездо.

Чистый Голос никогда не слышал эту песню. Она начиналась с горестного стенания и заканчивалась четырьмя радостными криками, похожими на крик орла. Пришелец жестами велел юноше повторить песню. Звонкий дискант, которым Чистый Голос пел в детстве, канул в лету. Его голос окреп, стал хриплым и резким. Он удивился, с какой силой разнеслись над вершиной холма четыре финальные ноты Песни орла.

Пришелец назвался *паваканом* – духом-покровителем Чистого Голоса. Протянув мускулистую руку, он помог юноше спуститься с дерева и устроиться на коне у него за спиной, после чего подал ему свернутое одеяло Компании Гудзонова залива.

Павакан повернул коня на север и пустил рысью, которая быстро перешла в легкий галоп. Когда они достигли края холма, конь уже несся во весь опор. На всем скаку он взметнулся над обрывом, и в то же мгновение вместе с всадником снова превратился в орла. Чистый Голос теперь сидел между могучими крыльями, загребавшими воздух широкими почти беззвучными взмахами. Орел взмыл в небо и полетел на северо-восток.

Очень скоро они оказались далеко за границами мира, в котором прошло детство Чистого Голоса. Он уже не узнавал проплывающие внизу холмы, леса и озера. Неожиданно сгустились сумерки, и солнце быстро скрылось за горизонтом у него за спиной. В мгновение ока стало темно. Чистый Голос никогда не слышал, чтобы орлы летали ночью. «Откуда орел знает, куда лететь?» – мелькнуло у него в голове. Но уже в следующее мгновение он увидел, как поднимаются из-за горизонта восточные созвездия, двигаясь навстречу с невиданной скоростью. Луна тоже восходила необычайно быстро. Свет ее был таким ярким, что Чистый Голос видел под собой ее отражение в темных водах озер. Солнце вошло впереди так же стремительно, как перед тем скрылось сзади за горизонтом, и положило конец короткой ночи. Чистый Голос покрепче ухватился за шею орла, который начал плавно спускаться по нисходящей спирали. Внизу были густые облака, которые скрывали землю до тех пор, пока Орел не вынырнул под ними.

Первое, что увидел Чистый Голос, вырвавшись из облаков, был большой форт с развевающимся над башнями британским флагом. К западу от форта стояла школа-интернат. Длинная прямая дорога вела от главных ворот форта к кругу камней, лежавших, как ему показалось,

на месте, где когда-то стояло типи. Они с Пловцом находили много таких кругов, выложенных из камней, когда пасли овец в прериях. Камни придавливали нижние края шкур, покрывавших типи. Когда индейцы переносили лагерь на новое место, они сооружали из легких еловых шестов типи *травойсы* – волокуши, в которые впрягали собак, а позже – в дни Ловкого Охотника – лошадей. Травойсы нагружали сложенными шкурами, а тяжелые камни обычно оставляли на старой стоянке.

Орел мягко коснулся лапами земли в центре круга камней. Чистый Голос соскользнул на землю. Орел высоко поднял крылья, двумя или тремя мощными взмахами поднялся в воздух и улетел, оставив его одного.

Только теперь Чистый Голос увидел, что круг гораздо шире типи и состоит из большого числа камней. Некоторые камни были размером с ребенка или невысокого мужчину и уходили основаниями в землю, как надгробия на кладбище белого человека в Батлфорде.

Чистому Голосу показалось, что ветер доносит лай койотов. Похоже было, что звери преследуют добычу. Едва он повернул голову, чтобы узнать, что происходит, как в круг камней вбежала рыжая лиса. Она истекала кровью, задыхалась и, очевидно, была слишком измучена, чтобы совершать какие-либо обманные маневры для своего спасения. Увидев перед собой Чистого Голоса, она легла у его ног, тяжело дыша.

Из леса высыпала стая койотов. Чистый Голос быстро опустился на колени, накрыл лису одеялом и взвалил узел на правое плечо, стараясь, чтобы тот слился с его фигурой. Этим он надеялся обмануть койотов, но жаждущие крови звери в бешенстве набросились на него. Окружив юношу плотным кольцом, койоты угрожающе рычали, хватили за лодыжки и под коленями и подпрыгивали, стараясь ухватить его зубами за локоть и опустить узел.

В это время на поляне показалась группа всадников, следовавших, как видно, за койотами. Большинство из них были в красных одеждах. Впереди скакал мальчик лет двенадцати на черном жеребце. Его иссиня-черные волосы были коротко острижены, как у школьника, одет он был в куртку цвета золота.

Мальчик на коне смело въехал в круг. Его бесстрашный жеребец, гарцуя, вмиг рассеял стаю койотов. Подъехав к Чистому Голосу, мальчик протянул руки, взял у него с плеча сверток с лисой и положил перед собой поперек седла. Койоты устремились было вслед за мальчиком на коне, но всадники в красных одеждах погнались их хлыстами прочь. Мальчик направил жеребца к западному краю круга камней. Там он выпустил лису из одеяла в высокую траву.

Затем мальчик повернул коня и поехал шагом в сторону шатра, который стоял у восточного края длинной прямой дороги. Он напоминал шатер вице-губернатора, установленный перед Форт-Карлтоном на Совете договора в 1876 году. Ловкий Охотник обычно называл его «королевским типи».

Чистый Голос пошел за мальчиком. Подойдя ближе, он обнаружил, что шатер похож на церковь, имеющую в плане форму креста. Центральная часть ее возвышалась, словно башня, над боковыми пристройками. Мальчик спешил и вошел в церковь, Чистый Голос последовал за ним.

Снаружи церковь-шатер состояла сплошь из плоских граней и углов, но внутри ее стены образовывали круг и были увенчаны куполом, как будто в прямоугольном здании было установлено типи. Купол и стены церкви были покрыты красочными изображениями библейских сцен. В центре круга стоял трон, на котором сидела королева Виктория. Королева выглядела в точности такой, какой она была нарисована на жестяной коробке Ловкого Охотника – в черном ниспадающем платье и трикотажном головном уборе, с румяными щеками, острым носом и строгим выражением лица. Главным отличием было то, что поверх головного убора на ней была надета украшенная драгоценностями корона, а в правой руке она держала короткий жезл – совсем как на портрете, висевшем в кабинете индейского агента в Батлфорде.

В руках у мальчика появился сияющий белый диск. Он держал его большими и указательными пальцами обеих рук, как священник держит гостию²⁷ во время приношения даров на католической мессе.

Королева безмолвно смотрела на Чистого Голоса, и взгляд ее был так же холоден, как на портрете, который висел в школе-интернате. Но, вглядываясь в черты ее лица, он вдруг заметил, что румянец исчезает со щек, розовые губы бледнеют, глаза утрачивают голубой цвет, а бриллианты теряют блеск. У него на глазах темные одежды королевы начали светлеть, и очень скоро она вся побелела с головы до пят.

Когда Чистый Голос вошел в церковь, королева, надменно взиравшая на него с высоты трона, показалась ему больше, чем в реальной жизни. Но по мере того, как он приближался к трону, она становилась все меньше. Наконец трон превратился в ложе, а королева закрыла глаза, откинулась назад, склонила голову к подушке и уснула.

Мальчик опустил руки и подал Чистому Голосу сияющий белый диск.

* * *

Конь и всадник ожидали у церкви. Чистый Голос вскочил в седло. Мальчик в золотой куртке подбежал, держа в руках одеяло, в которое раньше была завернута лиса, словно хотел вернуть его владельцу. Чистый Голос протянул руки за одеялом, но мальчик обернул его вокруг туловища. Тогда Чистый Голос поднял мальчика вместе с одеялом, так же как раньше поднял узел с лисой, усадил его позади себя и связал узлом уголки одеяла так, что образовавшаяся накидка покрывала их обоих.

Павакан направил коня к югу и поскакал по длинной прямой дороге, быстро переходя с рыси на галоп. Он снова превратился в орла, поднялся ввысь и, описав широкую дугу, полетел на северо-запад.

Обратный полет проходил при дневном свете. На этот раз солнце еле ползло за ними по небосводу. К тому времени, когда орел опустился на холм Кат-Найф-Хилл, светило заняло в небе то же положение, что и в конце дня накануне, когда Чистый Голос и *павакан* отправились в путь.

Спешившись, Чистый Голос и мальчик в золотой куртке увидели типи, стоявшее на открытой поросшей травой площадке на вершине холма. Перед типи сидели в круг волк, бизон и полярная сова.

Чистый Голос повел мальчика к типи, поочередно останавливаясь перед каждым из животных. Когда они подошли к бизону, тот превратился в Ловкого Охотника; волк стал Тем-Кто-Строит-Загоны, а полярная сова обернулась женщиной с двумя орлиными перьями в волосах, одетой в длинное расшитое бисером платье из оленьей кожи.

Когда мальчик в золотой куртке остановился перед женщиной, та вынула у себя из волос перо и вставила в волосы мальчику. Потом она взяла его за руку и повела в типи.

Чистый Голос запел песню, которой научил его *павакан*, поочередно обращаясь к каждой из четырех сторон света. На севере небо окрасилось в мерцающий белый цвет, на востоке – запылало золотом, на юге – стало ярко-зеленым, а на западе – черным, как вороново крыло. Когда он закончил петь и издал последний из четырех орлиных криков, то услышал ответный крик из-под небес. Подняв глаза, Чистый Голос увидел орла, который поднимался на тепловых потоках по спирали прямо над его головой, постепенно превращаясь в маленькую черную точку в синем круге. Наконец точка пропала из виду.

Чистый Голос снова был один на холме Кат-Найф-Хилл. Типи, старейшины, женщина и мальчик в золотой куртке исчезли. Чистый Голос заглянул в свой мешочек, чтобы проверить,

²⁷ Гостия – лепешка из пресного пшеничного теста; употребляется в католической церкви во время таинства Евхаристии.

на месте ли серебряный диск, который вручил ему мальчик. В мешочке лежал только имбирный корень. Тогда он снова забрался на дерево и уснул так крепко, что не заметил, как пролетела последняя ночь его Поиска видения и наступило утро.

* * *

– Четвертая ночь закончилась, пора возвращаться домой! – услышал он голос отца под деревом. Тот-Кто-Стоит-Прямо не стал спрашивать у сына, почему тот спит на дереве, а не под навесом из шкур. Выразив почтение четырем сторонам света, они разобрали навес, упаковали шкуры и поехали вдоль ручья. Пока Тот-Кто-Стоит-Прямо разводил костер и разогревал суп, который он принес в канистре, Чистый Голос окунулся в холодную воду ручья. После завтрака он поведал отцу, что с ним произошло.

– Расскажи это старейшинам, – посоветовал отец. – Расскажи это Маленькому Барсуку.

На следующий день, выслушав подробный отчет, Маленький Барсук пришел к выводу, что орел и конь были проявлением духовной силы – *атайохканак*²⁸, – а именно, Великого Духа Орла. Песня, которой *навакан* научил Чистого Голоса, предназначается только для него. Если он, проходя свой круг жизни, останется верен обычаям кри, то все значение видения рано или поздно откроется ему. Однако, по убеждению шамана, *навакан* не мог оставить его, не дав каких-либо указаний или ключей к разгадке и не подтолкнув его душу в нужном направлении.

– *Павакан* назвал тебе свое имя? Или, может быть, он дал тебе новое имя?

– Нет, никаких имен, – только песню.

– Прежде чем запеть песню, он сказал что-нибудь?

– Он сказал, что это – песня орла, который защищает детей договора.

– Значит, это и есть его имя: Орел, Который Защищает Детей Договора, – сказал Маленький Барсук.

– Я никогда раньше не слышал это имя. У кри такого имени нет. Может быть, я неправильно услышал его, – спросил Чистый Голос, все еще сомневаясь.

– В старые времена, до того, как появились поезда, не было *атайохканак* по имени Железный Конь, – ответил Маленький Барсук, – но потом такое имя появилось. *Атайохканак* следит за появлением новых вещей и создает новых духов-покровителей, чтобы направлять молодое поколение. Если твой *навакан* сказал, что он Орел, Который Защищает Детей Договора, значит так и оно есть, как бы странно и непривычно это ни звучало. В этом и состоит главное значение твоего видения.

– Орел Договора! – Чистый Голос снова прокрутил в памяти все, что с ним приключилось. – Ты хочешь сказать, что мое видение о договоре?

Маленький Барсук мягко кивнул, давая Чистому Голосу время обдумать сказанное.

– Но в видении был ребенок – мальчик с коротко остриженными волосами, – сказал Чистый Голос с недоумением.

– Значит, видение – о договоре и о ребенке или о детях с коротко остриженными волосами, – ответил Маленький Барсук терпеливо.

– Песня была об орле, – рассуждал Чистый Голос. – Охотники украли птенцов, но орел летал так высоко, что смог заглянуть за горизонт и вернуть птенцов в гнездо.

– Значит, это и есть то, чего хочет от тебя дух, – отвечал Маленький Барсук. – Ты должен искать украденных детей договора и возвращать их домой, даже если для этого потребуется путешествовать за горизонт.

Чистый Голос начинал понимать, что в его видении означает здание, напоминающее школу, и мальчик с короткими волосами.

²⁸ *атайохканак* (кри).

– Ведь это была школа-интернат, верно? Так они крадут наших детей! *Павакан* хочет, чтобы я вернул детей из школ-интернатов. Они должны учиться в школах, которые должны быть построены в наших резервациях, как нам было обещано в договоре?

Помолчав, Маленький Барсук ответил.

– Да, нужно вернуть детей из школ белого человека; и детей, которых белый человек забрал в свои семьи; и детей, живущих на улице; и детей, сидящих в тюрьме. Есть много способов, которыми были украдены дети договора. Орел Договора хочет, чтобы ты вернул их нашему народу.

– А что означает короткая ночь, форт, круг камней, лиса и койоты, всадники в красных одеждах, серебряный диск, белая королева? Что все это значит?

– Это знаки, которые должны направлять тебя. Если ты останешься верен своей цели и будешь жить той жизнью, которой должен жить, эти знаки обретут смысл для тебя – и только для тебя!

* * *

Чистый Голос знал, что Маленький Барсук был близок к духам предков. Он был шаманом и, значит, посредником между материальным и духовным мирами. Юноша понимал, что сам он не обладает провидческим даром Маленького Барсука, но, размышляя о своей жизни, он находил все больше подтверждений тому, что на него возложена некая миссия. Все началось с того, что старейшины дали ему имя *Нахевитакос* – Тот, Кто Говорит Прямо и Ясно. Потом Ловкий Охотник от имени своего поколения – поколения, заключившего договор, – завещал ему повторять слова договора на языке кри, чтобы следующие поколения понимали его так, как понимали его их предки. Нечто подобное сказал ему отец, когда попросил изучить договор и индейские законы белого человека, чтобы помочь народу кри пить воду из реки своих прав. Даже О'Хара убеждал его хранить верность той версии договора, которую приняли кри. И вот теперь – это видение! Оно напоминало посвящение в духовный сан, который обязывал его хранить живой дух договора, воспроизводя его устно изо дня в день, чтобы договор этот – как Святое причастие – служил источником вечной жизни для его народа.

Парадокс заключался в том, что, выражая чаяния индейцев кри, Чистый Голос пользовался католическими образами и понятиями, которые были вбиты ему в голову в школе-интернате. Юноша отдавал себе в этом отчет, но теперь его это не беспокоило. Поиск Видения излечил его от давних сомнений в том, что он остался верен духу народа кри. Он знал, что представляет собой нечто противоположное «яблоку». Возможно, школа сделала его до некоторой степени белым снаружи, но в душе он по-прежнему был, как говорится, краснее красного.

* * *

Внутренняя свобода Чистого Голоса выражалась, в числе прочего, в том, что он перестал стесняться короткой стрижки. Он носил длинные волосы до 1947 года. В том году его старая школа сгорела дотла. Пожар вспыхнул во время каникул – в тот редкий период года, когда школа пустовала. Канадской королевской конной полиции так и не удалось найти поджигателей, но ходили слухи, что ими были трое индейцев – учащихся школы. В отчете министру по делам индейцев индейский агент отметил, что пожар случился через неделю после того, как Чистый Голос произнес речь на собрании общин. По мнению агента, это не было простым совпадением. В своей речи Чистый Голос в очередной раз призвал к отмене системы школ-интернатов и к строительству новых школ под надзором индейских общин в соответствии с Договором №6.

Индейский агент считал, что пожар высвободил сдерживаемые чувства трех поколений индейцев, которые прошли через двери школы. Индейцы бурно выражали радость в связи с ее столь драматичным концом. По мнению агента, любая попытка заново отстроить школу могла вызвать волнения и общественные беспорядки.

Чистый Голос никогда не связывал свою новую стрижку с поджогом старой школы. Единственный раз он дал объяснение своему поступку в Саскатуне на собрании индейских добровольцев, участвовавших в военных действиях в Европе во время Первой и Второй мировых войн.

На собрании обсуждались мотивы, по которым добровольцы ехали воевать в Европу. Одни говорили, что отправились на войну в поисках приключений; другие видели в этом возможность избавиться от гнета индейского агента; для третьих это был шанс подзаработать или освоить какую-нибудь профессию, а то и просто доказать, что они ни в чем не уступают белому человеку. Но почти все ветераны утверждали, что хотели продемонстрировать верность своему партнеру по договору – Британской короне. Королева Виктория обещала защищать индейские народы. И хотя индейцы не брали на себя встречные обязательства защищать Британию, однако делать это казалось им правильным. Кроме того, – что стало бы с Договором №6, если бы Германия завоевала Британию?

Чистый Голос был слишком молод, чтобы участвовать в Первой мировой войне, и слишком стар для Второй. Его вклад в военную кампанию состоял в том, чтобы напоминать индейцам об их особых отношениях с Британской короной и убеждать старейшин, что вернувшихся с полей сражений солдат следует чествовать, как воинов, достойных занять почетное место в истории общины. Кроме того, Чистый Голос участвовал в кампании по сбору денежных средств в поддержку военной экономики. Как ни бедны были индейцы, они внесли больше денег на душу населения, чем любая другая группа жителей Канады. Чистый Голос очень гордился этим обстоятельством.

Все индейские ветераны были потрясены жестокой и кровавой бойней, свидетелями которой они стали в Европе. Многие их товарищи были похоронены на чужбине, другие были объявлены пропавшими без вести. Некоторые вернулись на родину с тяжелыми ранениями. Однако правительство объявило, что участники войны не получают льготы и пособия, положенные канадским ветеранам, до тех пор, пока не откажутся от индейского статуса и не покинут резервацию, прихватив свою долю имущества общины.

К тому времени Чистому Голосу было уже под пятьдесят, и он был отцом большого семейства. Почти тридцать лет он боролся против системы школ-интернатов без видимых успехов. Вместо того чтобы отменить систему, правительство расширяло ее. Почти все дети кри, их родители и многие из родителей их родителей провели годы в стенах этих заведений. Школа-интернат, в которой учился Чистый Голос, была значительно укрупнена. Он испытал глубокое унижение, когда индейский агент и полицейские заставили его послать в эту школу его собственных сыновей и дочерей. Прошло много времени, прежде чем Чистый Голос понял, что борьба за отмену школ-интернатов должна вестись согласованно во всех индейских общинах, во всех уголках Канады. Но для этого необходимо было преодолеть запреты, налагаемые *Индейским актом*, – запреты на свободу слова и политических объединений, на доступ в суды. Индейцам нужна была политическая организация.

Чистый Голос возлагал большие надежды на индейских солдат, вернувшихся с войны. Из ветеранских союзов выходило немало лидеров движения. Опыт службы в вооруженных силах позволял им лучше ориентироваться в канадской государственной системе и чувствовать себя более уверенно при общении с белым человеком. Многие ветераны остригли волосы по армейскому образцу. Они считали короткие стрижки символом воинской чести и носили их в знак солидарности с другими ветеранами – как индейцами, так и белыми. Они хотели, чтобы эти стрижки напоминали белому человеку об их службе в армии.

Выступая на собрании ветеранов в Саскатуне, Чистый Голос сказал, что, возможно, настанет день, когда он вместе с ними вернется в Англию, чтобы вести новую битву. И тогда его коротко остриженные волосы будут служить знаком, что он – один из них, он – тоже воин.

* * *

Через тридцать лет после этой речи Чистый Голос сидел в салоне Боинга 767 авиакомпании «Эйр Канада», проплывающего над западными островами Шотландии. Старый индеец вытянул шею, пытаясь разглядеть главный остров Британского архипелага. Но туман, окутавший Северную Шотландию, сползал на море, скрывая из виду береговую линию. Когда через сорок минут самолет появился в небе над Лондоном, земля внизу по-прежнему была затянута сплошной пеленой темно-серых облаков.

Над облаками под бледно-голубым небом виднелись десятки воздушных судов, прибывающих ночными рейсами со всех континентов. Их фюзеляжи сверкали в лучах яркого утреннего солнца. Самолеты выстраивались в круг и один за другим, с интервалом девяносто секунд ложились на нисходящую спираль, которая выводила их на глиссаду²⁹ взлетно-посадочной полосы 09 «восток-запад» аэропорта Хитроу.

Шли последние минуты полета. Шасси и закрылки были выпущены, пассажиры и экипаж пристегнуты к креслам, когда пилот ввел содрогаящееся воздушное судно в гущу облаков под углом три градуса к горизонту. В течение минуты Чистый Голос не видел перед собой ничего. Но вот на высоте шестисот метров самолет внезапно разорвал серую мглу, и перед глазами индейца с ошеломляющей яркостью возникло летное поле, покрытое темно-зеленой травой Англии.

Чистый Голос немедленно узнал представшую перед ним картину. Это был форт из его видения! Он заметил британский флаг, развевающийся между башнями. К западу от форта виднелось скопление зданий, которое вполне могло быть школой-интернатом. К югу от ворот форта между зелеными полями пролегла прямая дорога. Чистый Голос напряг зрение, пытаясь разглядеть круг камней, который, он знал, находится в конце дороги. Но расстояние было слишком велико, и через несколько мгновений картина исчезла.

Мысли роем кружились в голове индейца, и все же краем уха он услышал объявление для пассажиров транзитных рейсов. Последняя фраза стюарда звучала у него в ушах:

– При заходе на посадку пассажирам открывается прекрасный вид на Виндзорский замок.

Словно вспышка света озарила сознание Чистого Голоса. Вот оно что! Форт из его видения оказался Виндзорским замком – домом королевы Виктории! В следующее мгновение он ощутил благоговейный трепет, необыкновенную легкость и бесконечное смирение, – точно так же, как шестьдесят шесть лет тому назад, когда духи впервые послали ему видение. В то время в небе над прериями еще не летали железные птицы, способные пересечь Атлантику, и юноша не мог предположить, что его наяву ожидает путешествие почти за пять тысяч миль и семь временных зон, которые он преодолет в течение одной короткой ночи.

Сомнения, мучившие Чистого Голоса всю жизнь, рассеялись без остатка. Ничем не выдавая наполнявшего грудь восторга, он наслаждался последними секундами полета. Он снова сидел между могучими крыльями орла и ощущал мощь птицы, совершающей свои маневры перед приземлением. Это был долгожданный полет души. В юности он отдался на волю *Китчи Маниту* и честно следовал знакам своего *навакана*. Когда лайнер коснулся земли, и двигатели взревели, создавая обратную тягу, Чистый Голос поднял правую руку и тронул орлиное перо, лежащее у него на груди.

²⁹ Глиссада – траектория полета летательного аппарата, по которой он снижается непосредственно перед посадкой.

Глава 2

РОЖДЕНИЕ ГРИФОНА

Центральное место на родовом гербе Чарльза Гриффина, двенадцатого графа Ардунского, занимал грифон – сказочное существо с головой, крыльями и лапами орла и туловищем льва. Два его крылатых сородича, высеченные из камня, восседали, подобно тотемным животным, на столбах главных ворот родового имения Ардун в Оксфордшире. Еще одна версия мифического зверя – с необычайно длинным хвостом – помещалась в витражном окне над дверью лондонского дома графа на Честер-сквер в Белгравии. Кроме того, минималистичное изображение грифона было вытиснено на гербовой бумаге Чарльза Гриффина, занимавшего последние два года пост председателя правления частного банка «Браунз» в Лондонском Сити³⁰.

Несмотря на то, что вся взрослая жизнь Чарльза прошла в Лондоне, своим настоящим домом он всегда считал Ардун. В южном крыле главного дома для него всегда были готовы апартаменты, которые он занимал еще с той поры, когда мальчиком помогал отцу управляться с имением площадью три тысячи акров и готовился унаследовать графский титул.

Чарльз уважал отца, хотя и считал его менее выдающейся личностью, чем дед, которого в кругу семьи и близких друзей любовно называли Охотником Джоном. Это прозвище дед получил с легкой руки Буффало Билла – бывшего полковника кавалерии Соединенных Штатов и создателя знаменитого циркового шоу «Дикий Запад». Охотнику Джону было немногим более двадцати лет, когда он отправился в свою первую деловую поездку по Канаде, в экономику которой Гриффины неизменно вкладывали семейный капитал. Во время поездки молодой граф побывал на американском Западе и в первый раз в жизни участвовал в охоте на бизонов. В качестве проводника он нанял Буффало Билла.

Чарльз Гриффин считал Охотника Джона – а вовсе не отца – главным звеном цепи, связывающей его семью с давней традицией авантюрного капитализма. В молодости дед разъезжал по всему свету, вел жизнь полную приключений и гордился участием в большой игре, которая разворачивалась под британским флагом на всех пяти континентах.

Именно Охотник Джон приобщил семилетнего Чарльза к охоте на лис в Котсуолдских холмах; а когда тот в десять лет подстрелил оленя в Северо-Шотландском нагорье, посвятил внука в охотники, вымазав ему лицо кровью первого убитого им зверя.

Зал охотничьей славы в Ардуне был увешан головами и шкурами диких зверей, уставлен чучелами птиц и другими трофеями, увековечивавшими подвиги Охотника Джона. Большая часть их была привезена из Канады.

Индейская коллекция, выставленная в Длинной галерее главного дома, тоже являлась своего рода собранием трофеев. Показывая коллекцию Чарльзу, Охотник Джон любил рассказывать историю о том, как он выжил во время восстания равнинных индейских племен против Британской империи в 1885 году.

Восстание вспыхнуло в Северо-Западных территориях Канады – нынешней провинции Саскачеван. По словам Охотника Джона, орды воинов сиу и кри, вооруженные боевыми дубинками, томагавками и многозарядными винтовками и возглавляемые коварным вождем по имени Тот-Кто-Строит-Загоны, осадили маленький деревянный форт в городе Батлфорд. За стенами этого форта, служившего сторожевой заставой Северо-Западной конной полиции, и укрылся Охотник Джон вместе с другими жителями Батлфорда. По окрестностям рыскали

³⁰ Лондонский Сити (Сити) – центральная часть Лондона, где сосредоточены биржи, банки и др. кредитно-финансовые институты; деловой и финансовый центр Великобритании и всего мира, олицетворение британского финансового капитала.

военные отряды индейцев и метисов, грабя и убивая невинных британских и европейских поселенцев.

– Но пришел Фредди и быстро положил конец этим бесчинствам! – говорил Охотник Джон.

От деда Чарльз узнал, что Фредди – генерал-майор британской армии Фредерик Добсон Миддлтон – командовал объединенными вооруженными силами, которые состояли из солдат, конных полицейских и гражданских волонтеров, общей численностью около пяти тысяч человек. По словам Охотника Джона, генерал Миддлтон действовал с необыкновенным искусством и отвагой. Это позволило ему не только быстро ликвидировать «осаду Батлфорда», но и полностью подавить «Северо-Западное восстание».

– Это был последний боевой клич краснокожих! – уверял дед. – Военная кампания заняла около трех месяцев. Она обошлась нам в шесть миллионов долларов и унесла две сотни жизней с обеих сторон. Но дело того стоило. Среди новобранцев, прибывших из Торонто, было много иммигрантов из Европы. После окончания кампании они поселились в прериях и прочно обжились на Западе. Они осваивали новые территории во славу королевы и Британской империи.

Охотник Джон рассказал Чарльзу, что королева Виктория посвятила генерала Миддлтону в рыцари и пожаловала ему звание кавалера ордена святого Михаила и святого Георга. Канадское правительство чествовало его, как национального героя, и в благодарность вручило ему двадцать тысяч канадских долларов. К сожалению, пятью годами позже отношение общественности к генералу изменилось. Комитет Палаты общин Канадского парламента публично раскритиковал его, обвинив в краже мехов у метисов на сумму пятьдесят тысяч долларов после подавления восстания.

– Никогда нельзя доверять этим колониальным политикам, – возмущался Охотник Джон решением парламентского комитета. – За верную службу они платят черной неблагодарностью.

В ответ на критику генерал ушел в отставку с поста командующего Канадской милицией и вернулся в Англию, где в 1896 году был назначен на должность Хранителя королевской казны.

Генерал Миддлтон был завсегдаем джентльменского клуба Уайтс в Лондоне, членом которого являлся и Охотник Джон. Время от времени, сидя за бокалом бренди, приятели вспоминали славные былые деньки на канадском Северо-Западе. Охотник Джон с удовольствием слушал рассказы Фредди об арестах зачинщиков индейского восстания. Он неоднократно спрашивал о том, как был схвачен Большой Медведь, который в те дни был старшим вождем равнинных племен и слыл прозорливым и опасным политиком. Большой Медведь пытался объединить племена Канады и, отчасти, Соединенных Штатов Америки, чтобы противодействовать Британской империи. Фредди Миддлтон, со своей стороны, не упускал случая похвастаться, как он заставил сдать властям вождя Того-Кто-Строит-Загоны, который, хотя и был двадцатью годами моложе Большого Медведя, но уже имел огромное влияние на народы прерий. Особое удовольствие доставляли генералу воспоминания об арестах Прекрасного Дня – военного вождя Того-Кто-Строит-Загоны, нанесшего серьезные потери британско-канадской армии, – и Блуждающего Духа – неукротимого, неистового дикаря, виновного в убийстве мирных поселенцев.

– Всем им было предъявлено обвинение в измене, – сообщил Миддлтон. – Разумеется, мы действовали в соответствии с принципами британского правосудия и провели справедливое судебное разбирательство. По дипломатическим соображениям нам пришлось сохранить жизни Тому-Кто-Строит-Загоны и Большому Медведю, но мы бросили их за решетку. Остальных мятежников мы публично повесили в назидание их единомышленникам. Мы тогда выбили бунтарский дух из этих краснокожих дикарей! Больше они не оказывали серьезного сопро-

тивления, и мы могли распоряжаться нашими канадскими владениями, как нам заблагорассудится.

Объясняя Чарльзу происхождение индейской коллекции в Ардуне, Охотник Джон сообщил, что однажды ему посчастливилось заполучить несколько образцов оружия, которое Фредди конфисковал у индейцев после того, как те сдались правительству. С тех пор он начал собирать и привозить в Англию предметы индейской культуры, «... чтобы сохранить их в Ардуне в память о вымирающей расе. Это самое малое, что я мог для них сделать, – сам понимаешь, *noblesse oblige!*»³¹

Большую часть экспонатов коллекции Охотник Джон приобрел благодаря дружбе с личным представителем королевы, генерал-губернатором Канады маркизом де Лорном. Маркиз был женат на принцессе Луизе, четвертой дочери королевы, и в то время проживал в Оттаве. Когда в 1883 году августейшая чета вернулась в Англию и поселилась в Кенсингтонском дворце, королева Виктория назначила маркиза на должность коменданта Виндзорского замка и прилегающего к нему парка площадью пять тысяч акров.

Принцесса Луиза жила в замке до 1939 года. Отчасти благодаря знакомству с ней, отчасти благодаря дальним родственным связям с королевской семьей Охотнику Джону удалось договориться, чтобы его внук регулярно посещал Виндзорский замок. Чарльз участвовал в спортивных состязаниях и праздниках на лоне природы, театральных представлениях и других детских забавах, которые король Георг VI и его супруга, королева Елизавета, устраивали для дочерей – принцесс Элизабет и Маргарет Роуз.

В последний раз Чарльз вместе с дедом побывал на одном из таких собраний в 1937 году; ему тогда исполнилось четырнадцать лет. В тот день замок посетил человек по имени Серая Сова, который прочел лекцию по просьбе короля.

* * *

Серая Сова говорил всем, что он – индеец племени апачи с примесью шотландской крови. Он писал книги и снимал документальные фильмы, агитируя за охрану живой природы. Особую заботу он проявлял о бобрах. Серая Сова путешествовал по Британии, читая популярные лекции на излюбленную тему, и заработал славу и состояние, чем и привлек к себе внимание короля.

Король и королева назначили ему аудиенцию в Виндзорском замке. Во время лекции Серая Сова обращал свою речь, главным образом, к принцессе Элизабет, которой было тогда одиннадцать лет, и к принцессе Маргарет Роуз, которой было семь лет.

«Прошу вас, продолжайте! – воскликнула принцесса Элизабет, когда Серая Сова закончил повествование. – Расскажите же нам еще что-нибудь». И благодарный оратор подарил принцессе «на бис» захватывающий десятиминутный рассказ.

Рамки протокола были раздвинуты для «благородного дикаря» настолько, что при прощании ему было позволено положить руку на плечо королю, назвать его «братом» и пообещать пророческим тоном, что они еще встретятся.

Чарльз был в восхищении. Серая Сова казался ему настоящим краснокожим воином из романтических рассказов и легенд – таким Гайаватой³² наших дней. Индеец был высокого роста и носил куртку и штаны из оленьей кожи с бахромой. Его длинные черные волосы были заплетены в две косы и украшены орлиными перьями. Кожаные перчатки, мокасины и ремень были расшиты бисером с растительным и геометрическим орнаментом. Серая Сова приветствовал собравшихся возгласом «*how kola!*» – *здравствуйте друзья!* – и некоторое время гово-

³¹ Noblesse oblige (фр.) – положение обязывает.

³² Гайавата – легендарный индейский вождь, главный герой эпической поэмы Г. Лонгфелло «Песнь о Гайавате».

рил на языке оджибва, затем перешел на прекрасный английский. Его речь звучала убедительно и поэтично. Он говорил неторопливо, глубоким проникновенным голосом, временами заимствуя фразы у Шекспира. При этом выражение его лица было исполнено достоинства и мудрости.

Во время лекции Чарльз сидел рядом с Мортимером Гранвиллем, своим лучшим другом по Итонскому колледжу³³, и внимательно следил за дедом, который сидел позади короля. Хотя Охотнику Джону было уже за восемьдесят, он приехал вместе с внуком на лекцию, чтобы послушать, «что нам поведаст этот странный малый, Сова».

Чарльз видел, что дед смотрит на все происходящее весьма неодобрительно. Слушая Серую Сову, он хмурился, качал головой и нетерпеливо постукивал по ковру серебряным наколочником трости.

Будучи в весьма почтенном возрасте, Охотник Джон обычно высказывал все, что думает, в характерной для него прямой и колоритной манере, невзирая на лица. Чарльз очень надеялся, что дед сделает исключение из своих правил в присутствии короля и королевы. Терзаемый подростковыми страхами, мальчик очень боялся, что дед поставит его в неудобное положение перед Мортимером и двумя принцессами. Такое испытание было бы слишком мучительно для него.

Во время лекции Охотник Джон скрепя сердце молчал, но подчеркнуто воздерживался от восторженных аплодисментов. По дороге в Ардун он велел шоферу сделать крюк, чтобы подвезти мальчиков в Итонский колледж. От Виндзорского замка они проехали по мосту через Темзу и поднялись по Итон-Хай-стрит до ворот колледжа. Во время короткой поездки Мортимер почтительно спросил у графа, что тот думает о Серой Сове.

– Самозванец! – резко откликнулся граф. – Краснокожий индеец, выступающий против охоты и звероловства? Вздор! У кого, по-твоему, Компания приобретала меха?

Когда Мортимер спросил, какую именно компанию граф имеет в виду, Охотник Джон воззрился на него с удивлением.

– Ты что же, ничего не знаешь о Компании Гудзонова залива?

– Нет, сэръ, к сожалению!

– Тогда спроси у своего друга Чарльза, я рассказал ему все, что знаю.

Чарльз объяснил приятелю, что Компания Гудзонова залива – старейшая британская торговая корпорация. Семья Гриффинов активно участвовала в ее деятельности с момента ее основания почти три столетия тому назад. Компания являлась крупнейшим экспортером канадской пушнины и торговала шкурами бобра, выдры и медведя.

– Не говоря уже об ондатре, – добавил старый граф, не в силах сдерживаться, – а также о волке, койоте, лисе и рыси.

– Да, дедушка.

– И не забудь про бизонов, лосей и северных оленей.

– Да, дедушка.

– А у кого компания закупала все это? – не унимался дед, словно экзаменуя внука на знание катехизиса.

– У охотников и звероловов.

– И кто же они такие?

– Индейцы, метисы и эскимосы.

Сидя в машине, мальчики листали книгу Серой Совы с его личным автографом. На фотографиях, помещенных в книгу, был изображен автор, который плыл в каноэ по рекам и озерам Канады, шагал по сосновым и осиновым лесам, охотился или расставлял ловушки возле

³³ Итонский колледж – старинная британская частная школа-пансион для мальчиков (основана в 1440 г.), где обучаются главным образом выходцы из аристократических семей.

хатки бобра. Всем этим Серая Сова активно занимался в молодые годы, прежде чем пришел к заключению, что охота аморальна. Чарльз показал деду одну из фотографий.

– Интересно, кем он себя мнит? – осведомился Охотник Джон с презрительной усмешкой. – Полу-шотландец, полу-апач, усыновленный оджибвеями и живущий на севере среди равнинных кри. Да этот парень разносторонен, как утконос!³⁴ Посмотрите на него! Он носит пояс вампума ирокезов и ходит на работу в обрядовой одежде кри. Я еще удивляюсь, что он не нацепил шотландский килт³⁵ и меховую сумку!

В следующем году Серая Сова умер в Саскачеване, и канадская пресса раскрыла его подлинное происхождение. Этим человеком оказался Арчибальд Белани, голубоглазый англичанин пятидесяти лет от роду, – не шотландец и не индеец. Сообщалось, что он много пил и был двоеженцем. Еще в школьные годы он с головой погрузился в истории о краснокожих индейцах, публикуемые в еженедельных журналах. Он пытался приблизиться к природе настолько, насколько мог себе позволить английский мальчик из среднего класса, проживающий в приморском городе Гастингсе. Он красил кожу в бронзовый цвет, научился имитировать крик совы и построил «вигвам» в лесу за домом. Когда Арчи исполнилось восемнадцать лет, он эмигрировал из Англии сначала в Соединенные Штаты, а затем в Канаду. Там он присоединился к индейцам оджибве, которые жили в Северном Онтарио и говорили на алгонкинском наречии. Оджибве дали ему индейское имя, после того как он женился на женщине из их племени и стал вести себя как краснокожий индеец, которым он воображал себя с самого детства.

К 1937 году, когда Серая Сова читал лекцию в Виндзорском замке, он уже перебрался из Онтарио на Запад и жил в деревянной хижине в провинции Саскачеван к северу от города Принс-Альберт, в дикой местности, считавшейся национальным заповедником. Здесь проживали в основном индейцы кри. Когда-то эти места были хорошо знакомы вождям Большому Медведю и Тому-Кто-Строит-Загоны. Охотник Джон тоже часто охотился и рыбачил здесь в молодости.

Обмен впечатлениями о Серой Сова у главных ворот Итонского колледжа стал последним разговором Чарльза с Охотником Джоном. На следующий день в Длинной галерее Ардуна у старика случился инфаркт, когда он осматривал индейскую коллекцию. С тех пор потеря любимого деда всегда ассоциировалась у Чарльза с фальшивым индейцем, который одурачил короля и обманул доверие юной принцессы, ставшей пятнадцатью годами позже королевой Елизаветой II.

* * *

Чарльз впервые стал задумываться о карьере в банковском бизнесе через два года после смерти деда. Весной 1939 года ему исполнилось шестнадцать. К тому времени в светском обществе его уже величали виконтом³⁶ и обращались к нему не иначе как «почтенный Чарльз Гриффин». Но для учителей и товарищей в Итонском колледже он оставался просто Чарльзом Гриффином.

Объявление войны с Германией в сентябре 1939 года застало Чарльза в начале последнего учебного года в Итоне. Как и большинство сверстников, он числился в кадетском корпусе колледжа.

³⁴ Утконос – австралийское водоплавающее млекопитающее, у которого передняя часть морды вытянута в виде широкого клюва, напоминающего утиный. Ученые долго не могли решить, куда отнести утконоса – к млекопитающим, птицам, пресмыкающимся или вообще к отдельному классу.

³⁵ Килт – национальная одежда мужчин в Шотландии.

³⁶ Виконт – английский дворянский титул; выше барона, но ниже графа.

В тот год все разговоры в колледже вращались вокруг долга и чести. Говорили о преподавателях и студентах, которые прославили себя, отдав жизни на полях сражений в чужих землях, – во все века и, особенно, в последнюю мировую войну 1914—1918 годов. Многие старшие студенты уже подали заявление о зачислении их в привилегированные полки. В середине учебного года Чарльз с растущим беспокойством начал понимать, что если он уклонится от воинской повинности, удалившись в семейный дом Гриффинов в Монреале, то от него навсегда отвернутся все его товарищи. Кроме того, в Канаде молодых людей тоже призывали на военную службу.

Это был период «странной войны». Великобритания еще не принимала участия в боевых действиях, и неизвестно было, пойдет ли она на это в будущем. Учитывая сложившиеся обстоятельства, отец Чарльза согласился, что сын должен следовать семейной традиции, и в 1941 году, когда виконту исполнилось восемнадцать, он принял обязанности офицера Королевского конногвардейского полка. Штаб полка на Уайтхолл и Найтсбриджские казармы у Гайд-парка располагались не более чем в тридцати минутах ходьбы от дома Гриффинов на Честер-сквер. В коридорах Палаты лордов граф прослышал, что второй полк Королевской конной гвардии будет стоять в Виндзоре, по крайней мере, в течение первых месяцев войны. Граф надеялся, что, используя свое влияние, сможет устроить сына на такую должность, которая позволит ему остаться в Великобритании в случае, если полк будет направлен за границу.

Приблизительно так все и сложилось. В течение четырех лет Чарльз работал инструктором по военной подготовке бойцов Королевской конной гвардии, и, командуя ротой, дослужился до капитанского чина. Несмотря на то, что в 1944 году полк был направлен вслед за британской армией в Нормандию, Чарльз оставался в Британии до конца войны. В первые послевоенные годы он изучал географию в колледже Церкви Христа Оксфордского университета, а немного позже получил степень магистра делового администрирования в Гарварде.

* * *

Полею для своей карьеры Чарльз избрал частную банковскую деятельность. По его мнению, это был лучший способ приумножить семейный капитал, используя деловые контакты семьи в Канаде. Обучаясь в Гарвардском университете, Чарльз выбрал Компанию Гудзонова залива в качестве основного предмета своих академических изысканий. Он узнал, что Компания получила королевский патент и, пользуясь всеми сопутствующими привилегиями, единовластно управляла гигантскими территориями на севере Америки, которые носили название «Земля Руперта». В 1867 году эти земли вместе с другими британскими колониями, провинциями и территориями вошли в состав Канадской конфедерации, на основе которой и была образована современная Канада.

После Гарвардского университета Чарльз продолжил исследования, которые стали для него чем-то вроде хобби. Он оформился постоянным аккредитованным читателем в Бивер Хаус – штаб-квартиру Компании Гудзонова залива на Грейт-Тринити-лейн в Лондоне. При каждом удобном случае Чарльз старался незаметно улизнуть туда на пару часов из-за своего рабочего стола в банке. Так продолжалось до 1970 года, когда, к его великому разочарованию, штаб-квартира, пребывавшая в Лондоне с момента основания компании в XVII веке, переехала в Торонто. Четырьмя годами позже компания передала свои архивы Канадской провинции Манитоба и переправила их в Виннипег.

Чарльз держался мнения, что рождение Канадской конфедерации в 1867 году не только привело в упадок Компанию Гудзонова залива, но и развязало руки новым канадским и американским бизнесменам, настроенным весьма агрессивно. Эти предприимчивые дельцы оттеснили старую британскую элиту и заняли командные высоты в экономике страны. Не многим британским торговым и финансовым домам удалось сохранить хотя бы часть своих привиле-

гий к началу XX столетия. Канада неуклонно развивалась, превращаясь из колонии в доминион³⁷, а из доминиона в национальное государство. В 1930-е годы, когда Канада стала претендовать на статус независимого государства, Великобритания приняла закон, позволяющий Канаде получить конституционную независимость, как только она того пожелает. Однако прошло еще пятьдесят лет, прежде чем – в 1981 году – Канада решилась на этот шаг. Как выразился однажды отец Чарльза, «канадский плод никак не желал появляться на свет из британского чрева».

Отец Чарльза верил, что рано или поздно его семья снова окажется на первых ролях в экономике Канаде, потому что «сливки всегда всплывают на поверхность». Однако в сороковые годы, когда Чарльз достиг совершеннолетия, семейный конгломерат Гриффинов, в сферу интересов которого входила торговля, лесозаготовки, операции с недвижимостью и банковское дело, пришел в упадок.

В 1982 году Чарльз, унаследовавший к тому времени графский титул и семейный бизнес, беседовал с группой элитных предпринимателей, которых интересовали капиталовложения в Канаде. С видом человека, самостоятельно добившегося всего в жизни, он заявил:

– Я первый наследник в семье с семнадцатого века, которому не довелось насладиться привилегиями «торгового короля» в верноподданной колонии.

Предприниматели были приглашены в отель «Коннот» в Мэйфере³⁸ на ужин, который устроило Канадское посольство – или Представительство высокого комиссара, как его называли в Великобритании. Канадское правительство старалось привлечь зарубежных инвесторов, используя интерес общественности к новой Конституции Канады. В 1982 году Конституция была одобрена Британским парламентом, который принял *Акт о Канаде*. Этот акт отменял все действующие на тот момент политические и законодательные полномочия Великобритании в Канаде и предоставлял стране полную политическую независимость.

Граф лукавил, когда говорил, что всего в жизни добился сам. Он лучше, чем кто-либо, понимал, что вся его карьера зиждется на репутации семьи. Чарльз впервые стал осознанно использовать родовое имя в своей маркетинговой стратегии во время обучения в Гарварде, где большинство американских студентов и профессоров испытывали наивную гордость от того, что «имели честь общаться с лордом Чаком». Несмотря на дружескую фамильярность и непринужденность в отношениях, они выказывали ему более искреннее и глубокое почтение, чем то, к которому он привык в Итоне, Оксфорде или Королевской гвардии. Казалось, Чарльз олицетворял для американцев все романтические достоинства, приписываемые британской аристократии, к которой некоторые из них, не слишком задумываясь, причисляли как Уинстона Черчилля, так и Уильяма Шекспира. Американцы искренне полагали, что, будучи английским виконтом, Чарльз обладает врожденным внутренним благородством и безукоризненной честностью. Они прямо-таки страстно желали облечь его своим доверием. В учебниках такое расположение со стороны деловых партнеров называлось «неосязаемым капиталом» и являлось ценнейшим активом предпринимателя, работающего в сфере услуг, к которой относилось и банковское дело. «Это – ваше секретное оружие, – наставлял Чарльза профессор маркетинга, – пользуйтесь же им!»

* * *

Размышляя над тем, как использовать в интересах семьи новые маркетинговые навыки, Чарльз пришел к выводу, что образ грифона является готовой торговой маркой, хотя название

³⁷ Доминион – государство в составе Британской империи, признававшее главой государства английского короля (королеву).

³⁸ Мэйфер – престижный район Лондона.

животного и не имело никакого отношения к фамилии Гриффин. Исконное значение этого мифического образа было затеряно в веках, поэтому вряд ли кто-либо мог опровергнуть заявление о том, что грифон символизирует сочетание мудрости орла и силы льва. Развивая эту идею, Чарльз решил сделать новым девизом семьи латинское «*Sapientia et Fortitudo*» – «Мудрость и Сила».

Поскольку отец Чарльза слышать ничего не хотел о каких-либо новшествах в освященной веками семейной геральдике, виконту пришлось ждать, пока он сам станет двенадцатым графом Ардунским. Немедленно после этого он «модернизировал» родовой герб. Грифон был выгравирован на всех предметах, имеющих фамильную ценность, вышит на парадной и домашней одежде, а также сделался лейтмотивом внутреннего убранства всех домов, находившихся во владении графа.

Единственным звеном, которое к тому времени связывало Гриффинов с международными инвестициями, было банковское дело. Семья графа была одним из первых пайщиков банка «Браунз», поэтому в совет директоров банка всегда входил кто-либо из Гриффинов или их доверенное лицо. Коммерческий банк «Браунз» был основан в XVIII веке в Лондонском Сити. Он финансировал освоение новых земель и развитие торговли в колониях Британской империи. После того как империя распалась в XX веке и ее бывшие колонии превратились в независимые государства, банк изменил политику и переключился с коммерческой деятельности на частные банковские услуги. В течение столетий банк обслуживал состоятельных клиентов, в числе которых были аристократические семьи Британии, извлекавшие крупные барыши из своих первоначальных капиталов, своих титулов, колониальных плантаций, торговли рабами в Африке и морских перевозок. Время от времени за консультацией в банк обращались даже советники по инвестициям королевской семьи.

Другим важным источником клиентуры банка являлись новые промышленники и землевладельцы Северной Америки, которых Охотник Джон презрительно называл «нுவорищами и выскочками из колоний». Начиная переговоры с ними, Чарльз обычно объяснял значение нового девиза семьи Гриффинов: «*Sapientia et Fortitudo*» – «Мудрость и Сила». В зависимости от обстоятельств он иногда трактовал девиз, как «Знание – Сила» или – для клиентов с более примитивным складом ума – как «Знание – Деньги».

Чарльз обращал внимание будущих вкладчиков на исключительный успех семьи в международном бизнесе. Умело изображая самоуничтожение, он признавал, что этим успехом семья обязана, большей частью, тому обстоятельству, что ее постоянными клиентами были короли, королевы и принцессы.

– Но ведь в этом и состоит залог успеха в банковском деле, не правда ли? – вопрошал он риторически. – Важно не то, *что* вы знаете, а то, *кого* вы знаете.

Если мистический ореол, окружающий английскую аристократию, был настолько притягателен для потенциальных клиентов, а сами они настолько наивны, что верили, будто, открывая счет в банке «Браунз», они приобщаются к привилегированному кругу носителей тайного знания, – то граф не считал нужным их в этом разубеждать. Наша работа, говорил он, и впрямь сродни магии – той алхимии банковского искусства, которая позволяет превращать знания в богатство. Правда же состояла в том, что от знаний и контактов своих вкладчиков граф рассчитывал получить намного больше, чем сам когда-либо мог дать им взамен.

Чарльз начал свою карьеру в банке «Браунз» в 1951 году. На этапе ученичества он занимал должность специалиста по анализу банковских счетов. Чарльз понимал, что должность эта звучит несколько претенциозно, поскольку на деле его основной обязанностью было принимать зарубежных клиентов, в частности, из Канады и Соединенных Штатов. Несмотря на нескрываемое презрение к напыщенным манерам британцев, большинство североамериканских гостей весьма благожелательно относились к обаятельному молодому виконту – бывшему капитану кавалерии – и высоко ценили его гостеприимство и радушные приемы со щедрым угощением

в лондонском доме. Они приходили в восторг от возможности посещать бары и рестораны Палаты лордов, джентльменские клубы на Сент-Джеймс и Пэлл-Мэлл, а также такие привилегированные мероприятия, как скачки на ипподроме Аскот, Уимблдонский теннисный турнир и регаты в Хенли и Каусе. Американцам нравилось умение энергичного английского аристократа выхлопотать для них приглашение на прием в саду Букингемского дворца; на званый ужин, где собирался цвет лондонского общества; на вечеринку в загородном доме или на Бал Охотников в Ардуне, не говоря уже об охоте или рыбалке в фамильном доме Гриффинов в Северо-Шотландском нагорье. Гости ценили блестящую репутацию, которой виконт пользовался в эксклюзивных ночных клубах и казино в Мэйфэре и Найтсбридже³⁹.

Иногда, находясь в подпитии или поддавшись меланхолии, Чарльз с грустью размышлял о том, что, по сути дела, он не многим отличается от сводника, работающего на жадных до денег иностранных коммерсантов, и что он продает свое благородное наследие за чечевичную похлебку.

Затянувшееся ученичество Чарльза подошло к концу, когда ему исполнилось тридцать семь лет и банк «Браунз» назначил его управляющим счетами в Северной Америке.

* * *

После смерти Охотника Джона Чарльз сблизился с отцом, одиннадцатым графом. Большую часть своей взрослой жизни отец прожил в тени Охотника Джона, играя роль его доверенного лица в постоянных попытках реорганизовать семейные капиталовложения. После продажи семейного бизнеса в Канаде именно на одиннадцатого графа легла ответственность за реинвестирование вырученной суммы. Однако великая депрессия 1930-х свела на нет все его начинания в Северной Америке. Потерпев поражение, он вернулся к своей деятельности в банке «Браунз» и в течение всего срока пребывания в совете директоров являлся беспомощным свидетелем дальнейших финансовых потерь, на которые его обрекали безнадежные кредиты и неудачные инвестиции.

По мере углубления знаний по истории Канады, Чарльз стал лучше понимать те мощные политические и экономические механизмы, которые расшатали семейный бизнес Гриффинов. Очевидная беспомощность отца как бизнесмена и банкира стала вызывать у него большее сочувствие. И все же он никак не мог забыть замечание, которое Охотник Джон отпустил однажды в отношении его матери.

Чарльзу было тогда одиннадцать лет. Вместе с дедом он стоял у окна во втором этаже главного дома в Ардуне и задумчиво скользил взглядом вдоль узкой подъездной аллеи с восточной стороны дома. Аллея пролегла идеально прямой линией на расстояние более мили, рассекая надвое луга с мирно пасущимися на них овцами. Ланселот Браун – знаменитый ландшафтный архитектор XVIII века, прозванный Умелым Брауном, – насадил по обе стороны дороги дубы, каштаны, буки и вязы. Деревья росли порознь и небольшими группами, превращая обыкновенные сельские пастбища в классический пасторальный парк и придавая подъездному пути завораживающую перспективу.

В конце аллеи, едва различимая вдаль, виднелась коренастая башенка маленькой норманнской церкви Святого Георгия в деревушке, расположившейся у восточных ворот поместья. Рядом с церковью находилось кладбище с участком, закрепленным за семьей Гриффинов, где три часа тому назад потрясенный горем отец Чарльза похоронил свою жену.

– Поделом ему, – проворчал Охотник Джон. – Не надо было жениться на слабачке.

Еще ребенком Чарльз научился терпимо относиться к шокирующей прямоте деда.

– Но почему, дедушка? Почему ты называешь маму слабачкой?

³⁹ Фешенебельные районы лондонского Уэст-Энда.

– Она умерла, не так ли? Будучи такой молодой! Что может быть лучшим свидетельством слабости?

– Но ведь она не виновата.

– А кто же тогда виноват?

– Она болела, – протестовал Чарльз.

– Слабачка! Ему надо было жениться на сильной женщине!

– Но папа любит маму.

– Любит? Долг – прежде удовольствия! Семья – прежде личных чувств! Так всегда поступали мы, Гриффины, в смутные времена. Но твой отец подмешал воды в наше родовое вино. Твоя мать была прекрасной женщиной, – упокой, Господь, ее душу! Нам будет ее не хватать! И все это хорошо, когда речь идет о лошадях. Но у нее не было никакого приданого: ни денег, ни собственности, ни положения в обществе – ничего!

Опираясь на трость и плечо внука, Охотник Джон с трудом поднялся с кресла, выпрямил спину и произнес напоследок:

– Впрочем, у него остался еще один шанс. Будем надеяться, что он его не упустит.

Чарльз с любопытством наблюдал, как отец отказался от второго шанса, предоставленного ему судьбой. Вместо того чтобы жениться еще раз по расчету, как убеждал его Охотник Джон, отец чах от тоски по покойной жене и хранил ей верность. Он встретил мать Чарльза во время охоты на лис в охотничьих угодьях «Хитроп»⁴⁰. Она была дочерью профессионального военного – бригадного генерала Британской армии, вышедшего в отставку в Индии ради того, чтобы заняться фермерским хозяйством в Банбери.

Четыре года спустя, когда Охотник Джон умер, отец Чарльза – одиннадцатый граф Ардунский – занял его место в совете директоров банка «Браунз». Вместе с тем он отказался от деловой активности в иных областях, поставив себе целью укрепить семейный оплот Гриффинов – имение Ардун. Граф вкладывал душу в управление имением, вкушал все удовольствия сельской жизни и ревностно хранил индейскую коллекцию Охотника Джона, равно как и другие архивные материалы о славных деяниях семьи в Канаде и других уголках Британской империи. Все это выглядело, как признание своего поражения: «большая авантюра» окончена, отныне Ардун является музеем семейной истории. В 1959 году, когда Чарльзу исполнилось тридцать шесть лет, граф умер, испытывая сильнейше чувство вины.

Имение Охотника Джона было обложено огромным налогом на наследство, но в связи с войной и осложнениями, возникшими из-за снижения деловой активности Великобритании в Северной Америке, Налоговому управлению потребовался не один год, чтобы закончить ревизию. Налоги все еще не были уплачены, когда отец Чарльза скончался, возложив это тяжкое бремя на плечи сына. Чарльзу предстояло уплатить налоги на наследство двух поколений, причем второй налог был более обременителен, чем первый.

За месяц до того, как новоиспеченный граф получил от Комитета по привилегиям приглашение занять законное место в Палате лордов, Налоговое управление завершило аудит. В официальном уведомлении говорилось, что в случае неуплаты налогов в течение двенадцати месяцев Управление оставляет за собой право наложить арест на имение в Ардуне, а также на всю семейную собственность Гриффинов в Лондоне, Шотландии, Монреале и других регионах.

Отец Чарльза создал резерв наличных денег и ценных бумаг, которые могли служить оборотным фондом для содержания Ардуна. Кроме того определенный доход поступал от фермеров-арендаторов. Вдобавок отец сдавал Шотландский дом в аренду туристическим и охотничьим фирмам, а дом в Монреале – корпоративным клиентам банка «Браунз». Однако, принимая в расчет текущий ремонт всей недвижимости, этих источников дохода было явно

⁴⁰ Хитроп (Heythrop) – Название известного охотничьего общества в Чиппинг-Нортон, графство Оксфордшир.

недостаточно. Семье удавалось кое-как сводить концы с концами только за счет постоянного сокращения расходов, в связи с чем положение становилось все более безнадежным.

* * *

Чарльз впервые почувствовал себя обделенным еще во время обучения в Итонском колледже, хотя его уровень жизни был тогда существенно выше, чем у остального населения страны в довоенные годы. Семейные дома в Ардуне и Лондоне отличались исключительной роскошью, хотя и были подвержены сырости и сквознякам больше, чем ему бы хотелось. Однако многие товарищи Чарльза были гораздо состоятельнее его. Они небрежно упоминали в разговорах свои коттеджи в Швейцарских Альпах или на итальянских озерах, виллы во Французской Ривьере и ранчо на американском Западе, яхты в Карибском бассейне и табуны поло-пони в конюшнях в Беркшире. А еще они любили рассказывать о своих приключениях в Африке, Индии или Австралии, где они проводили каникулы.

Когда Чарльз пытался обсуждать относительную бедность семьи с отцом, одиннадцатый граф обычно отвечал туманно:

– Это вопрос движения денежных средств, Чарльз. Нынче наш денежный поток почти иссяк. Но он вернется. Он всегда, так или иначе, возвращается.

Чарльз представлял себе денежный поток, как реку, русло которой пролегалo через Ардунские леса до тех пор, пока цыгане не повернули его, направив реку в свой табор, стоящий по соседству. Но однажды цыгане уйдут, думал он, и река снова вернется в свое первоначальное русло и потечет через Ардун.

Когда Чарльзу было пятнадцать лет, его товарищем по колледжу был Мак-Грат по прозвищу Канадец. Чарльз считал Канадца кем-то вроде цыгана. Мак-Грат проживал в собственном доме в Итоне, а семья его владела целлюлозно-бумажными комбинатами в Восточной Канаде с правом производить лесозаготовки на территории в миллионы акров. Мак-Грат не упускал случая похвастаться, как в тринадцать лет он одним выстрелом убил черного медведя на берегах реки Мирамиши в провинции Нью-Брансуик и как он с эскимосами охотился на китов в заливе Джеймс.

Два раза в триместр бабушка присылала Канадцу корзинку с гостинцами от Компании Гудзонова залива. Тот устраивал настоящее шоу, распределяя содержимое корзинки между своими приятелями. Чарльз отказывался принимать эти дары из принципа, хотя он вряд ли мог объяснить, в чем именно этот принцип состоит.

Однажды, повинувшись минутному порыву, Чарльз «повернул к себе денежный поток Канадца», распечатав над паром бабушкино письмо и вытащив из него почтовую квитанцию на денежный перевод.

На эти деньги Чарльз накопил деликатесов в маленьком кафе на Итон-Хай-стрит и устроил пирушку для своей собственной компании. Рулетки с сосисками, «ангельские бисквиты» и имбирный лимонад были восхитительны! Чарльз чрезвычайно гордился своей королевской щедростью. Но самое большое удовлетворение доставляла ему мысль о свершившейся мести. Словно Канадец отнял у него нечто, принадлежавшее ему по праву, а он сумел вернуть себе утраченное.

Это мальчишеское чувство обделенности еще больше усилилось, когда Чарльз начал работать в банке «Браунз» специалистом по анализу счетов. Ощущение несправедливости происходящего особенно обострялось, когда он сопровождал своих американских клиентов в казино в Мэйфере. За один кон гости могли проиграть в рулетку сумму, которая превышала его годовой оклад. Казалось, они получали удовольствие от проигрыша. Казино привлекало наследников старинных английских семей, некоторые из которых были ровесниками Чарльза, а многих он знал лично. Все они относились к своим проигрышам, как к одной из форм показ-

ного потребления, которое служило повышению их социального статуса. На фоне доходящей до неприличия расточительности американцев и вынужденной скупости Чарльза особенно ясно видна была пропасть, которая пролегла между их имеющим реальную силу богатством и пресловутой знатностью Гриффинов. Это неизменно приводило виконта в негодование.

* * *

Когда Чарльз занял законное место в Палате лордов и по праву наследования стал участвовать в законодательной деятельности Британского Парламента, он быстро понял, почему многие считают эту деятельность неприемлемой для современной демократии – анахронизмом феодальных времен. Однако граф отнюдь не собирался отказываться от своей новой привилегии. Более того, он разделял мнение многих лордов о том, что поместное дворянство является «спиным хребтом» Великобритании. Выборные правительства приходили и уходили, а аристократические семьи оставались преданными государству. Те, кто владел большими поместьями, как семья Гриффинов, сохраняли сельскую местность от варварских посягательств правительственных планировщиков. Благодаря торговой деятельности аристократов за рубежом и их ведущей роли во всех военных кампаниях была построена Британская империя.

Пышная, исполненная сакрального смысла церемония введения в Палату лордов, равно как и банкет с шампанским в гостинице «Савой» не утолили желание графа доказать всем, что он вполне соответствует своему новому статусу. Поэтому после банкета Чарльз совершил сумасбродный тур по самым престижным казино в Мэйфэре, продолжавшийся с десяти вечера до пяти утра. В течение всей ночи его выигрыши росли, и он наслаждался тем самым чувством свершившейся мести, которое впервые испытал в маленьком кафе в Итоне в тот день, когда украл денежный перевод у Канадца.

Азарт, везение и прочие яркие впечатления той ночи снова и снова влекли Чарльза в казино, как пьяницу к бутылке. В течение нескольких месяцев удача улыбалась ему. Однако постепенно его выигрыши стали таять и обращаться в проигрыши. По мере того, как игорные долги росли, а кредит истощался, Чарльз начал занимать деньги из оборотного фонда Ардуна. «Все это поправимо», – говорил он себе, полагая, что естественный порядок вещей, следуя которому он так быстро потерял деньги, однажды позволит ему так же быстро их вернуть.

Нужно было срочно проверить какое-нибудь прибыльное дело, которое бы окупило его игорные долги, займы и налоги на наследство, заложило бы надежную финансовую основу для Ардуна, а заодно позволило бы Чарльзу вести образ жизни, приличествующий его новому общественному статусу.

Знакомый Чарльза, Самуэль Штэйнберг, казалось, предложил подходящее решение. Янки Сэм, как называл его граф, работал брокером и занимался покупкой и продажей ценных бумаг и собственности на Нью-Йоркской фондовой бирже. Он обещал головокружительные прибыли тем немногим избранным, кто воспользуется его богатым опытом и знанием рынка. Янки Сэм предложил графу присоединиться к этому магическому кругу с условием, что тот приведет с собой несколько состоятельных клиентов банка «Браунз». Для участия в этой игре Чарльз взял крупный краткосрочный кредит. Немногим более года спустя Янки Сэм был арестован в Нью-Йорке. Он обвинялся в том, что щедро расплачивался со своими первыми вкладчиками за счет взносов последующих «игроков». Эта комбинация называлась схемой Понци и являлась, по сути, финансовой пирамидой, которая рухнула с арестом Янки Сэма. Чарльз и те клиенты банка «Браунз», которых он вовлек в эту авантюру, потеряли все.

Для того чтобы можно было быстрее восполнить потери и погасить кредиты, Чарльз занял еще более крупную сумму в Лондоне, заложив для обеспечения займа семейные владения. Эту сумму он использовал для спекуляций на валютном рынке – со столь же плачевным результатом, – после чего продолжал катиться с ускорением по наклонной плоскости.

Поначалу такое скверное развитие событий приводило Чарльза в ярость. Но по мере того как печальные последствия его авантюры становились все более очевидными, – так, например, ему пришлось значительно сократить личные расходы и уволить из Ардуна несколько старых слуг, некоторые из которых прослужили Гриффинам более пятнадцати лет, – гнев его постепенно превращался в замешательство. Оставаясь в одиночестве, Чарльз сгорал от стыда, понимая, что из-за своего безрассудного желания «восстановить денежный поток» через Ардун он потерял практически все состояние. В утренние часы, когда перспективы казались особенно безрадостными, он покрывался холодным потом от ужаса и громко стонал в своей постели при мысли о возможной потере Ардуна и другой семейной собственности.

Эти утренние приступы отчаяния чрезвычайно изматывали графа. Частенько он просыпался, томимый тяжелыми предчувствиями. Ему казалось, что его карьера в банке «Браунз», его репутация в Сити, его участие в советах директоров и даже его членство в джентльменских клубах будут навсегда потеряны для него, если только станет известно, насколько опрометчивыми были его суждения. Чарльз опасался, что если он будет объявлен банкротом – а такой поворот событий становился все более вероятным, – то он может потерять место в Палате лордов.

Он вспоминал, как когда-то потешался над одним обедневшим пэром Соединенного Королевства, который подавал частные объявления в газету «Таймс», предлагая торговым компаниям включить его имя в список директоров. Имя титулованной особы на фирменных бланках должно было добавить компании солидности. В другой раз Чарльз не без удовольствия слушал в гостиной Палаты лордов жестокие сплетни об одном графе, выходеце из семьи очень влиятельных в прошлом политиков. Этот граф вынужден был рассчитывать на те несколько гиней, которые ежедневно выплачивались каждому члену парламента за участие в заседаниях Палаты, – даже если это участие заключалось в том, чтобы посидеть в одиночестве в углу, выпить чайник чая и съесть большую булку с изюмом. Теперь, в самые мрачные минуты своей жизни, Чарльз размышлял о том, не слишком ли рано он смеялся тогда над бедным графом.

* * *

Мало по малу коллекция односолодовых виски становилась для Чарльза незаменимым источником утешения. «Остров Виски» служил ему верным пристанищем в море забот, которое бушевало вокруг, грозя поглотить его давшее течь судно. Привычка уединяться на этом острове на час-другой каждый вечер превратилась для графа в терапевтический ритуал.

Ощущая под ногами скалы, песок и вереск своего острова Виски, Чарльз мог ясно думать и мирно беседовать сам с собой. Какие бы ошибки он ни совершил, им двигало желание не поддаваться пораженческим настроениям отца, а воспринять авантурную дерзость и решительность деда. Рискую ради получения прибыли, он действовал из чувства долга перед своей семьей. Его смелость должна быть вознаграждена! Он чувствовал себя обманутым из-за того, что этого до сих пор не произошло. Как несправедливо было повесить на него все налоги на имение отца и деда! Тем более что ему так и не довелось насладиться их богатством и привилегиями, равно как и поучаствовать в их грандиозных авантюрах.

Час вечернего виски становился все длиннее, затем появился час дневного виски, а там – и утреннего. Графу становилось все труднее найти дорогу на свой остров спокойствия, а найдя, – все труднее покинуть его. Иногда Чарльз даже начинал сомневаться, не унаследовал ли он от матери с ее слабой родословной больше крови, чем от сильного рода Гриффинов. В пользу этого говорило и то обстоятельство, что после двух неудачных браков он так и не произвел на свет потомства. Это могло быть связано с каким-то врожденным пороком развития. Постепенно Чарльз терял уверенность в правильности собственных суждений. По мере того, как его отчаяние становилось все глубже, он стал больше полагаться на мудрость деда. Брак

по расчету представлялся ему единственным выходом из сложившегося положения. Чарльз поклялся себе, что если когда-нибудь у него появится третий шанс, он ни за что его не упустит.

* * *

В неудачах первых двух браков Чарльз винил войну. Война вовлекла в свой водоворот многих женщин его возрастной группы. Она прервала цепь социальных сезонов и ежегодных Балов дебютанток, пользовавшихся в британском высшем обществе неизменной популярностью. Череда легких любовных приключений, которыми были отмечены пять лет его пребывания в Оксфорде и Гарварде после войны, настолько увлекла графа, что напрочь отбила у него охоту к моногамному браку. К тому времени, когда Чарльз вернулся из Америки, лучшие партии в Британии были уже разобраны.

В первый раз Чарльз женился в возрасте двадцати восьми лет на дочери одного из клиентов банка «Браунз» – владельца группы радиостанций и газет из штата Массачусетс. Этот союз продолжался год. Второй брак был заключен, когда графу было тридцать лет, и продлился почти три года. На этот раз Чарльз женился на даме из Южно-Африканской Республики, унаследовавшей долю своей семьи в горнодобывающих предприятиях, фермах и виноградниках. Эта дама пришла в банк «Браунз» посоветоваться, как ей перевести часть своих активов в Британию и влиться в британское высшее общество. У обеих жен было солидное приданое, но согласно условиям брачных контрактов Чарльз мог воспользоваться им только после нескольких лет пребывания в браке. Поскольку оба союза оказались бездетными, разводы были быстрыми и безоговорочными. Браки не принесли никакой выгоды ни для самого Чарльза, ни для Ардуна.

Под нависшей угрозой банкротства Чарльз пришел к убеждению, что в деле о выгодном браке на кону стоит не просто укрепление семейной собственности, но ее спасение. Он не мог позволить себе еще одной неудачи. Однако то обстоятельство, что граф уже был дважды женат и разведен, портило его репутацию. Истории о его беспорядочных сексуальных связях, бездетности его первых двух браков и склонности к азартным играм, а также слухи о плачевном состоянии его финансов означали, что он – далеко не лучшая партия в Британии. С растущим трепетом Чарльз начинал понимать, что ему, вероятно, снова придется искать невесту за границей.

* * *

Поиски привели Чарльза через Карибский бассейн в Испанию. Один из американских клиентов «Браунз» из Южной Каролины обратился в банк с просьбой оказать ему финансовую помощь при покупке сахарной плантации в Тринидад и Тобаго. Проводя проверку юридической чистоты сделки, граф встретился с агентом продавца в его старом доме на плантации в Тобаго.

Поддавшись обаянию Чарльза, агент – бывший торговый атташе посольства Испании в Венесуэле – открыл ему, что среди его клиентов есть одна испанская аристократка, графиня из Андалусии.

Сидя на выходящей в сад веранде в тени цветущих палисандровых деревьев, джентльмены потягивали ром, а вокруг в зарослях орхидей с неумолчным гомоном шныряли зеленые и малиновые птицы. По мере того, как ром растекался по жилам, а прохладный бриз смягчал утомительный зной, агент мало-помалу утрачивал профессиональную бдительность и рассказывал графу все, что знал о своей клиентке.

Ее звали Мария Консепсьон Химéнес де Кóрдова. Умная, энергичная и жизнерадостная женщина классической красоты, – так отзывался о ней агент, и его сверкающие глаза и выра-

зительные жесты говорили больше, чем самые щедрые комплименты. Станным образом графиня никогда не была замужем и не имела ни с кем романтических отношений. Вероятно, это было связано с ее религиозными убеждениями. У графини были прочные отношения с католической церковью, поскольку ее кузен был кардиналом в Папской курии в Ватикане. В то же время ходили слухи о ее увлечении эзотерическими учениями и духовными практиками.

Финансовые советники Марии Консепсьон в Мадриде дали агенту понять, что продажа плантаций в Карибском бассейне является частью ее грандиозного плана, который состоит в ликвидации большей части семейных предприятий и земельных владений в обеих Америках и по всему миру и превращению их стоимости в наличность.

В деловых и дипломатических кругах Испании шепотом обсуждались причины столь неожиданного решения. Некоторые считали план графини мудрым стратегическим маневром, суть которого сводилась к тому, чтобы подобру-поздорову убраться из колоний прежде, чем те достигнут политической независимости. Независимые государства могли в любой момент национализировать частный сектор. Особенно это касалось предприятий, которые – как в случае графини – были основаны на землевладении. Такие предприятия имели политически сомнительное происхождение, которое коренилось в испанском завоевании Нового Света и последующем колониализме.

Другие полагали, что всему виной угрызения совести, которые графиня испытывает по поводу несметного богатства своей семьи и, в особенности, того, каким путем это богатство было нажито. Третьи говорили, что она действует из альтруистических побуждений и хочет увеличить наличный капитал, чтобы использовать его в своей благотворительной и религиозной деятельности.

Граф обратился в банк «Браунз» с просьбой деликатно навести справки о Марии Консепсьон через корреспондентский банк в Мадриде. Результат оказался весьма обнадеживающим. Какими бы ни были мотивы графини, она уже довольно далеко продвинулась в осуществлении своего плана. По оценкам маклеров, занимающихся закупками ценных бумаг для нее, объем продаж недвижимого имущества в наличных деньгах превышал три четверти миллиарда фунтов стерлингов, и это было далеко не все.

Пресс-служба на Флит-стрит⁴¹ предоставила графу подборку статей из английских и испанских газет и журналов. В одной из этих статей была помещена фотография графини в черной кружевной мантилье на аудиенции у Папы Иоанна XXIII в Ватикане; в другой – фотография, на которой она стояла в белом шелковом сари⁴² рядом с Далай-ламой в Дхарамсале в Индии. Чарльз обнаружил публикации со снимками, на которых графиня была запечатлена рядом с Главным раввином в Иерусалиме, со Старшим муллой в Марокко, с синтоистским священником в Токио и другими религиозными деятелями и духовными лицами, в том числе шаманами и знахарями. Такие сочетания слов, как «просветленное сознание», «древние учения» и «путь знания» довольно часто встречались в статьях, посвященных конференциям и встречам, в которых участвовала графиня. Эти статьи содержали ценные сведения о круге ее интересов.

Однажды Чарльзу попались фотографии Марии Консепсьон, сделанные в Нью-Йорке на встрече с Дагом Хаммаршельдом, Генеральным секретарем ООН, а также в Стокгольме на приеме у Лестера Пирсона, после получения им Нобелевской премии в 1957 году. Последнее фото вызвало особый интерес графа, поскольку он был лично знаком с Лестером Пирсоном – бывшим Генеральным секретарем ООН и действующим лидером Либеральной партии Канады, а стало быть, наиболее вероятным кандидатом на пост премьер-министра Канады.

⁴¹ Флит-стрит – улица в Лондоне, где до недавнего времени располагались редакции главных британских газет; центр газетной индустрии страны.

⁴² Сари – женская одежда в Индии.

Порывшись в латиноамериканской прессе, Чарльз нашел сообщения о благотворительных проектах графини в Мексике и странах Центральной Америки, а также в Венесуэле, Боливии, Перу, Уругвае и Чили. Мария Консепсьон финансировала детские дома и больницы, семейные клиники, лепрозории, школы, колледжи и культурные центры. Судя по тому, как деятельность графини освещалась в прессе, большая часть ее проектов имела отношение к детям и семьям коренного индейского населения Мексики, Центральной и Южной Америки. Она часто поддерживала начинания местных жителей. Несколько проектов были связаны с католической церковью, в частности, с Обществом Иисуса – Орденом иезуитов.

Наводя справки, граф вышел на благотворительный фонд «*Centro Para la Restitución*» в Севилье. Графиня была его постоянным участником и главным жертвователем. Официальной целью фонда являлось «возмещение ущерба, причиненного коренным народам Нового Света».

Единственной публикацией, в которой были приведены слова, принадлежащие лично донне Марии Консепсьон, была ее вступительная речь на симпозиуме Всемирного Банка в Вашингтоне. Речь была озаглавлена «*Реституция*⁴³ – наша обязанность, а не возможная альтернатива».

Графиня, несомненно, была загадкой. Область ее интересов охватывала защиту природы, сближение мировых религий под лозунгами экуменизма⁴⁴, поддержку неортодоксальных систем верований и эзотерических учений, включая племенной шаманизм и колдовство. Казалось, главным объектом ее забот были коренные народы и их культура в обеих Америках. Учитывая громадное состояние и общепризнанную красоту Марии Консепсьон, очень странным выглядело то обстоятельство, что она не была близка ни с одним мужчиной. В свои тридцать семь лет – а она была на два года моложе Чарльза – графиня наверняка была озабочена своим биологическим возрастом. Ни одна богатая женщина не хотела оставаться бездетной старой девой.

Можно было, конечно, предположить, что графиня – не более чем эксцентричная богатая дилетантка, пытающаяся придать значительность своей персоне. Но тем больше было у Чарльза оснований, чтобы попытаться завязать с ней дружеские отношения. Для этого он должен был сделать вид, что ее интересы заслуживают внимания и вполне согласуются с его собственными взглядами.

* * *

Завершив расследование, граф заручился поддержкой военного атташе при посольстве Великобритании в Мадриде – бывшего однокашника по Итонскому колледжу и сослуживца по Королевской конной гвардии. Тот доставил письмо Чарльза лично графине в ее дом в Севилье и поручился за репутацию графа.

Отвергнув деловой стиль, Чарльз составил письмо в духе почтительного обращения одного благородного человека к другому. Письмо было написано на гербовой бумаге графа Ардунского с отчетливо проступающим грифоном. Для начала Чарльз поздравил графиню с успешной речью, обращенной к Всемирному банку, и отметил, что речь эта пробудила в нем чувство ответственности. Он пояснил, что является наследником семьи, которая в течение нескольких веков вела торговлю с индейцами и эскимосами Канады и Соединенных Штатов и была тесно связана с Компанией Гудзонова залива. На взгляд Чарльза, его собственная семья и семья графини имеют схожую историю взаимоотношений с Новым Светом. Не следует забы-

⁴³ Реституция – возмещение убытков, восстановление в правах.

⁴⁴ Экуменизм – учение, в основе которого лежит идея диалога между христианами различных конфессий (христианский экуменизм) или между христианами и верующими нехристианских религий (общерелигиозный экуменизм).

вать, что обе семьи в свое время сыграли важную роль в установлении торговых связей между Европой и коренными народами Америки – от Северного Ледовитого океана до мыса Доброй Надежды, – какими бы ни были последствия этого исторического процесса.

Новое поколение, продолжал граф, не может нести ответственность за допущенную в прошлом несправедливость. Однако он вынужден признать, что извлек из этой несправедливости личную выгоду, а потому считает своим долгом сделать все, что от него зависит, чтобы помочь нынешнему и будущим поколениям коренных жителей Америки справиться с тяжким бременем, которое капитализм и колониализм взвалили на их плечи. Он полагает, что может осуществить свои намерения через банк «Браунз», многие клиенты которого нажили состояние в бывших колониях Нового Света. Он был очень воодушевлен, узнав о философских взглядах и добрых начинаниях графини, и будет рад, если ему представится возможность обменяться с ней идеями на этот счет. Он часто посещает Испанию по делам банка, но если графиня сочтет это более удобным для себя, то он будет счастлив встретиться с ней в Лондоне. В конце письма Чарльз упомянул, что питает глубокий интерес к культуре американских индейцев и, особенно, к их духовному наследию. Он почтет за честь, если графиня пожелает ознакомиться с уникальной коллекцией индейских артефактов, которые его семья хранит в Ардуне – его загородном поместье в Оксфордшире.

У Чарльза были некоторые сомнения по поводу последнего абзаца, а именно: не слишком ли бесцеремонно звучит его приглашение? Однако, поразмыслив, он решил отбросить стыд и оставить абзац в письме. Должно быть, графиня получает груды безликих приглашений, думал он, и, не задумываясь, отправляет их в корзину. Упоминание об индейской коллекции в Ардуне должно было сыграть роль «вкусной наживки, на которую клюнет форель».

Первый ответ графини представлял собой короткое формальное уведомление о прочтении письма. Графиня выражала признательность за добрые пожелания и приглашение. Учитывая многочисленные обязательства, она будет благодарна графу, если тот позволит ей отложить его приглашение для рассмотрения в будущем.

«Очевидно, что ответ написан личным секретарем», – подумал граф. Месяц спустя он направил финансовым советникам графини в Мадриде письмо, в котором упомянул, что состоит с графиней в переписке и что почел бы честью для себя и для своего банка участвовать в продаже ее плантации в Тобаго, добавив, что был бы рад оказать ей другие возможные услуги.

В конце концов Чарльз получил из Мадрида известие: графиня дала указание связаться с ним и обсудить возможность встречи. Советники искали банк в Лондоне, который помог бы им правильно распорядиться значительными денежными средствами, выраженными в фунтах стерлингов и вложенными в первоклассные ценные бумаги. Кроме того, нужно было организовать финансирование будущих приобретателей собственности графини.

* * *

Чарльз впервые встретился с донной Марией Консепсьон в отеле «Кларидж» в Лондоне. Он прибыл в отель, чтобы приветствовать графиню и сопроводить ее и двух ее советников в банк «Браунз», где они должны были обсудить предстоящую сделку. Мария была одна в приемной гостиничных апартаментов, когда к ней пригласили графа. В самом начале разговора она извлекла из папки письмо Чарльза. Указывая на грифона, красовавшегося на фирменном бланке, графиня спросила, что означает слово Ардун.

– Это название происходит из древнескандинавского языка, сударыня. К нам оно пришло через древнеанглийский. Мне говорили, что этимология слова искажена временем, однако известно, что оно означает «холм, на котором живут орлы».

– В вашем имении живут орлы?

– Увы, графиня, больше они там не живут. Сегодня в Британии почти невозможно встретить этих редких птиц, за исключением нескольких беркутов в отдаленных северных землях Шотландии. Недавно мы позаимствовали несколько орланов в Норвегии для того, чтобы снова населить ими северо-восточное побережье. Они обитали там когда-то, но к настоящему времени перевелись. Тем не менее, в Ардуне все еще стоят несколько старых дубов и тисов, на которых, мне хотелось бы думать, наши орлы гнездились в прошлом.

– Поэтому на вашем гербе изображен грифон – наполовину орел, наполовину лев? Лев, очевидно, символизирует Англию?

– Отличная идея, сударыня! Я никогда не думал о грифоне в таком ключе, но, возможно, вы правы.

Графиня рассказала Чарльзу об орлах, живущих в Испании. Беркуты и ястребы водились там в изобилии. Весной к ним присоединялись орлы-карлики и орлы-змееяды. А еще она видела несколько пар редких испанских императорских орлов.

– Испанский императорский орел, – повторил граф, смакуя звучание слов. – Испанский орел и британский лев! Вот сочетание, достойное грифона!

– У нас тоже есть грифоны, – отвечала графиня с улыбкой. – Это грифы-стервятники, которые каждый год прилетают в Испанию из Египта.

Чарльз поинтересовался, откуда у нее такие обширные познания в орнитологии. Графиня рассказала, что отец поощрял ее любовь к живой природе и иногда брал с собой в конные экспедиции в предгорья хребта Сьерра-Невада в Андалусии.

Благодаря этому откровению графини обнаружился их общий интерес к лошадям. Радужась своей находчивости, граф признался, что его заветным желанием было разводить чистокровных испанских жеребцов в Ардуне, так же как отец графини разводил их на семейной гасиенде между Севильей и Кордовой.

Затем Чарльз открыл «дипломат» и извлек из него амулет, который он позаимствовал из индейской коллекции в Ардуне. Амулет назывался «Ловец сновидений».

– Существует легенда индейского народа лакота-сиу, которая объясняет значение амулета, графиня, – сообщил он, показывая на карточку с заметками, сделанными его отцом. – Согласно легенде, один из старейшин племени сиу взошел на вершину высокой горы. Там он получил виденье, в котором встретился с Иктоми. Вам знакомо это имя?

– Да. Он был учителем мудрости и великим мастером на всяческие проделки, – отвечала графиня.

– А! Так, значит, вы слышали эту легенду? Стоит ли мне продолжать?

– Напомните мне ее, если можно.

Граф снова заглянул в заметки отца.

– В видении Иктоми принял облик паука и говорил со старейшиной на священном языке, понятном только духовным учителям сиу.

Графиня понимающе кивнула.

Чарльз зачитал послание Иктоми: «Этот амулет – символ Паутины Жизни, которая является совершенным кругом. Повесьте его над изголовьем на время сна. В центре Паутины есть круглое отверстие. Мысли, сны и видения – это великая сила. Те из них, что содержат зло, противны природе; у них острые края и зазубрины, которыми они зацепятся за Паутину Жизни, запутавшись, как мухи в сетях паука. Утреннее солнце сожжет их, и они исчезнут из вашей жизни. А добрые сновидения согласуются с законами природы. У них гладкие круглые края, поэтому они беспрепятственно скатятся к центру паутины, проскользнут через отверстие к вам в голову, пока вы спите, и останутся с вами, когда вы проснетесь. Если вы будете следовать путями Великого Духа, то Паутина Жизни поможет вам извлечь пользу из добрых мыслей, снов и видений, – для себя и своих близких».

Закончив чтение, Чарльз пригласил графиню осмотреть амулет. На круглый каркас, согнутый из ветвей красной ивы, была натянута «паутина», сплетенная из сухожилий какого-то животного. С каркаса свисали четыре шнура, свитые из конского волоса и украшенные маленькими орлиными перьями и кусочками полированной бирюзы в серебряной оправе.

С галантным поклоном граф протянул амулет собеседнице.

– Прошу вас, примите это в подарок, сударыня. Этот амулет – часть индейской коллекции в Ардуне, он хранился в нашей семье более ста лет. Пусть исполнятся все ваши добрые мысли, сны и видения, а также сны и видения индейских детей, которые находятся под вашей опекой!

Глаза Марии Консепсьон светились признательностью. Очевидно, военная хитрость графа сработала, потому что графиня сказала, что хотела бы увидеть остальную часть индейской коллекции. Она вспомнила, что Ардун расположен в Оксфордшире, и поинтересовалась, далеко ли от имения до Роллрайтских камней. Графиня давно мечтала посетить это сооружение – одно из самых древних и таинственных в Британии. Она была наслышана о жреческих обрядах бронзового века, которые проводились среди Роллрайтских камней около пяти тысяч лет назад, и о колдовстве, которое молва связывает с этим местом со средних веков и до наших дней.

* * *

После шести месяцев ухаживаний Чарльз взялся всерьез анализировать перспективы женитьбы на графине, как если бы речь шла о слияния двух торговых компаний. Несколько испанских титулов Марии Консепсьон – в том числе титулы маркизы и графини – были значительно старше его собственных. Ее принадлежность к ближайшему окружению генерала Франко в Мадриде, а также тесные связи с семьей будущего короля Хуана Карлоса были куда более значимыми, чем его собственный статус на Даунинг-стрит, 10 и в Букингемском дворце⁴⁵.

Семья Марии Консепсьон происходила из Кордовы – сельскохозяйственного района Андалусии. Благотворительная деятельность Марии в Севилье снискала ей горячую любовь горожан и почти феодальное почитание со стороны сельских жителей. Принимая во внимание размах семейного бизнеса графини в Америке, на Филиппинах, в Нидерландах и Марокко, а также владение недвижимым имуществом в Северной Европе и Северной Америке, точно оценить ее состояние было невозможно, однако было очевидно, что состояние это огромно и измеряется миллиардами.

Чарльз много путешествовал по Испании и высоко ценил красоту ее ландшафтов, ее природу, архитектуру и национальную самобытность, – но только в качестве гостя. Он не допускал мысли о постоянном проживании в этой стране, равно как и о тесных отношениях с родственниками донны Марии Консепсьон или представителями ее круга. Ему было глубоко чуждо католичество с его иерархичностью, конфессиональной обособленностью и жестким контролем со стороны духовенства, – в особенности это относилось к католичеству в цветистом и навязчиво-сентиментальном испанском варианте. Этот мир был бесконечно далек от изысканной и благородной строгости англиканской церкви, в которой обряды и праздничные церемонии совершались в сдержанно-уважительной манере, а священники не пытались насильственно вбить свои идеи в головы прихожан.

По крайней мере, в английском обществе Чарльз чувствовал некоторое превосходство над графиней. Члены его круга считали ее экзотической и, следовательно, подозрительной особой, но ее родословная, ее богатство и связи склонили чашу весов в ее пользу. Граф понимал,

⁴⁵ Даунинг-стрит – небольшая улица в центральной части Лондона, где в доме №10 находится лондонская резиденция премьер-министра Великобритании. Букингемский дворец – официальная лондонская резиденция британских монархов.

что большая часть его окружения в Англии считала, что этот брак заключался по финансовым соображениям. Однако никто не ставил ему это в вину. Кроме того, красота и живое обаяние графини позволяли поддерживать в глазах высшего света миф об истинно романтических отношениях между будущими супругами.

В утонченных чертах лица Марии Консепсьон сквозила некоторая надменность, что наводило графа на мысль о том, что, возможно, в отдаленном прошлом к ее роду примешалась арабская кровь, как это часто бывало в старых андалусских семьях. У графини была гладкая бронзовая кожа, изящные резко очерченные скулы и твердая линия подбородка. Ее янтарные глаза были необычайно яркими и выразительными.

Учитывая необычный интерес графини к различным духовным учениям и практикам, можно было ожидать от нее небрежного отношения к одежде и эксцентричности манер. Однако на деле оказалось, что она тщательно следит за своим внешним видом и одевается с безукоризненным вкусом, отдавая предпочтение простоте и изысканности стиля Ива Сен-Лорана. Соблазнительно чувственная, окруженная аурой богатства и власти, Мария обладала таким неотразимым обаянием, что Чарльз иногда и сам не понимал, является ли он в этой игре охотником или жертвой. То обстоятельство, что у графини никогда не было любовника, также было весьма интригующим.

Несмотря на то, что в семейном бизнесе Мария Консепсьон полагалась на своих управляющих, а контроль над капиталовложениями доверяла советникам, было ясно, что она с детства привыкла иметь собственное суждение. Больше всего Чарльза выводила из себя одна ее привычка, которую он называл «духовещанием». Он совершенно терялся, когда графиня ссылалась на высшие силы при обсуждении экономических аспектов добычи меди или выращивания кофейных зерен или обнаруживала метафизическую причинно-следственную связь в самых что ни на есть обыденных вещах. Казалось, она не могла закончить ни одну беседу, чтобы не оседлать своего любимого конька и не упомянуть «обездоленных индейцев».

Рассматривая предстоящий брак как слияние двух компаний, как того хотел Охотник Джон, Чарльз понимал, что за этим последуют свежие вливания капитала в семейный бизнес Гриффинов, которые радикально улучшат его баланс. Это позволит начать совместную коммерческую деятельность и, что важнее всего, вернуть ощутимый и надежный денежный поток в Ардун. Кроме того, этот брак повысит репутацию графа в Лондонском Сити и позволит ему открыть кредитную линию, которую он сможет использовать для личных капиталовложений. При таком раскладе граф готов был какое-то время оставаться в тени «корпоративной культуры» графини. Однако он был уверен, что со временем сможет поправить свои дела и изменить соотношение сил в свою пользу.

– Ты же знаешь правило, старина, – увещевал его Мортимер Гранвилль, обсуждая брачный проект за ланчем в клубе «Уайтс» в Сент-Джеймс. – Если история слишком красива, чтобы быть правдой, то, скорее всего, так оно и есть.

– Это правило для плебеев, – не соглашался граф. – Всякий раз, когда моей семье удавалось сорвать большой куш, его объясняли счастливым стечением обстоятельств. Однако когда эти обстоятельства рассматривали *post factum*⁴⁶, они оказывались вполне предсказуемыми. Вся штука в том, чтобы не судить задним умом, а уметь заглянуть на шаг вперед.

– Да, много бы я дал, чтобы узнать завтрашний расклад на бирже, прежде чем прозвенит звонок к ее открытию! – произнес Гранвилль задумчиво.

Прятели расхохотались.

– И потом, – продолжал Чарльз, – это не значит, что она ничего не получит взамен, – он имел в виду графиню. – У нее тоже есть свои требования.

⁴⁶ Post factum (лат.) – после того, как что-либо уже произошло; задним числом.

– Она хочет, чтобы ты стал католиком? – поддразнил его Гранвилль, выказывая, однако, живейший интерес.

– К счастью нет, но, возможно, ты ближе к истине, чем думаешь сам. Она хочет, чтобы наш наследник был римским католиком.

– Уже думаете о наследнике! Вот это да! Стало быть, ты продвинулся гораздо дальше, чем я думал!

– Сказать по правде, Мортимер, рождение наследника является ее главным мотивом... если не единственным.

Чарльз покусывал губы. Он не хотел углубляться в детали. Уже в шестом классе Итонского колледжа у Мортимера были все задатки консерватора в вопросах нравственности, – а ему тогда едва исполнилось семнадцать лет. Их с Чарльзом школьная дружба продолжалась в лондонских клубах. В военное время приятели вместе участвовали во всех общественных событиях и встретились снова в Оксфорде после войны. С безошибочным чутьем Мортимер выбрал направление своей карьеры и присоединился к престижной фирме биржевых маклеров в Лондонском Сити. Вскоре он стал старшим партнером и уже имел дело со счетами королевской семьи и нескольких видных представителей Консервативной партии. Все, кто его знал, признавали, что получение им звания рыцаря или даже пэра является только вопросом времени. Правящие круги всегда заботились о тех, кто направляет «денежный поток» в их карман.

Чарльз знал, что Мортимер ни за что не одобрил бы его брачный проект, если бы узнал о потрясающей целеустремленности графини в вопросе о наследнике. Она не слишком интересовалась романтической стороной отношений с графом. Ей нужен был муж, который бы не мешал выполнению ее миссии – возмещению причиненного индейцам ущерба. Если же избранник готов был разделить убеждения и энтузиазм графини, как в свое время уверял ее Чарльз Гриффин, – что ж, тем лучше!

* * *

Чарльз был должником фирмы, в которой работал Мортимер, и потому не хотел подводить его. Он поставил бы друга в весьма неудобное положение, если бы рассказал ему, что и сам с трудом преодолел дурные предчувствия насчет предполагаемого брака, да и то после того только, как агенты Налоговой службы нагрянули в Ардун, чтобы составить график принудительной продажи имущества.

До того дня Чарльз никогда не думал об Ардунах как о чем-то, чему может быть назначена цена, тем более как о чем-то, что может быть продано. Поля, леса, реки и озера Ардуна, его звери, птицы и рыбы, так же как и главный дом, и коттеджи рабочих, и приходская церковь, и прочие строения на территории поместья являлись для Чарльза отдельной вселенной. Чудесные виды, ветерки и ароматы Ардуна были источником, из которого граф черпал душевные силы. Каждое поколение Гриффинов обретало в Ардунах ощущение принадлежности к своему роду, неразрывной связи с предками, а вместе с тем – и с потомками, которые непременно должны были родиться на этой земле. Ардун был единственным святым местом в жизни Чарльза – святилищем, в котором бережно хранилась и почиталась коллективная память его семьи. «Ардун – это центр всего моего существа», – сказал он однажды, пытаясь объяснить первой жене из Бостона, что значит для него родовое имение.

Сказать, что поместье съедало остатки семейных денежных средств, означало бы сильно упростить картину. Культурная ценность поместья росла с каждым столетием, и оно по-прежнему представляло собой несократимый остаток семейного капитала. Уже по одной этой причине Ардун нельзя было рассматривать, как товар, который можно при случае купить, или продать, или использовать в качестве обеспечения по займу для уплаты налогов. К тому же, граф уже заложил Ардун, чтобы оплатить игорные долги и потери в бизнесе.

«Вы можете с таким же успехом предложить мне продать родителей или предать мою страну, – писал он в Налоговое управление. Письмо было сочинено под действием алкоголя и представляло собой последнюю попытку убедить чиновников повременить с уплатой налогов на наследство. – Немыслимо, чтобы хоть одно дерево, хоть один столб в Ардуне принадлежал кому-либо, кроме Гриффинов».

И все-таки они пришли.

«Смерды, – с ненавистью думал Чарльз, глядя исподлобья на угрюмых правительственных землемеров в коричневых комбинезонах и резиновых сапогах. – Они напоминают мне палачей, которые пришли взвесить приговоренного к казни, чтобы рассчитать прочность виселицы».

Граф медленно вез землемеров на своем автомобиле по полям и дорогам Ардуна, пока те писали и чертили что-то дешевыми шариковыми авторучками на казенной миллиметровой бумаге, методично разбивая святую для него землю на лоты для продажи, оскверняя ее избитыми клише в своих описаниях, и подсчитывая цену, которую можно будет выставить на аукционе.

«Кромвелевские бастарды», – процедил граф сквозь зубы, глядя вслед удаляющимся агентам. В этот момент ему отчаянно захотелось излить царившее в душе смятение в разговоре с кем-нибудь.

Его первая мысль была об Оливере – зрителе Ардуна. Тот как раз приближался к нему, неспешно шагая среди пасущихся на лугу овец. В детстве Чарльз смотрел на Оливера как на старшего товарища, считая его молчаливость признаком мудрости. Он восхищался физической силой и сноровкой, с которой тот выполнял любую работу в имении. Самые теплые детские воспоминания Чарльза были связаны с тем временем, когда они с Оливером выкуривали кроликов из нор, рыбачили, ухаживали за новорожденными ягнятами, присматривали за небольшим стадом оленей, заготавливали дрова, ночевали в палатке, натаскивали собак и объезжали лошадей. Тогда Чарльзу казалось, что Оливер намного взрослее его самого, хотя на самом деле тот был старше всего на семь лет. Оливер родился в одном из коттеджей, которые стояли рядом с обнесенным стеной садом неподалеку от главного дома. В то время отец Оливера служил смотрителем имения, а его мать – старшим поваром. Хотя Оливер соблюдал в отношениях с юным джентльменом почтительную дистанцию, приличествующую прислуге, Чарльз всегда считал его чуть ли не кузеном.

Он осознал различие в их социальном положении только в последние годы войны, когда Оливер вернулся с ранением из Нормандии, одетый в униформу Оксфордширской и Букингемширской легкой пехоты со знаками различия капрала. Встречая его, Чарльз из уважения надел униформу Королевской конной гвардии. Когда он шагнул вперед, чтобы приветствовать старого товарища и наставника, Оливер немного неуклюже вытянулся по стойке смирно и отдал ему честь.

Сейчас, глядя на приближающегося Оливера, граф понял, что не сможет заставить себя рассказать старому слуге, что делали сборщики налогов в имении в этот день. Чарльзу была невыносима мысль о том, что ему придется признаться в своих безрассудных финансовых авантюрах, в результате которых им обоим, возможно, придется покинуть родной дом – дом, которому, несмотря на разные пути, оба они хранили верность всю жизнь.

Не сказав ни слова, Чарльз вернулся в апартаменты и перенесся на свой спасительный «остров» с помощью двух двойных шестнадцатилетних односолодовых виски «Lagavulin» с острова Айлей. Когда медленно растекающийся по жилам огонь растопил ледяной ком, засевший у него под ложечкой, граф вновь обрел способность хладнокровно и ясно размышлять об опасности, нависшей над семейным состоянием.

– Это злой рок, который погубит все, что нам дорого, если я не остановлю его! – заключил он.

Часом позже Чарльз вышел из дома и, пройдя через чудесные итальянские сады, разбитые с западной стороны, поднялся по ступенькам на небольшую смотровую площадку. Вид, открывшийся в западном направлении, напомнил ему, как высоко стоит Ардун над Котсуолдскими холмами. Не было видно ни дорог, ни зданий, ни оград, ни других следов человеческой деятельности. На склонах холмов раскинулся пасторальный парк с рассеянными по нему кучками деревьев, переходящими в низинах в густой лес. Солнце в огромном и торжественном небе над Ардуном медленно клонилось к горизонту.

Граф прислушался к прощальным песням пернатых обитателей имения; они действовали на него умиротворяюще. Внезапно он услышал пронзительный крик крупной птицы. На мгновение ему почудилось, что кричит орел, но оказалось, что это – всего лишь запоздалый грач, возвращающийся в гнездо после кормежки в полях.

Густой неподвижный воздух наполняли душистые запахи лаванды, чабреца и других трав. Сильнее всех был запах ночецветного жасмина, кусты которого окружали итальянский сад. Никогда еще Ардун не был так дорог Чарльзу, как в эти минуты.

Настало время принять решение. Если судьба дает ему шанс спасти Ардун ценой кабального брачного контракта со странной женщиной из чужой страны и чужой культуры, значит, так тому и быть. Долг – прежде удовольствия! Кроме того, граф понимал, что если он будет тянуть время, то графиня без труда найдет другого кандидата, который поможет исполнить ее мечту о наследнике. «Настало время решать свою судьбу, старина! – сказал он вслух, ища в сумеречном небе первую звезду. – Мортимер никогда не одобрил бы такое решение, но Охотник Джон – одобрил бы».

* * *

Графиня убедила архиепископа Севильи дать разрешение на церковный брак, хотя граф был дважды разведен и не являлся католиком. Однако архиепископ ни за что не соглашался проводить свадебную церемонию в Севильском Кафедральном соборе. Во избежание пересудов, которые могло породить в обществе венчание в менее престижном месте, графиня обратилась к кузену, кардиналу, с просьбой организовать скромную свадебную церемонию в стенах Ватикана. На церемонии присутствовало совсем немного гостей. Обе стороны одновременно объявили о браке в Англии и Испании.

В то время как неудачи первых двух браков весьма затуманили перспективы графа в банке «Браунз», союз с графиней, напротив, значительно укрепил его позиции. Чарльз испытывал огромное облегчение. Достигнутые финансовые соглашения полностью покрывали неуплаченные налоги и текущие потребности всех семейных владений Гриффинов. Они обеспечивали графу личный доход, который его вполне устраивал. Более того, графиня доверила банку «Браунз» распорядиться значительной частью своих капиталовложений.

В результате банк создал новое Американское отделение и назначил Чарльза Гриффина заместителем председателя совета директоров банка. Американскому отделению, которое возглавил граф, было поручено возродить торговую деятельность банка в Канаде и в дальнейшем использовать ее в качестве платформы для проведения крупных финансовых операций в Соединенных Штатах и Карибском бассейне. Любой новый бизнес, который граф пожелал бы открыть в Латинской Америке, используя связи графини, приветствовался и мог послужить приятным бонусом.

Для выполнения этого плана летом 1962 года граф отправился в двенадцатимесячную деловую поездку. Идя навстречу пожеланиям графини, он выбрал местом проживания Монреаль. Аргументируя свой выбор в банке «Браунз», Чарльз сказал, что хотя Торонто быстро набирает силу, Монреаль по-прежнему остается главным финансовым центром Канады, в котором расположены многие крупнейшие корпорации и финансовые учреждения. Из Монреаля он

мог быстро добраться поездом или самолетом до Торонто и Оттавы, а если на то пошло, то и до Нью-Йорка.

Кроме того, Чарльз давно хотел посетить фактории и магазины Компании Гудзонова залива на дальнем севере, а заодно посмотреть на белых медведей, которые проделывали сотни миль, чтобы совершать набеги на мусорные свалки в небольшом северном городке Черчилл.

В Монреале граф остановился в бывшей резиденции Охотника Джона на Пайн-авеню рядом с университетом Макгилла и госпиталем Роял Виктория. Дом стоял на южном склоне Мон-Руаяль – Королевской горы – достаточно низко, чтобы из него хорошо был виден огромный подсвеченный крест на вершине горы, но достаточно высоко, чтобы из окон можно было любоваться панорамой центральной части города, которая открывалась над крышами стоявших внизу зданий. Дом был возведен шотландским инженером, строившим железные дороги в Квебеке и Онтарио. Он был стилизован под средневековый феодальный особняк с серыми гранитными плитами, зеленой медной кровлей, декоративными башенками и разновеликими витражными окнами и вполне уместно смотрелся бы среди замков Абердина⁴⁷. Особняк напоминал графу семейный охотничий домик, стоявший неподалеку от города Инвернесс в Северо-Шотландском нагорье.

Многие общественные здания Монреала строились в старые колониальные времена с таким расчетом, чтобы британские экспатрианты⁴⁸ чувствовали себя здесь как дома. Так, обстановка клуба Сент-Джеймс, расположенного в деловом районе, являла собой попытку воссоздать атмосферу лондонского джентльменского клуба, а отель «Ритц» на Ру Шербрук выглядел скромным напоминанием о своем парижском тезке. Излюбленным местом горожан для празднования дней святого Георга, святого Андрея, святого Давида и святого Патрика был танцевальный зал в отеле «Виндзор», а офицерская столовая Гренадерского гвардейского полка и Черной Стражи славилась неизменным гостеприимством. Будучи английским лордом, Чарльз Гриффин мог пользоваться всеми мыслимыми привилегиями и жить в центре Монреала припеваючи, обходясь без единого слова по-французски.

* * *

Осенью, когда летняя духота прошла, и воздух снова стал сухим и бодрящим, в Монреаль вслед за мужем прибыла графиня. Она была очарована красной, бурой и золотистой листвой, трепетавшей на ветках деревьев и устилавшей землю шуршащим одеялом.

В Лондоне графиня взяла за правило дважды в неделю совершать конные прогулки по аллее Ротген-Роу в Гайд-парке. Обычно ее сопровождал граф или – в его отсутствие – офицеры Королевской конной гвардии, которые выезжали в парке лошадей, содержащихся в конюшнях Найтсбриджских казарм. По приезде в Монреаль, графиня договорилась с местными конюшнями, чтобы ей дважды в неделю доставляли лошадей на Бобровое озеро, расположенное на вершине горы Мон-Руаяль. Вместе со своим эскортом она целыми днями разъезжала верхом по лесам и горным тропам, останавливаясь, чтобы полюбоваться видами города и взглянуть через остров на реку Святого Лаврентия.

Синее небо Монреала напоминало Марии об Андалусии. А затем зима мягко вступила в свои права. Первый снег укутал горы, деревья, улицы и дома бесшовным сияющим саваном, словно очистив шумный город от пороков. Но за ним безжалостно следовали новые и новые снегопады. Чередующиеся с ними оттепели превращали свежий слой хрустящих белых кристаллов в снежную кашу, перемешанную с просоленным гравием. Эта каша собиралась в улич-

⁴⁷ Абердин – город в Шотландии.

⁴⁸ Экспатриант – тот, кто покинул родину и потерял гражданство (в отличие от эмигранта, который, как правило, не утрачивает гражданства).

ных ливнеотоках, достигая порой глубины в несколько дюймов. А когда свирепый зимний ветер кружил по Ру Шербрук и Бульвару Мезоннев, проникая сквозь меха и шерстяную одежду и пронизывая до самых костей, графиня тосковала по родной Севилье.

Мария не привыкла к северным зимам и не чувствовала большого желания сопровождать мужа в его деловых поездках. Однако она считала Монреаль благоприятным местом для рождения ребенка. Всего в десяти милях от города находилась деревня Кахнаваке индейского племени мохавков. Здесь стояла маленькая церковь, где в выстланной шелком гробнице, сооруженной иезуитскими священниками, хранились тонкие кости Катери Текаквиты – «Лилии мохавков».

* * *

Сочувствие к индейцам пробудилось в донне Марии Консепсьон так рано, что она не помнила точно, когда и почему это произошло. Возможно, все дело было в детских впечатлениях от большой – во всю стену – написанной масляными красками картины XVI века, висевшей в гостиной семейной гасиенды в Андалусии. На картине был изображен Христофор Колумб, вернувшийся после одной из экспедиций в Новый Свет и устроивший шествие индейцев по улицам Севильи к королевскому дворцу.

Когда Мария стала старше, она узнала, что индейцы, вероятнее всего, принадлежали к племени *таино*, проживавшему на Кубе или на острове Эспаньола, на котором впоследствии образовались Доминиканская Республика и Гаити. Колумб насильно привез индейцев *таино* в Испанию, чтобы продать их в рабство и таким образом окупить свои экспедиции. Попутно он использовал их в качестве диковинок для развлечения королевского двора.

Художник, получивший высочайшее разрешение на создание картины, изобразил индейцев с попугаями и туканами на плечах, игуанами и черепахами в деревянных клетках и связками заморских растений – табака, хлопчатника, картофеля и экзотических фруктов – в руках. Обнаженные бронзовые тела были причудливо раскрашены. Там, где того требовали приличия, художник снабдил их маленькими фартуками, сплетенными из семян, прошитых хлопковыми нитями. Пышные головные уборы индейцев были увенчаны перьями попугаев, которые торчали вокруг головы в виде короны. Яркие перья пучками свисали с повязок на руках, коленях и лодыжках.

Со временем, лучше узнав историю испанского завоевания Нового Света, Мария стала критически относиться к работе художника. Она заметила, что тот не показал на картине потерянность, страх, изнеможение и тоску по родине, которые несомненно испытывали пленники. Не показал он и горе индейцев, связанное с тем, что многие члены их семей и друзья умерли по пути в Испанию в переполненных трюмах маленьких кораблей Колумба, а их тела были бесцеремонно выброшены за борт на съедение акулам. Вероятно, художник полагал, что у индейцев не может быть ни мыслей, ни чувств, поскольку он придал им всем одинаковое, как у кукол, бесстрастное выражение лица.

Оставаясь одна в гостиной, Мария осторожно забиралась на стул рядом с картиной и подолгу всматривалась в глаза индейцев, как русская девочка могла бы разглядывать икону Христа или Девы Марии. Она читала у них на лицах то же блаженное спокойствие, которое привыкла видеть на картинах и статуях христианских мучеников, идущих на смерть, а в глазах – молитвенную сосредоточенность, как в глазах у Христа, несущего свой крест по улицам Иерусалима.

Мария по-детски горевала, оттого что вся Севилья и, в особенности, ее собственная семья обращалась с индейцами так же, как римляне обращались с Христом: они схватили его и заточили в темницу, глумились над его верой и заставили идти на казнь через весь город в назидание праздным зевакам. Это горестное чувство осталось с ней на всю жизнь. В день сво-

его шестнадцатилетия Мария дала обет, что каждый год в Великую пятницу Страстной недели будет совершать крестный ход по улицам Севильи в память об индейцах, которые проделали здесь свой собственный *via dolorosa*⁴⁹.

* * *

В 1930-е годы, когда Мария Консепсьон училась в школе, испанская система образования относилась к коренным жителям Нового Света, в основном, ацтеков, инков и майя, иногда признавая существование практически исчезнувших карибов и араваков. В учебниках мимоходом упоминались контакты конкистадоров⁵⁰ с индейскими племенами Южной Калифорнии, Нью-Мексико и Флориды, а также с племенами, живущими по берегам Миссисипи. Андалусцы очень гордились тем, что арабские и андалусские скакуны и ослы, которых конкистадоры привезли в Америку, кардинально изменили образ жизни североамериканских индейцев. При этом очень мало сообщалось о племенах, живущих на севере Соединенных Штатов Америки, если не считать рассказов о «краснокожих дьяволах» с рогами на головах и копьями в руках. И совсем не упоминались индейцы Канады.

Живя в мире, где господствовали происпанские взгляды на Америку, Мария была крайне удивлена, когда в 1932 году Ватикан объявил о начале официального расследования, в результате которого – впервые в обеих Америках – индейская женщина могла быть причислена к лику святых. Речь шла об ирокезской девушке из племени мохавков, которая жила и умерла в Новой Франции – французской колонии, позднее превращенной в Канадскую провинцию Квебек.

Мария Консепсьон узнала эту новость от семейного священника, отца Молины – отставного профессора классических дисциплин Севильского университета и члена Общества Иисуса.

В тот день отец Молина собрал детей на веранде гасиенды на одно из ежемесячных занятий. В свои семь лет Мария была самой младшей в группе. Самым старшим был ее брат Карлос, которому уже исполнилось семнадцать лет. Второму брату Марии, Иньиго, было шестнадцать. Кроме них на уроке присутствовали два мальчика четырнадцати и шестнадцати лет – сыновья слуг, работавших в доме ее отца.

Отец Молина рассказал детям о Катери Текаквите – «кроткой индейской девушке, носившей одежду из оленьих шкур, мокасины и перо в волосах». Он говорил о том, как своей близостью к природе – подобно Франциску Ассизскому – и своим целомудрием она заслужила прозвище «Лилии мохавков».

До этого дня Мария ни разу не слышала, чтобы об индейце говорили как об отдельной личности, у которой могут быть семейные отношения и внутренняя духовная жизнь. Поначалу ее не очень занимали подробности обращения Катери Текаквиты в христианство – это было для нее как бы само собой разумеющимся. Марию больше увлекло устройство ирокезского Длинного дома, в котором семья Катери жила вместе с другими семьями. Дочь испанского гранда⁵¹ была очарована платьем индейской девушки из оленьей кожи, ее мокасинами на жесткой подошве и украшениями из бус. Она с удивлением узнала, что пища Катери состояла из рыбы, оленины, маиса и гороха. Ей хотелось побольше узнать об отношениях Катери с семьей и соплеменниками, а также о быте мохавков, живущих в лесах, по берегам рек и озер на востоке Америки и Канады.

Мальчиков больше интересовали отец и дядя Катери.

⁴⁹ *Via dolorosa* (лат.) – крестный путь.

⁵⁰ Конкистадоры [от исп. *conquistador* – завоеватель] – участники испанских завоевательных походов в Южную и Центральную Америку.

⁵¹ Гранд – в Испании высший дворянский наследственный титул, а также лицо, носящее этот титул.

– А они ездили на мустангах, отец Молина? А у них были луки и стрелы? – наперебой сыпали вопросами Карлос, Иньиго и остальные юноши.

– Мустангов чаще разводили племена, которые обитали на западных равнинах и охотились на бизонов, – отвечал отец Молина. – Их образ жизни сильно отличался от образа жизни лесных племен. Ирокезы обычно передвигались в каное или пешком. Зимой они пользовались снегоступами и тобогганами – санями с собачьей упряжкой. Кроме луков и стрел они были вооружены топорами и ножами. Кроме того, у них были мушкеты, большую часть которых они выменяли на меха у голландцев, французов и англичан.

– А они снимали с людей скальпы? – спросил Иньиго с дьявольским любопытством.

– Мертвые не чувствуют боли, – отвечал отец Молина, – поэтому я бы не стал беспокоиться об этом слишком сильно. Но живые – чувствуют; и это правда, что ирокезы пытали своих врагов. В этом черные сутаны могли убедиться на собственном опыте.

– Черные сутаны? – переспросил Карлос.

– Да – иезуиты. Хотя это в равной мере относится и к другим христианским миссионерам, – объяснил священник.

– А это правда, что вы – иезуит, отец Молина?

– Да, это так, но в Нью-Йорк и Квебек ехали не испанские иезуиты, а наши французские братья.

– Ирокезы ели черных сутан? – продолжал допрос Иньиго.

– Нет нужды стущать краски, Иньиго. Индейцы пытали и убили некоторых из нас, но, как правило, они оставляли людоедство для своих традиционных врагов.

– Но это ужасно! – воскликнул Иньиго с явным удовольствием.

– Да, в этом-то все и дело. Ирокезы сеяли страх в сердцах врагов. Они лишали их мужества прежде, чем те решались начать войну. А если война все же разгоралась, то ирокезы старались психологически подавить противника в рукопашной схватке. Вот почему они наносили на свои тела татуировки. Это было что-то вроде магической защиты, которая вселяла ужас во врага.

– Так вот для чего мохавки брили головы и оставляли на них гребешки волос? – растопырив пальцы, Иньиго изобразил вздыбленный гребень у себя на голове.

– Да, он так и называется – ирокезский гребень или попросту «ирокез», – ответил отец Молина. – Я полагаю, что благодаря гребню воины казались выше ростом и выглядели более устрашающе. Но вспомните, ведь и наши испанские конкистадоры носили похожие головные уборы – металлические шлемы с высоким гребнем и оперением.

– Но ведь черные сутаны не были врагами ирокезов, – присоединился к допросу Карлос. – Почему же ирокезы мучили их?

– Они считали иезуитов своими врагами, Карлос. Они думали, что черные сутаны – колдуны, виновные во многих ужасных бедствиях – неурожаях, эпидемиях европейских болезней, – которые постигли индейцев. Они думали, что мы разрушаем их обычаи, их верования и семейный уклад или строим им какие-либо другие козни в этом роде.

– А когда иезуиты ехали в Америку, они знали, что их будут пытаться, а может быть, и убьют? – не отступался Карлос.

– Первые из них понимали, что риск велик. Те, кто следовали за ними, знали, что произошло с их предшественниками. А некоторые из тех, кто выжил после пыток, возвращались туда снова, – отвечал отец Молина.

– Но почему!?! – хором воскликнули Карлос и Иньиго.

– Почему Христос пошел в Гефсиманский сад после тайной вечери, хотя и знал, что один из учеников предаст его в тот вечер? Когда его охватила смертная скорбь, он взмолился, обращаясь к своему Небесному Отцу: *«Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия»*. Но потом прибавил: *«Впрочем, не как Я хочу, но как Ты»*.

При звуках знакомых фраз из Нового Завета дети затихли. Поскольку никто из них не нашелся что сказать, отец Молина продолжал свою проповедь.

– «*Кровь мучеников есть семя христианства!*» – произнес он тоном, подразумевающим, что сказанное не требует доказательств.

Последовавшее за этим долгое молчание нарушила Мария.

– Иезуиты *хотели* умереть? – спросила она.

Отец Молина долго смотрел на девочку, словно его внезапно захватила некая мысль. Затем он соединил ладони и прижал кончики указательных пальцев к нижней губе.

– Устами младенца... – сказал он. – Какой любопытный вопрос!

* * *

Отец Молина подарил каждому из детей закладку для богослужебных книг, на которой была изображена Катери Текаквита. На обратной стороне закладки мелким шрифтом было напечатано краткое жизнеописание Катери, которое Мария выучила наизусть. Мать Катери принадлежала к племени алгонкинов, а отец – к племени мохавков. Оба родителя и брат умерли от оспы, занесенной в Америку европейцами. Катери выжила, хотя болезнь подорвала ее здоровье – у нее ухудшилось зрение, а на лице осталось множество рубцов. Через некоторое время она вступила в христианскую общину «молящихся мохавков» в новой деревне Ках-наваке. Деревню основали иезуиты в десяти милях к юго-западу от крупного, хорошо защищенного французского поселения Вилль-Мари, позже переименованного в Монреаль. Катери приняла крещение, когда ей исполнилось двадцать лет. Она хотела стать монахиней и дала обет целомудрия. Но епископ посчитал, что девушка не готова к монашеской жизни. Несмотря на это иезуиты позволили ей стать послушницей при их миссии. Катери умерла от пневмонии в 1680 году в возрасте двадцати четырех лет.

* * *

Двадцать четыре года казались семилетней Марии Консепсьон почти что старостью в тот день, когда отец Молина собрал их на веранде гасиенды. Она поняла, как молода была Катери, только в четырнадцать лет, когда ее среди ночи разбудила мать и, заливаясь слезами, отвела в кабинет отца. Отец сказал Марии, что ее брат Карлос, которому только что исполнилось двадцать четыре года, был застрелен насмерть снайпером на улицах Мадрида и что Иньиго был убит несколькими минутами позже тем же самым снайпером, когда бросился спасать брата.

Братья погибли в нескольких милях к северу от Севильи, участвуя в наступлении националистических сил, которые предприняли последнюю попытку захватить Мадрид в последние недели гражданской войны. Так же как и многие молодые люди в Андалусии, придерживавшиеся консервативных взглядов и вовлеченные в националистическое движение, они верили, что защищают церковь Испании от объединенных сил безбожников-коммунистов, анархистов и интернационалистов, вступивших в коалицию с испанскими республиканцами.

– Им нужно было сделать татуировку на лицах, – сказала Мария отцу Молине на похоронах, – и гребень на голове, как у ирокезских воинов.

В прощальной речи, посвященной братьям, и в отрывках из библии, которые читал священник, часто звучало слово «мученики».

Два других мальчика, сидевшие на веранде в тот день, когда отец Молина впервые заговорил о Катери и об ирокезах, тоже погибли на гражданской войне, но по другую сторону линии фронта, сражаясь за республиканцев.

* * *

Четыре года спустя, в 1943 году, когда Марии Консепсьон исполнилось восемнадцать лет, Ватикан официально объявил, что Катери Текаквита обладала добродетелью праведницы. Это была необходимая первая ступень канонизации, за которой должно было последовать причисление ее к лику блаженных, а затем – к лику святых. По такому случаю Ватикан издал новое изображение Катери Текаквиты, на котором отсутствовали следы оспы, обезобразивавшие ее лицо. Вместо этого у девушки была безупречно гладкая бронзовая кожа, карие глаза и черные волосы. Согласно показаниям благочестивых свидетелей, ухаживавших за Катери, через пятнадцать минут после смерти шрамы на ее лице чудесным образом исчезли, и она засияла красотой. Девушка, изображенная на новой картинке, могла быть испанкой – она даже могла быть самой Марией Консепсьон. Сходство нарушали только две длинные косы, в которые были заплетены ее волосы, повязка с пером на голове, мокасины и блуза из оленьей кожи с бахромой, свободно спускающаяся на длинную – до щиколоток – юбку из оленьей кожи.

Священник объявил новость о Катери Текаквите с кафедры монастырской часовни за час до того, как Мария Консепсьон покинула стены святой обители. Шестимесячный срок ее послушничества истек накануне вечером, и ей было велено удалиться из монастыря после торжественной мессы на следующий день. Настоятельница, когда-то служившая прачкой у ее родителей, сообщила Марии, что ее аристократическое высокомерие и духовная гордыня делали ее непригодной для монашеской жизни.

– Мария, ты должна смириться с тем, что Господь дарует высокое призвание к монашеству лишь немногим избранным. Возблагодари же Господа за те привилегии и богатство, которые он даровал твоей семье, приноси покаяние и поддерживай Церковь Христову. Твое призвание в том, чтобы быть женой и матерью.

– Почему оно стоит на втором месте? – спросила Мария.

– Что стоит на втором месте, дитя мое?

– Призвание быть матерью.

– Разве я сказала это?

– Так я поняла вас. Вы сказали, что я должна стать матерью, потому что я не принадлежу к тем немногим, кто избран для монашеской жизни.

– Но я совсем не это имела в виду. Быть матерью – благородное призвание.

– Тогда почему вы и все ваши сестры не стали матерями?

– Потому что мы дали святой обет целомудрия. Хранить девственность – это тоже благородное призвание.

– Это более *высокое* призвание, чем материнство?

– Нет, моя дорогая, я этого не говорила. – Помедлив в нерешительности, настоятельница попыталась объяснить еще раз. – Святой Павел считал, что целомудрие – более *совершенное* состояние.

– Значит, Христос был рожден женщиной, которая находилась в менее совершенном состоянии?

– Я не совсем понимаю, к чему ты клонишь, Мария, но в любом случае Христос – Сын Божий.

– Но его мать была человеком.

– Это, действительно, так. Но она была девственницей.

– Значит, быть матерью и девственницей – более совершенное состояние, чем быть просто матерью или просто девственницей.

– Ты сбиваешь меня с толку, дитя мое. Я не богослов, я – простая дочь Христова.

– Я всего лишь пытаюсь понять.

– Если бы нам все было ясно, не было бы нужды в вере. Некоторые самые драгоценные истины Господа нашего являются тайной, которую может постичь только Его божественный разум. Просто прими на веру, что в случае Марии не было противоречия между материнством и девственностью. Мария стала матерью при посредничестве Святого Духа.

Новость о том, что церковь считает Катери Текаквиту праведницей, была объявлена в тот самый день и почти в тот же час, когда Мария Консепсьон должна была оставить святую обитель.

«Должно быть, это знамение Святого Духа, – думала Мария. – Катери тоже пыталась стать монахиней, но была отвергнута епископом. Однако она продолжала жить так, что обрела святую праведность».

Всякий раз, когда Мария размышляла на эту тему, оказывалось, что очень немногие из ее любимых святых были монахами, монахинями или священниками. Зато многие из них были девственниками или девственницами. Христос тоже был девственником, так же как и его мать; и Мария заметила, что когда церковь объявляла каких-либо женщин достойными почитания, как в случае Катери Текаквиты, она всегда подчеркивала их девственность, видя в этом источник их святости и духовной силы. Мария пришла к выводу, что именно то исключительное значение, которое церковь придает девственности или, по крайней мере, целомудрию, отличает христианство от ислама, иудаизма и большинства других религий.

В последующие годы донна Мария Консепсьон упорно пыталась прояснить для себя эти зарождающиеся в глубине души мысли и чувства. Но к тому дню, когда она была вынуждена уйти из монастыря, у нее уже сложилось твердое убеждение относительно двух вещей. Во-первых, если она хочет сберечь свой духовный потенциал, она должна сохранить девственность; почитание церковью «Лилии мохавков» служило тому еще одним доказательством. Во-вторых, сочувствие, которое она испытывала к коренным жителям Америки с тех пор, как маленькой девочкой увидела на картине плененных индейцев *таино*, должно было стать путеводной нитью во всех добрых делах ее жизни.

* * *

После смерти братьев Мария Консепсьон осталась у отца единственным ребенком, и он официально назначил ее своей наследницей. Мария знала, в какое смятение повергло графа известие о том, что его дочь переступила порог женского монастыря. Многими годами позже, уже перед самой кончиной, отец признался ей, что совершенно определенно дал понять тогда своей бывшей прачке – настоятельнице, что монастырь не получит от него ни гроша, если только его дочери будет позволено принять постриг. Кроме того, он обещал подать официальную жалобу архиепископу Севильи и, если потребуется, поднять этот вопрос в Ватикане.

Когда Мария Консепсьон покинула святую обитель, отец убедил ее «закрыть уши для звона колоколов», доносившегося из бесчисленных церквей и монастырей Севильи, и провести время, оставшееся до конца войны, вместе с ним в Швейцарии, – как он выразился, «в духовной стерильности Кальвинистской Женевы». Здесь у нее появилась возможность отшлифовать свой к тому времени уже достаточно беглый английский и продолжить образование с частным преподавателем.

Ее наставницей стала Дороти Эмерсон – лектор по моральной философии из Кембриджского университета, которая взяла творческий отпуск и приехала в Швейцарию на время войны для того, чтобы исследовать общие аспекты морали фашизма, коммунизма и демократии.

Дороти считала, что Мария Консепсьон уже достигла возраста, в котором обучение должно отталкиваться от ее собственных вопросов. Мария должна была выбрать тему, которая ее больше всего интересует, и использовать эту тему в качестве остова, на который в дальнейшем она сможет, как ребра, нанизывать свои научные познания в других областях.

– Индейцы, – сказала Мария, не раздумывая. – Ирокезы.

– Давайте облечем это в форму вопроса, – сухо отвечала Эмерсон. – Например, является ли война продуктом современной цивилизации или мы унаследовали ее от древнего общества?

Через две недели Мария Консепсьон представила на суд наставницы эссе, в котором обобщила все, что она почерпнула из прочитанных ею книг. Первоначально ирокезы представляли собой пять независимых племен, которые говорили на разных диалектах одного и того же языка. В период со второй половины XIII века по начало XV века они объединились, создав союз или конфедерацию пяти племен. После 1722 года, когда к ним присоединились племена, переселившиеся из Северной и Южной Каролины и говорившие на ирокезском языке, этот союз превратился в конфедерацию шести племен. Самый большой вклад в создание Конфедерации ирокезов внес легендарный человек по имени Деганавида – Великий Миротворец. Именно он заручился поддержкой Гайаваты.

Дороти Эмерсон пользовалась собственными литературными источниками.

– На самом деле они не называли себя ирокезами, – сказала она. – По всей видимости, это был французский вариант слова, которое гуруны использовали, когда хотели оскорбить врагов. Оно означало «черные змеи».

– Знаю, знаю! – воскликнула Мария Консепсьон сердито, огорченная тем, что учитель предвосхищает ее собственные находки. – Они называли себя *Ходеносауни*, что означает «Люди Длинного Дома».

Вдохновленная первыми открытиями Мария перекопала всю местную библиотеку и выяснила, что все ирокезские племена, включая мохавков, делились на три рода: Род Волка, Род Медведя и Род Черепахи. Кроме того, она нашла старые рисунки, на которых были показаны внешний вид и планировка ирокезского Длинного дома – традиционного жилища, в котором проживали вместе все члены рода.

– Мне не слишком по вкусу, когда все вокруг общее, – заметила Эмерсон скептически. – Это, должно быть, мучительно для того, кто любит уединение и ценит личную жизнь.

Мария объяснила, что Великий Миротворец использовал идею ирокезского Длинного дома, как метафору. Он хотел, чтобы люди всех пяти племен считали, что они живут под одной крышей.

Когда Мария закончила читать эссе, Дороти Эмерсон сказала, что тема раскрыта не полностью.

– Все авторы, на которых вы ссылаетесь, – белые люди, принадлежавшие к среднему классу, а все ирокезы, от которых они получили сведения, – мужчины. Почему бы вам не выяснить роль ирокезских женщин и не узнать их точку зрения?

Через неделю Мария, еле сдерживая нетерпение, докладывала о последних результатах изысканий. Оказалось, что существовал третий основатель Конфедерации ирокезов – грозная женщина по имени Джингосасех. Она появилась на сцене еще до того, как к Великому Миротворцу присоединился Гайавата. Джингосасех предложила свою поддержку при условии, что ирокезская конституция утвердит равенство между полами. Это означало, что женщина получит реальную власть, а такие вечные ценности, как укрепление семьи, воспитание детей и поддержание мира, испокон века являвшиеся ее прерогативой, займут более достойное место в жизни племени.

Вот почему у каждого рода была своя Мать, объяснила Мария. Именно она решала, кто из мужчин достоин того, чтобы его избрали вождем или представителем рода в Верховном совете Конфедерации. Мать рода являлась последней инстанцией в иерархии Длинного дома. Она следила за тем, чтобы каждый его обитатель усвоил историю рода и его духовные ценности.

Мужчины наследовали родовое имя, а также все свои права и родственные связи не по отцовской, а по материнской линии. В браке женщине принадлежало семейное жилище,

земля и вся собственность мужа, кроме его коня и оружия. Кроме того, существовал Совет женщин, в который входили все матери рода. Совет женщин мог наложить вето на любое решение Верховного совета ирокезов, которое могло привести к войне.

Важной частью жизни ирокезов было усыновление и удочерение детей. Этот обычай был упомянут в ирокезской конституции – Великом Законе. Благодаря усыновлению ирокезские сироты обретали свой дом, устанавливались прочные связи между семьями и целыми народами. Если необходимо было пополнить общину после войны или эпидемии, то под предлогом усыновления в нее принимали военнопленных.

Ключевая роль в соблюдении этого обычая принадлежала Матери рода и Совету женщин. Они могли отправить воина на поиски подходящего человека для усыновления. После войны они могли освободить пленного от пыток и казни, объявив, что он будет усыновлен. Именно они решали, как усыновленные дети будут включены в ирокезскую систему родства.

* * *

Эти открытия необычайно взволновали Марию. Она и представить себе не могла, что женщина может играть столь важную роль в управлении племенем, не говоря уже о конфедерации племен. Кроме того, ее восхищал творческий подход ирокезов к идее усыновления, который позволял решать столь серьезные вопросы: от поддержания добрых отношений между племенами до восполнения потерь, понесенных ими во время эпидемий и войн.

Кроме всего прочего Мария вдруг осознала, какой силой может обладать самый простой вопрос – например, вопрос о роли ирокезских женщин, заданный Дороти Эмерсон. Значительно позже – уже в 1970-е годы – Мария поняла, что призмой, сквозь которую Дороти Эмерсон смотрела на человеческое общество, был феминизм. Однако в период занятий в Женеве Мария не думала о ней как о представительнице какой-то особой идеологии, общественного движения или аналитического метода. Просто никогда раньше она не встречала человека, подобного Дороти Эмерсон. Незамужняя, независимая от мужчин, эмоционально уравновешенная, – она, казалось, получала глубокое удовлетворение, подвергая сомнению самые основы бытия. Судя по всему, в ее мире не было ни религии, ни какой-либо другой системы верований, которая бы направляла или утешала ее; она не желала поклоняться идолам и «священным коровам» любого сорта.

* * *

Стиль Дороти Эмерсон разительно отличался от всего, с чем Марии Консепсьон доводилось сталкиваться в жизни. Церковь и светские власти передавали знания от одного поколения к другому в виде откровения. Традиции, в которых была воспитана Мария, не предполагали, что знания эти могут подвергаться сомнению. Любая, даже самая очевидная брешь в логике имела второстепенное значение по сравнению с такими основами, как религиозное благочестие, верность семье и государству.

Все это имело мало общего со взглядами Дороти Эмерсон. И все же Мария помнила, что в детстве и юности она сама часто задавала весьма толковые вопросы, которые способствовали расширению ее кругозора. Все началось с вопроса об индейцах *таино*, привезенных в Севилью. Где черпали они силу духа? Было очевидно, что они не полагались на таинства церкви. В поисках ответа Мария переосмыслила основы христианства и пришла к выводу, что католичество – лишь один из многих путей, позволяющих получить доступ к божественной энергии. Девушка без труда восприняла идеи ислама, ибо ими были буквально пропитаны архитектура, музыка и танцевальная культура Кордовы и Севильи – двух городов, в которых родились

и жили ее предки. Близка была Марии и уютная семейственность иудаизма, которую она ощущала в древних синагогах и на узких улочках еврейских кварталов обоих городов.

Повзрослев и больше узнав о различных системах верований, Мария не утратила верность католицизму. Это была та культурная среда, в которой она родилась и из которой трепетно взирала на божественное устройство вселенной. Эта вселенная была доброй, чарующе прекрасной и бесконечно удивительной; она была населена ангелами и святыми, о которых девушка думала не иначе как о своей семье и друзьях.

Это не означало, что Мария не знала о существовании зла. Она видела зло в том, как ужасно несправедливо европейцы обращались с индейцами; в работорговле африканцами и индейцами Южной Америки; в жестокостях испанской гражданской войны; в репортажах о геноциде, который осуществляли нацисты в Европе. Но ей не ведомо было зло, которое было бы частью природы.

На взгляд Марии, зло не являлось отдельной сущностью. Оно представляло собой отсутствие добра. Оно было пустотой. Единственный способ борьбы со злом заключался в том, чтобы заполнить пустоту священной энергией. Все сотворенные вещи – одушевленные и неодушевленные – были пропитаны энергией творца. Каждый мужчина, каждая женщина и каждый ребенок был потенциальным проводником священной энергии. В этом смысле каждый человек являлся священником, то есть носил в себе качество, которое она позже стала называть «природным священством всех детей Божьих».

Мария увлеклась этими идеями в раннем детстве – задолго до того дня, когда она узнала, что, по мнению церкви, только мужчины могут стать священниками. В детских мечтах она рисовала картины, в которых видела себя проповедником, отстаивающим права индейцев в Америке. Во время службы в Кафедральном соборе Севильи, когда музыка, красота движений и поэзия католической мессы увлекали ее душу в далекие миры, Мария представляла себя епископом, стоящим у главного алтаря в митре, с посохом в руке, в окружении паствы.

* * *

Осенью 1962 года, когда Мария прибыла в Монреаль, деревня Кахнаваке была обозначена на официальной карте Канады как индейская резервация Кофнавага. Впервые посетив деревню, графиня обнаружила, что маленькая деревянная церковь по-прежнему находится в ведении иезуитов. Церковь была посвящена святому Франциску Ксаверию – первому иезуитскому миссионеру. Внутри была установлена статуя основателя ордена иезуитов, святого Игнатия Лойолы, бывшего при жизни дворянином и воином. Отец Марии иногда в шутку называл Лойолу «испанским аборигеном», потому что тот был урожденным баском.

Марии было приятно, что придел церкви посвящен Непорочному зачатию – прообразу ее собственного имени⁵² и противоречивому церковному догмату, поборниками и воинствующими защитниками которого считали себя иезуиты. Над алтарем висела большая картина с изображением Девы Марии – дар короля Франции Карла X. По всей церкви были выгравированы или написаны краской начальные буквы девизов Ордена иезуитов: *IHS* — *Iesus Hominum Salvator* и *AMDG* — *Ad Majorem Dei Gloriam*⁵³.

Приходской священник позволил Марии пройти в ризницу, где хранилась рака с фрагментами костей Катери Текаквиты, которым молва приписывала чудодейственную силу. Опустившись на колени на ступенях алтаря, Мария долго не сводила глаз со статуи Катери. Статуя была вырезана из дерева и установлена над дарохранильницей у подножия большого деревянного креста. Скромность и простота обстановки помогли Марии преодолеть робость, кото-

⁵² Concepción (исп.) – Зачатие.

⁵³ *Iesus Hominum Salvator* (лат.) – Иисус спаситель человечества; *Ad Majorem Dei Gloriam* (лат.) – К вящей славе Господней.

рая охватила ее поначалу: ведь она находилась совсем рядом с останками Катери, в ее естественном окружении, если не на том самом месте, где она жила и умерла. В течение нескольких минут Мария мысленно говорила с Катери в своих молитвах.

* * *

Через два месяца после первого визита в Кахнаваке донна Мария Консепсьон встрети-лась с премьер-министром Джоном Дифенбейкером в его офисе в восточном блоке Парламента Канады в Оттаве. Встречу организовал посол Испании. Он коротко проинформировал пре-мьер-министра о том влиянии, которым графиня пользовалась в некоторых ведомствах Орга-низации Объединенных Наций, о ее глубоких познаниях в области истории и культуры корен-ных народов Америки, а также о проектах, которые она спонсировала. Посол упомянул о ее вероятном интересе к финансированию подобных проектов в Канаде и – несколько опромет-чиво – о ее знакомстве с политическим оппонентом премьер-министра Лестером Пирсоном.

Премьер-министр раскланялся с графиней с угодливой почтительностью и немедленно презентовал ей копию *Канадского Билля о правах* со своим автографом. Он объяснил, что многие годы возглавлял кампанию по продвижению этого законодательного акта и гордится тем, что он был принят в 1960 году. Билль уравнивал в правах все группы иммигрантов в Канаде, а не только англичан и французов.

– Только иммигрантов? – спросила графиня.

– Коренных жителей тоже, – отвечал Дифенбейкер добродушно, отдавая должное цеп-кости гостью.

Тонем сельского адвоката, знакомящего присяжных с материалами судебного дела, он объяснил, что до 1960 года *Индийский акт* лишал индейцев и эскимосов права голоса на все-общих выборах. Для того чтобы получить это право, они должны были отказаться от своего индейского статуса и стать обычными гражданами Канады. Потеря индейского статуса озна-чала, что они не смогут проживать со своей общиной на закрепленной за ними земле. Кроме того, они теряли все права, полученные при заключении договоров с Великобританией, Фран-цией и Канадой, а также право на землю и политическое самоопределение, которые давал им статус коренных жителей согласно международному закону.

– Но когда был принят мой *Билль о правах*, все канадские законы были приведены в соот-ветствие с ним, – заявил премьер-министр с гордостью. – Поэтому пришлось внести поправки и в *Индийский акт*. С 1960 года индейцы и эскимосы имеют такое же безусловное право на уча-стие в выборах, как и все остальные граждане Канады.

Донна Мария Консепсьон поздравила премьер-министра. Она сказала, что наслышана о его просвещенных взглядах, касающихся социальной справедливости. Действительно, инте-рес к этому вопросу был, по ее мнению, отличительной чертой его земляков из провинции Саскачеван.

– Нас сплотила великая депрессия, – отвечал Дифенбейкер. – На равнинах бушевали пыльные бури. Прерии превратились в «пыльный котел». Все мы приехали в Саскачеван из Европы – немцы и русские, скандинавы и британцы, христиане и иудеи. Мы все тогда поняли, как важно делиться друг с другом, – и делиться поровну.

– Когда я была девочкой, молодые люди из Саскачевана приезжали в Испанию. Они слу-жили добровольцами в интернациональных бригадах.

– Да, я знаю несколько человек, которые поехали в Испанию, чтобы бороться с фашиз-мом, – подхватил премьер-министр. – Это была горячая тема во времена моей молодости. Пра-вительство не одобряло это добровольческое движение. По сути дела, оно активно препятство-вало ему. Те, кто поехал, проявили большое личное мужество, не говоря уже о физической стойкости. Оглядываясь в прошлое, мы все очень гордимся ими.

Отвечая премьер-министру, графиня пристально смотрела ему в глаза:

– Бойцы интернациональной бригады убили двух моих братьев – Карлоса и Иньиго – на улицах Мадрида. Снайпер, застреливший их, был из Канады, из Саскачевана.

Премьер-министр был захвачен врасплох. Нервная улыбка моментально сменилась скорбным выражением лица.

– Мне очень жаль слышать это, – произнес он, откидываясь в кресле.

Ничто не может оправдать убийство, отвечала графиня, но она примирилась с потерей братьев. Она понимает, что человеческая раса представляет собой конфедерацию племен. Иногда члены одного племени чувствуют, что они имеют право вмешаться, если им кажется, что кто-то лишает членов другого племени исконного права на свободу и справедливость. Вероятно, такова была причина, по которой снайпер из Саскачевана приехал в Испанию.

– Мы все должны жить в одном Длинном доме, – заключила графиня.

Премьер-министр согласно кивнул:

– Я рад слышать, что вы так считаете. Это свидетельствует о вашем великодушии.

– Надеюсь, вы будете столь же великодушны, – сказала графиня тихо, все еще глядя ему в глаза, – и не будете возражать, если я задам вам вопрос о свободе и справедливости в отношении коренных жителей Канады?

– О, как я могу возражать, – воскликнул премьер-министр, – после всего того, что вы только что сказали!

– Возьмем, к примеру, образование. – Графиня перешла на деловой тон и извлекла заранее приготовленные заметки. – Разрешается ли индейским родителем высказывать мнение о том, чему их детей учат в школе? Относятся ли в школах с уважением к родному языку индейских детей, их традиционным верованиям и обычаям?

– Боюсь, что нет, сударыня, – по крайней мере, в данный момент, – отвечал Джон Дифенбейкер откровенно. – Но если вы побывали в Принс-Альберте или Саскатуне, как я, то вы наверняка слышали о том, как возмущаются индейцы по этому поводу. Из других частей страны до нас тоже доходят требования реформ.

Графиня продолжила беседу вопросами о положении индейских женщин. Правда ли, что индианка теряет свой законный статус, а вместе с ним и право жить и быть похороненной в индейской общине, где она родилась, если выходит замуж за мужчину, не имеющего статуса индейца? Правда ли, что этот закон действует даже в тех случаях, когда мужчина фактически является индейцем как в этническом, так и в культурном отношении? Почему этот закон не применим к индейцам-мужчинам, которые женятся на неиндианках? А в случае, если мать-индианка не была замужем, – почему закон лишает ее детей индейского статуса, унаследованного от матери? И вообще, правильно ли, что неиндейцы решают, кто является индейцем, а кто нет, используя европейскую концепцию наследования по отцовской линии, тогда как сами индейцы признают наследование по материнской линии?

Премьер-министр отвечал, что он недостаточно разбирается в тонкостях законодательства, но обязательно возьмет на заметку все вопросы графини. Он спросил, на что еще она хотела бы обратить его внимание.

Графиня осведомилась о состоянии дел с туберкулезом, который, согласно отчету Всемирной организации здравоохранения, является характерным заболеванием в индейских общинах. Эпидемиологи считали, что наиболее вероятные причины распространения туберкулеза – это плохие жилищные условия в резервациях, недостаточное питание и постоянный стресс, вызванный политическим давлением.

Затем графиня спросила об утечках ртути на металлургических комбинатах. Ртуть попадает в реки, рыба которых является главным источником пропитания для ряда индейских племен в Онтарио и Квебеке. Это вызывает заболевания центральной нервной системы у индейских детей.

Следующий вопрос касался оленей карибу, которые служили основным источником пищи для некоторых индейских и эскимосских племен в Северо-западных территориях. Годичный цикл аборигенов был организован вокруг охоты на этих животных. Тысячи лет крупные стада оленей ежегодно кочевали одними и теми же путями с севера на юг. Но новые нефте- и газопроводы, протянувшиеся на сотни миль, перекрыли эти пути, нарушив устоявшийся цикл. А шум низколетящих военных самолетов, совершающих учебные маневры, наводит панику на стада оленей в северном Квебеке и на Лабрадоре. Часть этих маневров проводит Великобритания.

Графиня напомнила премьер-министру о большом количестве нерассмотренных судебных исков индейцев. Иски эти связаны с невыполнением обещаний, данных индейцам правительством Великобритании почти сто лет тому назад. Аналогичные иски поступали и от тех индейских народов, которым никто никогда не предлагал заключить договор ни с Великобританией, ни с Канадой.

Ссылаясь на статистические данные канадского правительства, Мария Концепсьон упомянула о высоком проценте заключенных в федеральных и провинциальных тюрьмах из числа коренных жителей, а также о большом количестве индейских детей, которых забирали у матерей и помещали под государственную опеку, а затем отдавали на усыновление – иногда за границу, например, в Соединенные Штаты.

Графиня поинтересовалась, принимаются ли какие-либо меры в связи со сравнительно короткой продолжительностью жизни индейцев и частыми случаями психических заболеваний, наркомании, алкоголизма, насильственных смертей и самоубийств.

Премьер-министр даже не пытался ответить на эти вопросы. Он заверил гостью, что все они будут рассмотрены в свете *Канадского билля о правах*.

– Канадцы справедливы и толерантны, – уверял он. – Они сочувствуют коренным жителям и сделают все, чтобы те добились справедливости.

– А кто несет ответственность за несправедливость? – спокойно спросила графиня.

На лице премьер-министра снова заиграла нервная улыбка. Он вынужден был признать риторическое мастерство, с которым гостя парирует его доводы и делает ответные выпады.

– На все требуется время, – молвил он смиренно, – в том числе на то, чтобы добиться торжества справедливости. Мне потребовалось двадцать лет, чтобы убедить парламент принять *Билль о правах*.

– Ваша справедливость предусматривает возмещение причиненного ущерба? – спросила графиня.

Премьер-министр напомнил госте, что политика – это искусство компромиссов. На последних выборах он потерял большинство в правительстве и теперь возглавляет правительство меньшинства, а потому вынужден полагаться на поддержку парламентариев из оппозиционных партий. Возможно, вскоре ему снова придется обратиться к своим избирателям за поддержкой. Борьба с несправедливостью в отношении индейцев не поможет его партии набрать дополнительные голоса – даже голоса индейцев, потому что либералы делают все возможное, чтобы самим заполучить их. Они уже наполовину убедили индейцев, что те будут жить богаче, если проголосуют за либералов. Может статься, на будущий год в это самое время на этом стуле будет сидеть друг графини, Лестер Пирсон, и ей придется задавать свои вопросы ему.

Возможно, ей будет легче решать эти вопросы, если она будет получать сведения из первых рук, а не из книг и правительственных отчетов. Как известно, в Канаде существует почти семьсот индейских общин, не считая многочисленные группы нестатусных индейцев и индейцев, проживающих в больших городах. Жители разных общин отличаются друг от друга внешностью, говорят на разных языках, ведут разный образ жизни и имеют разную историю.

Премьер министр заметил, что графиня часто ссылается на ирокезов. Но, в отличие от других индейских народов, ирокезы издавна жили по соседству с большими городами на востоке Канады и Соединенных Штатов. В течение трех столетий они активно общались с европейцами, в результате чего заключалось большое количество смешанных браков. Ирокезы часто играли роль посредников между индейскими племенами, проживавшими на западных территориях, и европейскими торговцами и поселенцами на востоке. По этим причинам ирокезов вряд ли можно считать типичными представителями коренных народов, обитающих на севере и западе.

По словам Дифенбейкера, в северных прериях можно было встретить индейские общины, первый контакт которых с внешним миром состоялся всего шестьдесят-восемьдесят лет назад. Они не имели семейных связей и бытовых контактов с другими народами до 1940-х, а то и 1950-х годов. Даже в 1962 году между канадцами и этими аборигенами существовала значительная дистанция и взаимное непонимание.

Графиня милостиво уступила премьер-министру, признав его правоту в этом вопросе. Она не стала рассказывать ему о том, что уже посетила несколько индейских общин в Северном Онтарио и Квебеке и обнаружила, что их вожди часто и подолгу отсутствуют, уезжая из резервации за сотни, а иногда и тысячи миль в большие города, чтобы встретиться с федеральными чиновниками.

После встречи с премьер-министром графиня побывала в общинах индейцев и метисов на западе и севере страны. Вблизи Гудзонова залива она впервые встретила эскимосами. Повсюду, где ей довелось побывать, она общалась с «природными священниками» – шаманами, целителями, колдунами, хранителями трубки и другими приверженцами древних традиций, которые хранили предания и историю своих племен, чистоту ритуалов и духовных заветов. И все эти люди были озабочены тем, что их родные языки, сказания, поэмы, песни и танцы исчезают с лица земли, потому что молодое поколение живет отдельно от своего народа в школах-интернатах, которые финансируются правительством и управляются, в основном, христианскими церквями. Многие боялись, что Канада не будет соблюдать бывшие договоренности индейцев с Великобританией и Францией.

Вдохновленная историями о женщинах Длинного дома ирокезов, Мария Концепсьон решила посвятить свой первый проект в Канаде созданию Совета женщин. Духовной Матерью совета будет праведная Катери Текаквита, «Лилия мохавков». Целью проекта будет возмещение ущерба, причиненного индейским детям.

В течение трех месяцев Мария разъезжала по всей Канаде, после чего остановилась на постоянное жительство в Монреале. Здесь она начала заниматься новым проектом и готовиться к появлению на свет своего ребенка.

* * *

...Через три дня после рождения мальчика холодным мартовским днем графиня прибыла в церковь в деревне Кахнаваке. Кортёж состоял из двух лимузинов с шоферами, одетыми в униформу. В первом автомобиле сидели четыре представительницы Совета женщин с младенцем на руках. Графиня ехала отдельно во второй машине.

На голове у Марии была вышитая повязка, из которой торчало небольшое орлиное перо. Из-под повязки спускались длинные черные волосы, заплетенные в две косы. В длинном, до щиколоток, платье из мягкой оленьей кожи с бахромой, шали с вышивкой на плечах и расшитых бисером мокалинах Мария была похожа на Катери Текаквиту на той картинке, которую отец Молина подарил своей ученице, когда ей было семь лет.

Свет солнца, клонившегося к закату, был окрашен лимонными тонами. Он был слишком слабым, чтобы осветить все укромные уголки церкви. Тусклое рубиново-красное пламя алтар-

ной лампы тоже почти не давало света. Однако, стоя у дверей церкви, Мария ясно различала очертания четырех женщин, сидящих на передней скамье.

Мерными шагами Мария приблизилась к алтарной ограде, отворила ворота и с легким трепетом в груди ступила в алтарную часть. Это была святая святых храма, запретное место для женщин во время богослужения; однако именно здесь Мария всегда мечтала оказаться. Опустившись на колени на нижней из трех ступеней, ведущих к алтарю, она устремила взгляд на статую Катери. Неподвижную фигуру праведницы окружала аура умиротворения. Катери смотрела на Марию, и взгляд ее излучал спокойствие, терпение и понимание. Казалось, он проникал в самую душу и был обращен к ее истинной сущности. Мария чувствовала глубокую связь с Катери.

После нескольких минут созерцания Мария вернулась к алтарной ограде. Одна из ее спутниц зажгла пучок сладкой травы от пламени свечи и поводила в воздухе тлеющим пучком, рассеивая дым над головами женщин и над младенцем. Те же пассы проделали по очереди остальные участницы церемонии, в том числе и Мария. Затем старшая из четырех участниц поцеловала мальчика и передала его своей соседке, следующей по старшинству. Женщины, целуя, передавали малыша с рук на руки, пока тот не оказался у графини.

Держа в руках ребенка, Мария Консепсьон взошла по ступеням в алтарь. Женщины окружили ее, образовав полумесяц, словно диаконы, помогающие священнику во время торжественной мессы. Младшая развернула большое покрывало, на котором было вышито древо, символизирующее Конфедерацию ирокезов. На нижней ветке примостилась черепаха, представляющая Род Черепахи мохавков. На верхушке дерева – на страже Федерации – восседал Орел.

Мария расстелила покрывало на алтаре расшитой стороной вниз и положила на него мальчика. Затем она связала углы покрывала над грудью ребенка. Вынув у себя из волос коричнево-белое орлиное перо, она положила его рядом с головой младенца.

Мария поднесла руку к алтарю, легко коснулась его кончиками пальцев и стояла так, выпрямившись, подняв лицо кверху. Она безмолвно молилась, не сводя глаз со статуи Катери.

Она по-прежнему ценит девственность, как источник духовной силы. Она пошла на этот брак с единственной целью – обеспечить надежную защиту своему наследнику, который нужен ей для выполнения высокой миссии – возмещения понесенных индейцами утрат. Она понимает, что невозможно управлять жизнью другого человека. Но как Мать рода мохавков, передавая историю рода его сыновьям и дочерям, хотела воспитать в них глубокое понимание своих обязанностей перед шестью народами Длинного Дома, так и она хочет, чтобы ее сын вырос, чувствуя духовное родство со всеми индейскими народами Америки.

Подняв руки с раскрытыми ладонями на уровень плеч и глядя прямо перед собой, Мария произнесла громко: «Катери, ты была дочерью Рода Черепахи, когда пребывала среди нас. Сейчас ты – духовная Мать намного большего рода, дети которого рассеяны по всему миру. Мы, матери из твоего Совета женщин, просим тебя: прими нашего сына в свой духовный Длинный Дом, где нет различий между детьми Божьими. Научи его с уважением относиться ко всем духовным традициям. А когда он вырастет, помоги ему использовать во благо живущую в нем великую силу природного священства.

Звук ее голоса разбудил ребенка; он скосил глаза на мать и всхлипнул. Мария нежно обмахнула малыша орлиным пером, поглаживая его лоб и щеки, затем вложила черенок пера в открытую правую ладошку. Почувствовав прикосновение, малыш крепко схватил перо.

Графиня по очереди обняла своих спутниц, после чего те вышли из церкви. Сама она оставалась у алтаря, пока не услышала звук отъезжающей машины. Через несколько минут, как и было условлено, из ризницы появился священник. Он отвел Марию к раке с мощами Катери, на которую она ненадолго положила сына.

Когда графиня выходила из церкви, мимо проходили четверо мальчиков-мохавков с палками для игры в лакросс⁵⁴. Они дружелюбно помахали Марии и, ободренные ее улыбкой, подбежали, чтобы взглянуть на малыша и поцеловать его.

Графиня велела шоферу ехать в аэропорт Дорваль, где ее ждал личный самолет, прилетевший за ней из Мадрида. В сопровождении двух акушерок, прибывших из Испании, она всю ночь – с несколькими посадками – летела домой в Севилью.

* * *

Спустя две недели в Страстную субботу в Севилью коммерческим рейсом прибыл Чарльз Гриффин. На следующий день кардинал, кузен Марии Консепсьон, окрестил мальчика в той самой купели, в которой крестили Марию, ее братьев, ее отца и еще многие поколения ее семьи.

Граф чувствовал себя неуютно в чуждой ему атмосфере католического собора, который все еще наполняли душные запахи, оставшиеся после Воскресной Пасхальной мессы. Он испытал большое облегчение, когда обряд крещения закончился. Часом позже состоялся прием гостей в доме его жены в Севилье. Никто из родственников графа не присутствовал.

Чарльза раздражал резкий, ломаный английский язык экспансивных родственников и друзей графини. После довольно формального приветствия граф уединился в библиотеке. Там, разглядывая карты XVI и XVII веков с маршрутами путешествий в Новый Свет, которые финансировали предки донны Марии Консепсьон, Чарльз поглотил два двойных односолодовых виски. Уединение и выпитое спиртное сделали свое дело: самочувствие его значительно улучшилось. Поразмыслив, граф поздравил себя с совершением очень выгодной сделки. Одним выстрелом он убил двух зайцев: произвел на свет наследника и обеспечил надежное финансовое будущее для Ардуна и для себя лично.

Восстановив таким образом бодрость духа, Чарльз вышел из библиотеки, чтобы пообщаться с гостями. Со свойственным ему обаянием и грацией он принимал комплименты. Когда пришло время уезжать, чтобы успеть на вечерний рейс в Лондон, граф все еще пребывал в приподнятом настроении и прошел в детскую, чтобы еще раз взглянуть на сына. Через какое-то время к нему присоединился кардинал. Бесшумно проскользнув в комнату, священнослужитель встал у детской кроватки напротив Чарльза. В течение нескольких минут граф, казалось, не замечал его присутствия. Занятый своими мыслями он глядел вниз на маленькое сморщенное личико спящего младенца.

– Эти христианские имена, которые вы и графиня выбрали для мальчика, – произнес кардинал мягко с легким испанским акцентом, – Руперт и Карлос! Они прекрасно отражают его благородное английское и испанское происхождение. – Кардинал посмотрел на графа, приглашая его к разговору. – Как и подобает в таких случаях, первенство должно принадлежать имени, выбранному отцом.

Поскольку граф по-прежнему хранил молчание, служитель церкви продолжал:

– Но должен признаться, я бы предпочел, чтобы его испанское имя стояло первым.

Кардинал скользнул рукой под сутану и извлек маленький шелковый мешочек. Вытряхнув на ладонь четки из мексиканского алмаза, он прицепил их к балдахину над детской кроваткой так, чтобы серебряное распятие висело над изголовьем младенца. Выпрямившись, кардинал сказал:

– Насколько я понимаю, вы будете воспитывать мальчика в *обеих* культурных традициях?

Граф вздрогнул и поднял взгляд, наконец-то полностью отдав себе отчет в присутствии кардинала.

⁵⁴ Лакросс – канадская национальная игра индейского происхождения.

– В обеих культурных традициях? – Чарльз покачивался, пытаясь уловить смысл вопроса. Когда ему это удалось, он снова перевел слегка остекленевший взгляд на лежащего в колыбели сына и чуть помедлил, собираясь с мыслями.

– О да, – произнес он, наконец, – обе культурные традиции! – Граф кивнул с преувеличенной важностью. – Руперт – настоящий грифон: наполовину – лев, наполовину – орел.

Глава 3

ЗЕМЛЯ РУПЕРТА

Ко времени поступления в Оксфорд в 1981 году Руперт Карлос уже отличался крайней разборчивостью в одежде. Эта черта характера говорила скорее о его застенчивости и неуверенности в себе, нежели о тщеславии, и происходила от тревожного детского желания угодить родителям. То обстоятельство, что отец Руперта был английским лордом, а мать – испанской графиней, только усложняло эту задачу. В раннем возрасте заботы о воспитании мальчика были возложены большей частью на няню. Няню звали Роуз. Возможно, именно она невольно укоренила в сознании своего питомца мысль о том, что одобрение или неодобрение родителей в значительной мере зависит от того, как он одет.

– Ах, если бы только отец и мать видели тебя сейчас! – умиленно вздыхала она, глядя на чистенького и опрятного ангелочка, каким Руперт временами предстал перед ней.

Те же слова звучали в устах Роуз крайне неодобрительно, когда мальчик возвращался с прогулки растрепанный и перепачканный. К тому же Руперт заметил, что в те дни, когда няня хлопотала над его внешним видом больше, чем обычно, подбирая более строгие наряды, его, как правило, навещал один из родителей. Для детского ума эти два события выглядели во многом как причина и следствие.

Визиты матери подтверждали магическую силу одежды. Она обычно привозила в подарок сыну что-либо традиционно испанское: андалусскую шляпу, расшитую куртку тореадора или туфли для танцев фламенко. Когда Руперт примерял новые наряды, графиня буквально таяла от умиления и неизменно покрывала сына поцелуями. Испанский стиль, говорила она, оттеняет его сияющие карие глаза и блестящие черные волосы намного лучше, чем «унылые детские комбинезоны и прочие английские пеленки».

Даже на его отца одежда, казалось, производила заметное впечатление. Когда Руперту исполнилось семь лет, мать подарила ему на рождество его первого пони. В День подарков весь цвет Хитропского охотничьего общества – с лошадьми и сворами гончих – собрался в Ардуне для охоты на лис. Это был первый выезд Руперта. Верховом на пони он следовал за охотниками вместе с другими юными наездниками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.